THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ОЧЕРКИ

БОЛЬШАГО СВѢТА.

Сочиненіе

ЯСНОВИДЯЩЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Карла Неймана и Комп.

1839.

ОЧЕРКИ

БОЛЬШАГО СВѢТА.

Сочиненіе

ЯСНОВИДЯЩЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Карла Неймана и Комп.

1839.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Апрѣля 23 дня 1838 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чье воображеніе не изумится, если, разсматривая постепенный ходъ развитія умствеиныхъ способностей человѣчества, оно усмотритъ событія послѣднихъ столѣтій, усмотритъ быстрые, невѣроятные успѣхи всего, что̀ есть наука, познаніе, искусство? ... Какъ не признать, что мы смѣло и упорно идемъ впередъ, что каждый годъ, каждый день увеличиваетъ общую массу нашихъ силъ и пріобрѣтеній?.. Теперь у свода небеснаго нѣтъ болѣе чудесъ, недоступныхъ уму человѣческому; теперь природа вынуждена уступить ему почти всѣ тайны свои; теперь пространство и неизмѣримость не знаютъ ему ни

рубежа, ни препонъ. Онъ витаетъ въ воздухѣ, дышетъ подъ водою, указываетъ путь молніи, совокупляетъ стихіи, чтобъ покорить ихъ своему употребленію, создалъ себѣ подручника въ парахъ; теперь онъ все постигъ, все угадалъ; ему остается узнать только одно: самого себя!..

Вотъ почему духъ девятнадцатаго вѣка, есть точно духъ разбора, духъ разсужденья и изслѣдованій.

Этотъ духъ, это расположенье испытывать себя и всѣхъ,—они повсемѣстны, они проявляются вездѣ, подъ разными видами; они — глубокомудріе у философа и мыслителя, они — прихоть и побужденье суетныхъ. Знамя вѣка нашего — знакъ вопрошенья; его орудіе — умственный скальпель, которымъ онъ разбираетъ дно сердца и фибры страстей. Люди поняли, что любопытнѣйшая изъ наукъ—наука самопознанія, поняли, что занимательнѣйшее изъ откровеній, это откровеніе характеровъ и лицъ. И потому всѣ думы настроены къ наблюденію, всѣ взоры хотятъ проникнуть изгибы души ближняго.

Моралистъ и историкъ изучаютъ владыкъ міра, сильныхъ, могущественныхъ,

тѣхъ, кои принадлежатъ современникамъ и потомству.

Поэты призываютъ въ предметы своихъ созерцаній души избранныя, созданія, изъятыя изъ толпы, все возвышенное, все прекрасное.

Намъ, дѣтямъ свѣта, остаются наши равные, живущіе съ нами и около насъ. Мы смотримъ одинъ на другаго, мы осуждаемъ или оправдываемъ другъ друга, мы служимъ себѣ взаимно занятіемъ, соблазномъ, удивленьемъ.

Но гдѣ же распознаваться намъ межъ собою, гдѣ наблюдать намъ, если не въ любимомъ кругу нашего вращенія, если не на сценѣ свѣта нашего, гдѣ мы въ одно время и зрители и дѣйствующіе, гдѣ близкія закулисныя мѣста открыты всѣмъ и каждому? . . .

Но гдѣ-жъ сильнѣе разгараются страсти, гдѣ ярко обнаруживаются способности, какъ ни въ толпѣ, тамъ, гдѣ выгоды всеобщія безпрестанно сталкиваются съ выгодами каждаго, гдѣ самолюбіе одного затираетъ самолюбіе другаго, гдѣ гордость, тщеславіе, алчность и честолюбіе огнедышащимъ соприкосновеніемъ ежеминутно

создаютъ и рушатъ цѣлыя участи, порождаютъ великія бѣдствія однимъ, основываютъ блестящія благополучія для другихъ?... Гдѣ жизнь, если не тамъ, куда все стекается жить, чувствовать, терпѣть и наслаждаться?

Свѣтъ — живая книга, книга пестрая, трепещущая занимательностью; но не всякому дается ея мудреная грамота. Должно быть одарену большимъ избыткомъ въ головѣ, или большимъ избыткомъ въ сердцѣ, чтобы умѣть читать по складамъ чужія радости и чужое горе, чтобъ открыть жизнь настоящую, внутреннюю жизнь каждаго подъ густой корой наружностей и гладкимъ одноцвѣтнымъ лакомъ принятыхъ обычаевъ, условленныхъ формъ жизни общественной. Нужно приготовить себя заранѣе къ этому ремеслу сомнѣній и опытовъ, сказавъ себѣ напередъ, что слѣдствія его должны быть ужасны для довѣрчивости и безпечности врожденной, и потомъ, затепливъ свѣтильникъ истины, безтрепетно озарять все окружающее его неподкупнымъ блескомъ, не ужасаться, когда онъ раззолотитъ мишуру, изобличитъ марево, испепелитъ мечту; идти далѣе, жалѣть,

прощать, и не требовать у міра совершенства, еже не отъ міра сего.

Двоякій путь ведетъ къ оцѣнкѣ свѣта, къ познанію страстей и тайнъ, въ немъ кипящихъ: умственныя способности разбираютъ, обсуживаютъ, доискиваются; сердечность отгадываетъ и понимаетъ. Умъ видитъ и заключаетъ; сердце видитъ и сочувствуетъ.

Первому свѣтъ — зрѣлище; для послѣдняго — онъ драма.

И не вѣрьте имъ, говорящимъ, что одна только собственная опытность доводитъ до разумѣнья другихъ; не вѣрьте, что необходимо самому прожить и прочувствовать, чтобъ постичь, чтобъ угадать жизнь и чувства въ окружающихъ: нѣтъ, достаточно носить въ душѣ зародышъ сильныхъ впечатлѣній, чтобъ отзываться на вопль души чужой. Достаточно вблизи смотрѣть, какъ страдаютъ, какъ любятъ, чтобъ говорить ихъ языкомъ съ страдающими и любящими. Достаточно прозрѣть и прослышать, чтобъ на все найдти отблескъ и отзвукъ.

ЧИНЫ И ДЕНЬГИ.

C'est toujours une histoire bien simple que celle d'un coeur passionné.

Альфр. де Виньи.

I.

Письмо Вадима Свирскаго къ его сестрѣ.

С. Петербургъ, 14 Февраля 18.. г.

Сестра! какая мысль родилась въ твоемъ воображеніи? Откуда любопытство въ этомъ воображеніи всегда спокойномъ, безпристрастномъ, холодномъ, какъ ледъ, покрывшій теперь мои окна?..... Чего хочешь ты отъ меня? Ты хочешь, чтобы я разсказалъ тебѣ, и подробно и откровенно, все, что было со мною въ эти *четыре мѣсяца*, проведенные мною въ Москвѣ!.....

Но для чего-жъ не просишь ты восторженнаго употребителя опіума, чтобы онъ повѣдалъ тебѣ о тысячѣ волшебныхъ приключеній, въ часы искуственнаго сна, съ нимъ бывшихъ? Поче-

му не требуешь ты, чтобы онъ передалъ тебѣ въ словахъ земныхъ, въ словахъ человѣческихъ тѣ радости, тѣ чувства, тѣ ощущенія внѣ предѣла бытія нашего, которыя посылаетъ ему упоительная сила употребляемаго имъ напитка?...

Другъ мой! чары любви, какъ чары опіума — понятны только тѣмъ, кто испыталъ ихъ! Непосвященнымъ не дано проникнуть въ ихъ загадочную повѣсть, и голосъ страстей всегда останется дикимъ и чуждымъ для безстрастія. А ты — что можетъ быть невиннѣе и безгрѣшнѣе твоей души, тихо развившейся въ тѣсномъ мірѣ домашней жизни, въ уединеніи и молитвѣ? Горлица хочетъ извѣдать стихію саламандра! И какъ разсказать, и какъ описать мнѣ огненные порывы моего сердца, знойные дни моего счастія? Предпріятіе безумное! Языкъ человѣческій слишкомъ бѣденъ, слишкомъ ничтоженъ — не ему выражать богатства нашего сердца, и разсказъ любви, какъ портретъ красавицы, вѣчно останется неудовлетворительнымъ, неполнымъ.

Видно впрочемъ, что ты не любила! Иначе, ты не говорила-бы такъ просто: »*Хочу, мой Вадимъ, хочу знать, кто эта очаровательница, отнявшая у насъ лучшую часть твоего сердца, и для которой такъ безсовѣстно укоротилъ ты свое пребываніе у насъ, свиданіе, вымоленное многолѣтними желаніями стараго отца и бѣдной, одинокой твоей сестры? Опиши же мнѣ, гдѣ и какъ ты съ ней по-*

знакомился, какъ вы сошлись, какъ объяснились, какія надежды теперь ты имѣешь — словомъ, все, да, все, что относится до поѣздки твоей въ Москву, что было съ тобою, ежедневно, ежеминутно....«

Признаться, другъ Катя, эти строки показались мнѣ такъ странны, что я придумать не могъ, какъ мнѣ на нихъ отвѣчать! Если-бы не тѣсная дружба, отъ младенчества насъ связавшая, если-бы не всегдашняя снисходительность твоя, снискавшая вполнѣ мою довѣренность — я не рѣшился-бы подѣлиться завѣтной тайной моего сердца, первыми порывами *первой*, но — *вѣчной* любви. Не уважить твоего желанія была-бы неблагодарность, и я попытаюсь — слышишь, сестра — *попытаюсь* высказать въ мертвыхъ словахъ мои живыя чувства.

Мы расли вмѣстѣ, и ты знаешь, какимъ свѣтлымъ мечтаніямъ я предавался, рисуя мысленно черты и прелесть женщины моихъ безотчетныхъ грезъ: ты знаешь, какими восторгами пылала душа моя заранѣе для чистаго идеала отроческихъ дней — но ты не знаешь, но ты не можешь понять, какъ жестоко существенность разбила эти надежды, эти сны, какъ страдалъ я, когда безпрестанные опыты приводили меня къ новымъ обманамъ, и каждая встрѣча отнимала у сердца моего по заблужденію, у души моей по вѣрованію. Я долженъ былъ признаться себѣ, что *воображаемая* была слишкомъ не-земна, что

мнѣ не найти ее на землѣ — и пламенное изступленіе, для нея приготовленное, замѣнилъ я пошлыми впечатлѣніями, столь же легко забываемыми, какъ сны съ пробужденіемъ. Мнѣ жаль было отдать мое сердце, *все сердце* той, которая не могла его понять. И я дробилъ его на мелкія искры неполныхъ чувствъ. И я оставался равнодушнымъ къ деревенскому кокетству нашихъ сосѣдокъ, и къ гордой неприступности Петербургскихъ красавицъ. Никогда голосъ страсти не пробуждалъ моей души, никогда умиленіе не повергало меня въ прахъ передъ милымъ существомъ! Я насильно забиралъ себѣ въ голову двухъ-дневную фантазію — но только для того, чтобы слѣдовать обычаю, чтобы не отставатъ отъ рѣзвыхъ товарищей моей молодости. Разсудительно и медленно обдумывалъ я свои планы; холодно приступалъ къ ихъ исполненію, систематически бралъ кольца, ленты, волосы; спокойно, раскуривая трубку, писалъ письма, дышавшія страстью; получалъ записочки на атласистой бумажкѣ и отправлялъ въ огонь всѣ эти трофеи моихъ шалостей, когда арсеналъ мой ими наполнялся. Но при всемъ этомъ, сердце мое билось такъ же ровно, какъ въ дѣтствѣ за геометрическимъ чертежемъ, и въ моей душѣ было пусто, какъ въ глуши степной....

Однако, что-жъ дѣлало *оно*, это сердце, рожденное для жаркихъ страстей? Чѣмъ жило это воображеніе, тревожное и алчное, привыкшее

питаться восторгомъ и мечтами?... О! они не участвовали въ жизни суетностей; они жили въ другой сферѣ — они все болѣе и болѣе жаждали любви и счастья, просили высокихъ чувствъ и высокой цѣли; они томили меня, какъ лишняя ноша; они преслѣдовали меня въ этомъ разсѣянномъ быту, куда я погружался, чтобы заставить ихъ забыться.... И въ часы уединенія, по прежнему, вымаливалъ я у непреклонной судьбы исполненія моихъ раннихъ думъ, олицетворенія моихъ юныхъ сновъ! Но нигдѣ, нигдѣ не находилъ я *суженой* для моей взыскательной мечты! Я задумалъ невозможное, искалъ высоко и далеко, и *обыкновенное* меня не удовлетворяло, сердце мое оставалось безъ кумира, и я былъ одинокъ.....

Одна послѣ другой, женщины мелькали передъ моими глазами, были въ моихъ объятіяхъ, не оставляя по себѣ ни тѣни завѣтнаго воспоминанія, ни минуты сожалѣнія. Чѣмъ болѣе хотѣлъ я совершенствъ, тѣмъ строже судилъ недостатки. Въ одной мнѣ надоѣдала пошлая нѣжность безъ характера и безъ страсти: она любила не *меня*, но любила *кого-нибудь*, перваго, приведеннаго къ ней случаемъ, потому, что она думала, будто ей *должно было* любить. Въ другой меня ужасало легкомысленное забвеніе всѣхъ законовъ, всѣхъ святыней, всѣхъ правилъ: она ни одной слезы раскаянія, ни одной борьбы съ совѣстью не

принесла мнѣ въ жертву, а мы, мужчины, мы хотимъ дорого стоить женскому сердцу, хотя и немногіе изъ насъ знаютъ цѣну женской преданности. Въ третьей главною причиной забывчивости была пылкость воображенія, беспокойнаго и непостояннаго, а сердце ея всегда отставало отъ головы. — Тутъ, умъ безъ сердца — тамъ, кокетство и самолюбіе; далѣе... О, далѣе хуже всего — развратъ, холодный, разсчитывающій развратъ, который, забывъ всю стыдливость, всю скромность женщины, подобно намъ, повѣсамъ приготовляетъ заранѣе свои связи, и падаетъ съ сознаніемь и паденія, и вины!

Вотъ чему научился я съ годами, и вотъ что нашелъ я, преслѣдуя созданіе моихъ думъ! Суди-же, какова была моя опытность, и какова должна быть та, которая примирила меня съ женщиною, которая осмыслила для меня и свѣтъ, и жизнь, которая познакомила меня съ обезумляющимъ счастьемъ! Но при мысли о *ней* все мѣшается, все кружится около меня — дамъ пройти этой бурѣ воспоминаній, и потомъ опять примусь разсказывать тебѣ какъ должно.

Когда я оставилъ васъ, батюшку и тебя, спѣша изъ стараго нашего Уютова хлопотать въ Москвѣ по дѣлу моего пріятеля, я твердо намѣренъ былъ возвратиться черезъ нѣсколько недѣль, и посвятить вамъ всѣ дни моего отпуска. Я хотѣлъ только удовлетворить давнишнее же-

даніе мое — посмотрѣть на древнюю столицу, куда до тѣхъ поръ не заносила меня недвижная звѣзда моего жребія. Двойная занимательность манила меня къ берегамъ Москвы рѣки, но сильнѣйшею было побужденіе священное: хотѣлось Русскому сердцу подышать Русской стариной, ея преданьями и воспоминаньями, назнаменованными славою, духомъ народнымъ, безпредѣльною любовью къ отечеству! Меня влекло неодолимое желаніе помолиться въ соборахъ, гдѣ молилась Москва 12-го года; полюбоваться тѣмъ Кремлемъ, отъ котораго не разъ бѣгали, и дикія толпы сыновъ Чингиса, и рати Поляковъ, тѣмъ Кремлемъ, что былъ предѣломъ всепоглощающаго исполина, роковымъ камнемъ преткновенія на пути завоевателя полувселенной, тѣмъ Кремлемъ, съ оградъ котораго ни одинъ зубецъ не палъ передъ вражьимъ насиліемъ! Меня порывало вступить въ это сердце Россіи, въ городъ, пережившій всѣ событія отечественной исторіи, бывшій многовѣчнымъ свидѣтелемъ всѣхъ ея переворотовъ. Мнѣ хотѣлось отыскать, осмотрѣть послѣднія развалины, гдѣ, где оставшіяся среди воскреснувшей Москвы гордымъ памятникомъ единственнаго въ мірѣ самоотверженія — этого добровольнаго пожара, который не имѣлъ примѣра и вѣрно не будетъ имѣть его въ лѣтописяхъ міра. Надобны сердца и патріотисмъ, совершить такое дѣло, а у другихъ народовъ остались толь-

ко промышленность и разсчетъ. Москвичи! вы зажгли свои домы, домы, гдѣ родилось, гдѣ жило столько вашихъ предковъ, домы, гдѣ столько поколѣній оставили свои воспоминанія, гдѣ таились и ваши собственныя — вы принесли ихъ въ жертву за родину, и жертва ваша не осталась безъ мести. Кровавое зарево предсказало паденіе Непобѣдимому, и не стало того, кого девятнадцатый вѣкъ, глаголомъ порабощенной Германіи, въ страхѣ и трепетѣ назвалъ der Mann des Schicksal's (мужъ судебъ)!

Таковы были мысли мои на пути въ Москву, и сообщивъ ихъ тебѣ, долженъ-ли я еще упомянуть о второй причинѣ моей поѣздки? Признаться-ли, что моя память была полна разсказами нашихъ гвардейцевъ о привѣтливой гостепріимности Москвичей и миловидности Москвитянокъ; что я желалъ имѣть понятіе по опыту о веселомъ житьѣ залетной молодежи Петербурга на рубежѣ устарѣвшей и радушной Москвы?.... Къ этимъ описаніямъ, существенность взялась прибавить убѣжденія, и я не рѣдко могъ повѣрять ихъ, любуясь прелестными образцами, которые Петербургъ присвоилъ себѣ, и что, мимоходомъ сказать, немало дразнило коренныхъ приневскихъ красавицъ. Неоднократно бывалъ я скромнымъ повѣреннымъ любви моихъ пріятелей къ очаровательнымъ переселенкамъ изъ Москвы, и у меня въ ушахъ звенѣло похвалой Москвичамъ,

панегириками вздыхателей, даже ревнивыми пенями отверженныхъ и жалобами завистливыхъ. Все это образовало въ моихъ мысляхъ какое-то пристрастіе къ согражданамъ этихъ милыхъ существъ, столь обожаемыхъ, столь бранимыхъ Москвитянокъ!

Не описываю тебѣ, какимъ пылкимъ мечтателемъ подъѣзжалъ я къ бѣлокаменной, какимъ взыскательнымъ пилигримомъ озирался я на улицы и домы, едва проѣхавъ заставу, и жаждая уже той старины, той оригинальности, которыхъ ожидалъ. Не разсказываю и того, какимъ фанатикомъ *Среднихъ вѣковъ* проводилъ я дни и ночи въ Кремлѣ, въ соборахъ, передъ церковью Василія Блаженнаго, изящнымъ произведеніемъ забытаго теперь зодчества — все это дѣло стороннее. Скажу только, что когда я насмотрѣлся, находился, утолилъ свою душу, мнѣ стало пусто и дико въ мѣстахъ, гдѣ я былъ одинокъ, какъ будто съ неба упадшій. Я переглядѣлъ все, что манило воображеніе, все, что привлекало душу, и наконецъ, нѣмая бесѣда съ нѣмыми камнями мнѣ надоѣла.

Я вздумалъ обѣгать гульбища: всѣ они были пусты. Сады и бульвары безмолвствовали, какъ-будто приговоренные къ торжественной тишинѣ Египетскихъ развалинъ, а если кое-гдѣ и показывались на нихъ два, три лица, то и они ско-

рѣе напоминали Египетскихъ мумій въ распещренныхъ нарядахъ, или даже почтеннаго аписа съ крокодилами и луковицами, чѣмъ свѣжія, молодыя личики, мною отыскиваемыя. Со вздохомъ вспомнилъ я нашъ шумный проспектъ, гдѣ ежедневно роятся разнообразныя толпы, гдѣ каждое утро пиръ глазамъ, выставка тонкихъ становъ и стройныхъ ножекъ.

Я бросился въ театръ, и нашелъ мракъ, темнѣе осенняго, пару креселъ, занятыхъ почтенными фигурами съ того свѣта, и одну полную ложу, гдѣ грызли орѣхи. Я высидѣлъ до конца спектакля, потому, что спалъ непробудно. Наконецъ, досадуя на мои неудачи, я прибѣгнулъ къ моему единственному знакомцу въ цѣломъ городѣ, къ рыжему Нѣмцу, содержателю гостинницы, гдѣ я остановился, и сталъ его распрашивать: куда дѣвались жители Москвы? Мой Нѣмецъ растолковалъ мнѣ, что всѣ они еще разсѣяны по дачамъ и помѣстьямъ; что лѣтомъ и осенью городъ почти пустъ, и что Московская зима, пора жизни, движенія, веселости, начинается не прежде поры снѣговъ, около Ноября.

А тогда кончался только Сентябрь, и дожидаться Ноября значило потерять даромъ время отпуска. Я задумалъ о возвратѣ къ вамъ, окончилъ успѣшно порученное мнѣ дѣло, и съ подорожною въ карманѣ пошелъ въ послѣдній разъ побродить по улицамъ.

Ты не можешь себѣ вообразить, что такое значитъ сиротство въ пустынѣ большаго города: это чувство самое тягостное, самое грустное; я испыталъ его вполнѣ, провелъ нѣсколько дней самыхъ непріятныхъ, и между тѣмъ, мнѣ было жаль покинуть Москву! Я мечталъ найти въ ней что-то особенное, и неисполнившіяся мечты упали на душу какъ обманъ. Мнѣ не хотѣлось уѣзжать въ этомъ расположеніи. Я былъ въ какомъ-то непонятномъ ожиданіи, и дорого-бы далъ, чтобы какое нибудь обстоятельство вывело меня изъ него. Судьба на этотъ разъ упредила мое желаніе. Нечаянно встрѣтилъ я добраго знакомаго моего, Л......, подобно мнѣ заѣзжаго изъ Петербурга, и котораго никакъ не полагалъ я найдти такъ близко подлѣ себя. Послѣ изъявленій взаимной радости пошли распросы, тоже взаимные, и Л...... объявилъ мнѣ, что я могу поздравить его женихомъ. »Завтра моя свадьба,« сказалъ онъ мнѣ — женюсь на дочери богатѣйшаго и счастливѣйшаго откупщика; беру *изрядную* невѣсту и красивый *милліонъ* въ придачу! Какъ видишь — не дурно?« Я прежде поздравлялъ съ невѣстою — тутъ долженъ былъ поздравить съ милліономъ, который, казалось, несравненно болѣе занималъ Л...... Онъ сообщилъ мнѣ свои планы для будущаго. »Долой мундиръ, поселюсь здѣсь, буду себѣ жить на волѣ, да возить жену по баламъ и давать ей

праздники!« сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ. Но вдругъ вспомнилъ онъ, что прежде исполненія этихъ замысловъ, ему надлежало позаботиться о обстоятельствѣ, гораздо ближе предстоящемъ. Его невѣста, желая блеснуть всѣми средствами, настоятельно требовала, чтобы у него были на свадьбѣ два шафера, и одинъ непремѣнно гвардеецъ. Разсѣянный женихъ не подумалъ заранѣе, какъ это сдѣлать, и знавши, что никого изъ его товарищей не было въ Москвѣ, находился теперь въ крайнемъ затрудненіи. Услужливая судьба, которая рѣшилась не отпускать меня въ дорогу, свела его со мною; чтобы разомъ удовлетворить всему, Л...... убѣдительно просилъ меня держать надъ нимъ вѣнецъ, и за троихъ танцовать на балѣ, который онъ намѣренъ былъ дать черезъ нѣсколько дней. Я охотно обѣщалъ то и другое, и въ тотъ же вечеръ былъ представленъ въ семью откупщика!

Тутъ нашелъ я толпу женщинъ, и молодыхъ и старыхъ, но ни тѣни той образованности, тѣхъ ловкихъ пріемовъ, которые ожидалъ найти. Я былъ въ замѣшательствѣ. »Видно,« думалъ я, »что Москвичи, какъ заговоренный кладъ, не даются моему любопытству!«..... Л..... пришелъ мнѣ на помощь. »Не удивляйся — сказалъ онъ — это все *замоскворѣчье*, знакомые и родня тестя, которыхъ никогда не увидишь ты въ

хорошемъ обществѣ. Но мать моей невѣсты изъ знатныхъ; у нея много тетушекъ и *кузинъ* совсѣмъ другаго разбора. Къ нимъ посланы приглашенія, и всѣ онѣ съѣдутся къ моему балу. Тогда, mon cher, тогда посмотришь....«

И я въ самомъ дѣлѣ — *посмотрѣлъ*! Въ день бала, огромный домъ, занимаемый молодыми, наполнился женщинами, изъ которыхъ самыя *посредственныя* могли быть названы *хорошенькими* въ другомъ мѣстѣ, не столь богатомъ красавицами. Но тутъ красавицы развлекали взоры, дробили вниманіе, не давали разглядѣть себя поодиначкѣ — такъ много было ихъ въ большой залѣ. Тутъ увидѣлъ я, что ни какіе разсказы не были увеличены. Первыя минуты бала я провелъ въ чаду, въ волненіи страстнаго любителя живописи, котораго заставили-бы пробѣжать галереи del palazzo Pitti, не давъ ему остановиться ни передъ одной картиной, и въ воображеніи котораго все видѣнное мелькомъ долго рисуется въ фантастическомъ безпорядкѣ. Неотвязчивый Л..... не позволялъ мнѣ пропустить ни одного контраданса, и я едва успѣвалъ приглашать дамъ. Но скоро глаза мои остановились на моемъ vis-á-vis, восьмнадцати-лѣтнемъ личикѣ, въ которомъ нашелъ я что-то столь плѣнительное, что оно невольно заставило меня забыть всѣхъ другихъ. Стройная, ловкая, съ благородною поступью богини, съ улыбкой Граціи — *она* не касалась

пола, она порхала какъ сильфида, скрадывая всѣ движенья ногъ подъ небрежною пріятностью своихъ остановокъ. Она не танцовала — она мѣняла мѣста и тѣлодвиженія. — Черты правильныя и тонкія, черные глазки, полные смышлености и выраженія, изящная головка съ темнорусыми кудрями, которые такъ мило, такъ игриво оттѣнялись подъ розовымъ вѣнкомъ; бѣлое, прозрачное платье, которое такъ легко обвивалось около нея.... Мои взоры, какъ околдованные, не могли съ ней разстаться. — Сестра! сердце мое было ново: когда я увидѣлъ *Вѣру* — я почувствовалъ, что ему наступило совершеннолѣтіе!.....

Знакомство началось вальсомъ; потомъ я просилъ на контрадансъ; наконецъ робко позвалъ и на мазурку. Съ коварною улыбкой сказали мнѣ: *да*, и въ послѣдствіи — въ дни взаимной откровенности, очаровательница призналась мнѣ, что она въ этотъ же вечеръ замѣтила и преслѣдованіе моихъ жадныхъ взоровъ, и неловкую нетерпѣливость моихъ частыхъ приглашеній....

Говорятъ, у каждой изъ васъ есть что-то въ родѣ *чутья*, что васъ тотчасъ извѣщаетъ о новой побѣдѣ вашей, даже часто прежде нежели она совершена, такъ, что вы предвидите поклонника, когда онъ самъ еще не знаетъ о своемъ порабощеніи. Въ этотъ разъ чутье не обмануло моей красавицы!....

Я ждалъ перваго звука благодѣтельной мазурки, какъ Римъ ждетъ перваго удара колокола, возвѣщающаго ему окончаніе конклава. Мнѣ было самому странно и смѣшно неукротимое волненіе моего сердца, до сихъ поръ столь чуждаго бальной суеты, что оно и не подозрѣвало поэзіи завѣтнаго танца! Я не понималъ себя, но впервые былъ увлеченъ и не противился увлеченію. Наконецъ первый смычекъ коснулся первой скрипки, оркестръ залился громкимъ триллеромъ, и кавалеры бросились въ другія комнаты за стульями. Всякая пара хлопотала о своемъ мѣстѣ; зала оглушилась тревогою, толкотнею, шарканьемъ, словомъ — всѣмъ безпорядкомъ, предшествующимъ водворенію порядка, этому расположенію на зимнихъ квартирахъ — мазуркѣ, которую самъ чортъ выдумалъ нарочно, чтобы бѣсить ревнивыхъ мужей и заботливыхъ матушекъ! Мазурка — это душа бала, цѣль влюбленныхъ, телеграфъ толковъ и пересудовъ, почти провозглашенье о новыхъ свадьбахъ — мазурка, это два часа, высчитанные судьбою своимъ избраннымъ въ задатокъ счастья всей жизни...

Я выбралъ мѣсто между двухъ колоннъ, гдѣ нескромные сосѣды не могли мѣшать мнѣ свободнѣе налюбоваться своею дамою и вдоволь съ нею наговориться. Я ужъ желалъ отстранить ее отъ толпы; я ужъ начиналъ испытывать то исключительное чувство, которое стремится от-

нять у цѣлаго свѣта любимый предметъ, чтобы никто не могъ — ни словомъ, ниже взоромъ — встревожить его ревниваго созерцанія, раздѣлить его недѣлимыхъ наслажденій!

Какъ быстро пролетѣли вы, первыя минуты новорожденной любви и разсвѣтающаго счастія, минуты, которыми рѣшилась загадка жизни, которыми довершилось очарованье непокорнаго!!.....

Веселая, непринужденная, моя волшебница съ первыхъ словъ обошлась со мною безъ всякихъ ужимокъ, и въ четверть часа мы ознакомились совершенно. Разговоръ ея, кипящій остроуміемъ и умомъ, показалъ мнѣ вмѣстѣ и отличное воспитаніе и рѣдкія дарованія природы. Дѣтская шаловливость сливалась въ ней съ восхитительною скромностью, а между тѣмъ, глаза ея, безъ ея вѣдома, обѣщали всѣ сокровища чувства и высказывали душу необыкновенную. Не могу объяснить почему, но мы сблизились мечтами, какъ-будто пророческіе сны и ее заранѣе ко мнѣ пріучили, какъ-будто и ея душа, подобно моей, ждала, искала и нашла. Къ концу бала я былъ влюбленъ безъ памяти, и, скажу откровенно, я могъ надѣяться, что Вѣра не совсѣмъ ко мнѣ равнодушна.....

Разумѣется, что я спѣшилъ развѣдать, кто она, и гдѣ и какъ можно съ нею встрѣтиться. Узнавъ, что ея родные живутъ открыто, и при-

нимаютъ въ положенные дни, немедленно былъ я имъ представленъ. Клирмовыхъ посѣщало лучшее общество, и домъ ихъ считался хорошимъ и пріятнымъ. Меня встрѣтили очень благосклонно, пригласили *бывать за-просто*, и скоро я сталъ вседневнымъ гостемъ.

Тогда наступила новая эра моему существованію, эра восхитительная, незабвенная, эра пылкихъ радостей, волшебныхъ грезъ, невыразимыхъ ощущеній! Среди шумной толпы, я не видалъ ничего кромѣ Вѣры, я слышалъ ее одну, не отходилъ отъ нея, и длинныя сердечныя бесѣды часъ отъ часу сближали насъ. Я читалъ въ ея впечатлительной душѣ всѣ чувства, которыя пробуждалъ въ ней, всѣ чувства, которыхъ до меня она не знала. Съ неописанной гордостью слѣдилъ я за постепенными успѣхами моими въ ея довѣріи, въ ея привязанности. Я видѣлъ, какъ отъ ребячливой суетности, она переходила къ женской чувствительности; какъ образъ мой заслонялъ ее отъ всѣхъ искушеній тщеславія; какъ возраждалась и какъ развивалась ея страстная душа, теперь знакомая со всѣми возвышенными вдохновеніями истинной любви. Я видѣлъ, что она платила мнѣ любовью за любовь, что ея сердце стало вѣрнымъ отголоскомъ моего собственнаго.

Когда, бывало, въ длинной гостиной, во всѣхъ углахъ возникали группы разговаривав-

шихъ, сходились, расходились, мѣшались, Вѣра, съ изобрѣтательностію, достойною своей цѣли, занявъ искусно тѣхъ изъ подругъ своихъ, которыхъ личное участіе не занимало, умѣла расположиться такъ, что мнѣ всегда оставалось мѣсто возлѣ нея, и она казалась исполнявшею всѣ обязанности хозяйки дома, между тѣмъ, какъ только на мнѣ одномъ сосредоточивалось все ея вниманіе. . . . Тогда — мы находились посреди людей, но были не *ихъ міра*, но дышали этою жизнью *вдвоемъ*, въ которой одни мы понимали другъ друга, въ которой каждое слово, промолвленное украдкой, становилось безцѣннымъ залогомъ, каждый взоръ отрадою сердца. Волненье неизвѣстности насъ тревожило; но что можетъ быть сладостнѣе этой тревоги, въ которой такъ много упованій? Что можетъ быть восхитительнѣе этихъ первыхъ дней взаимности, которые дышатъ трепещущимъ очарованіемъ таинственности, такъ, что едвали ихъ можно промѣнять на спокойное обладаніе, самимъ счастьемъ, на тихую увѣренность признанной любви?.....

Мы еще не высказали роковаго признанья, когда наши сердца уже перешептались и сговорились. Другъ мой!... о, какъ все перемѣнилось, и во мнѣ и кругомъ меня!.... Какъ полна стала моя жизнь, до той поры истомленная безжизненностью! Какъ страстно привязывался я къ милому существу, которое съ каждымъ часомъ

узнавалъ лучше, цѣнилъ выше! Въ такихъ годахъ, съ душой столь новой, она была дитя во всѣхъ мысляхъ своихъ, когда онѣ не касались меня, но въ отношеніяхъ нашихъ, она показывала всю нравственную силу женщины, всѣ богатства любви неистощимой, глубокой, горячей.

Какъ мучилъ я ее своею ревностью, своими причудами, своимъ воображеніемъ, пугливымъ и раздражительнымъ! Она поетъ прекрасно, а я не могъ терпѣть, чтобы ея голосъ служилъ забавой цѣлому обществу равнодушныхъ, чтобы его звуки терялись въ невнимательныхъ ушахъ, когда они приносили мнѣ небесное удовольствіе. Вѣра перестала пѣть на своихъ вечерахъ; она бросила къ ногамъ моимъ любимую добычу женскаго тщеславія, груду лести, похвалъ, рукоплесканій. И каждый разъ, когда непреклоннымъ отказомъ отвѣчала она на просьбы дилеттантовъ, ея долгій взоръ робко останавливался на мнѣ сверкая самодовольствіемъ ея, что она могла *мнѣ* угодить. Вѣра страстно любитъ танцы, а я не могъ видѣть, какъ другой — другой, а не я — дерзновенно обхвативъ ея легкій станъ, похитивъ ея руку, стремился съ нею въ головокружной быстротѣ вальса — и Вѣра перестала вальсировать, со всѣми — кромѣ меня. Напрасно умоляли ее кавалеры, напрасно молоденькія и пожилыя дѣвушки сыпали коварныя замѣчанія и значительныя улыбки. Отъ первыхъ отдѣлыва-

лась она гордою неприступностью; отъ другихъ отшучивалась мѣткими колкостями собственныхъ наблюденій и доказательствомъ неумолимой прозорливости. О! она знала науку свѣта!.... За то, какимъ подобострастіемъ окружалъ я ее, какою любовью была она любима! Я сдѣлался для нея необходимымъ цѣнителемъ ея красоты, ея ума, ея души. Одинъ я умѣлъ понять ее, такъ, какъ она хотѣла быть понятою, одинъ я любилъ ее такъ, какъ женщины желаютъ быть любимыми — съ пристрастнымъ поклоненіемъ раба, съ деспотисмомъ повелителя, съ нѣжною заботливостью друга, съ безумными порывами ревнивца! Долго еще длилось для насъ это положеніе полусогласія, подъ покровомъ котораго каждый малѣйшій случай бываетъ поводомъ безконечныхъ толковъ, мечтаній, недоразумѣній, ссоръ, примиреній, каждое событіе, или наводитъ мучительный страхъ, или оставляетъ по себѣ упоительную надежду. Но вся неловкость моя и вся робость Вѣры не устояли противъ возраставшей силы нашихъ чувствъ: увлеченные ими, мы объяснились, и я услышалъ отъ нея это волшебное слово, за каждую букву котораго я готовъ заплатить цѣною тысячи жизней!

Дни и недѣли шли непримѣтно. Половина отпуска моего скоро миновалась; и я хотѣлъ возвратиться къ вамъ, милая сестра! Но Вѣра не пустила меня, и ея слезы и ея просьбы за-

тушили голосъ долга, голосъ семейныхъ привязанностей. Тогда написалъ я къ батюшкѣ это письмо, столь темное, столь несвязное, которое изумило васъ, не объяснивъ вамъ ничего. Но кроткій, святой старикъ нашъ понялъ сердцемъ то, что умалчивало сердце сына; онъ отвѣчалъ родительскимъ благословеніемъ и позволеніемъ слѣдовать моей судьбѣ, хотя не зналъ, въ чемъ она состояла.

»Моей судьбѣ!...« Это слово пробудило меня отъ обаяющаго сна, который въ то время такъ заколдовалъ всѣ способности души моей, что мысль о будущемъ совершенно исчезла въ прелести настоящаго, и мнѣ не приходило на умъ заглянуть въ даль жизни. Внезапно понялъ я изъ письма батюшки, что я, какъ безумный, поймавъ одну тѣнь счастія, и позабывъ о самомъ счастіи, заснулъ спокойно, не чуя, что малѣйшее облачко могло похитить у меня эту тѣнь, такъ довѣрчиво присвоенную. Я понялъ, что обладая сердцемъ Вѣры, я ровно ничего не имѣлъ предъ глазами свѣта; я понялъ, что мое счастье непрочно, пока моя участь не связана неразрывною цѣпью съ участью Вѣры; я понялъ, что взаимность любви есть такое благо, которое одинъ священный обрядъ закона можетъ оградить отъ покушеній человѣческихъ. Мысль о бракѣ впервые проникла въ мою душу, но она тотчасъ завладѣла ею совершенно, изжена без-

печность, покой и непредвидящую радость, которыя такъ сладко меня усыпили.

Быстрымъ взглядомъ обнялъ я все свое существованье. Я спросилъ себя: какими выгодами могу оправдать свои притязанья? Я вспомнилъ требованія общественныхъ приличій, вспомнилъ законъ свѣта: »*Имѣющему дастся*!« и содрогнулся, расчисливъ, разсмотрѣвъ, что по этому закону, по этимъ требованіямъ — неизмѣримая бездна отстраняла меня отъ Вѣры! Она богата — у меня только честное имя, да любящее сердце! Ахъ! какое адское страданіе вгрызлось въ душу съ этими мыслями! Сколь несчастливымъ почувствовалъ я себя, измѣривъ всю даль до этого счастья, еще недавно почитаемаго столь близкимъ, столь вѣрнымъ! Какія муки вытерпѣла моя гордость, когда мнѣ представились неминуемыя сужденія свѣта, когда я подумалъ о неизбѣжимомъ обвиненіи въ разсчетѣ, которое должно осквернить святыню моихъ чувствъ, покрыть гнусностью сребролюбивыхъ видовъ привязанность безкорыстную и невольную, какъ всякое влеченіе сердца, о которомъ голова и разсудокъ еще не провѣдали! Разсчетъ? Съ моей стороны? Но, великій Боже! я любилъ Вѣру еще не зная, *кто* она; я могъ-бы любить ее всю жизнь, не спрашивая о ея богатствѣ вещественномъ, не требуя ничего, кромѣ ея ублажающаго сочувствія, кромѣ раздѣла съ нею всѣхъ радостей,

всѣхъ думъ моихъ, и если-бы я имѣлъ право не разставаться съ нею, я не подумалъ-бы требовать ея руки! Однако жъ, свѣтъ воленъ мнѣ не повѣрить, воленъ перетолковать, переиначить по своему чувства, которыхъ не дано ему понять — и я долженъ былъ приготовиться къ его сужденьямъ и подозрѣньямъ.... При одномъ воспоминаніи объ нихъ, все сердце вздрагивало негодованіемъ.

Долго боролся я съ этими противорѣчащими страстями — самолюбивою гордостью и пламенною любовью. Наконецъ, любовь превозмогла — я рѣшился презрѣть молвою и объясниться съ Вѣрой о нашей будущности.

Но каково было мое удивленіе, когда эта дѣвушка, столь откровенная, столь пламенная въ выраженіи своей любви, при первомъ намѣкѣ о *замужествѣ* оробѣла, смѣшалась, и отвернувъ съ досадою прелестную головку свою, ни слова мнѣ не отвѣчала! Въ неудомѣніи, я колебался, приписать ли эту странность дѣвической стыдливости, или внезапному пробужденью разсудительнаго разсчета? Такая неизвѣстность не могла продолжиться. Мнѣ необходимо надобно было знать рѣшенье Вѣры — я настаивалъ.... Но холодное принужденіе овладѣло ею, и я не могъ добиться отвѣта. Мысль, что я ошибся въ *ней* — была мнѣ нестерпима. Гнѣвъ и страхъ волнова-

ми меня; я проговорилъ нѣсколько словъ съ горячностью неудовольствія. Вдругъ слезы блеснули на искрометныхъ глазкахъ Вѣры, и она прошептала отрывистымъ глухимъ голосомъ: »Ради Бога оставьте меня!... Это не мое дѣло. Скоро будетъ сестра Софья.... Говорите съ нею!...«

Въ эту минуту, я былъ совершенно озадаченъ, и недовѣріе долго меня мучило. Но теперь я знаю, почему Вѣра такъ странно обошлась со мною. Вѣрѣ, съ раннихъ лѣтъ, было внушено, что замужество предметъ, о которомъ ей неприлично говорить и думать. Замужество для нея было цѣпою неизмѣнно-соблюдаемыхъ обрядовъ. Церемоніяльный пріѣздъ жениха съ предложеніемъ; форменное сообщеніе отъ родителей, отговорки, слезы, и наконецъ согласіе; потомъ шумъ и тревога въ домѣ, ежедневныя проповѣди и наставленія отъ матери, поздравленія старыхъ тетушекъ, приправленныя совѣтами, распросы кузинъ о женихѣ, а болѣе о жениховыхъ подаркахъ, чинная помолвка, поѣздки безъ отдыха въ лавки и магазины, и въ довершеніе всего — турецкая шаль, и право безобразить милое личико уродливымъ чепцомъ и тяжелымъ токомъ! Такъ большая часть семей пріучаетъ судить бѣдныхъ дѣвушекъ о важнѣйшемъ дѣлѣ жизни, о священнѣйшихъ обязательствахъ. И вотъ почему такъ много неудачныхъ браковъ.....

Вѣра насмотрѣлась всѣхъ этихъ хлопотъ и глупостей, когда сестру ея выдавали замужъ, и потому, когда молодое сердце познало высокіе порывы благородной любви — свѣтлый разумъ ея не могъ согласить величія этихъ чувствъ съ мелкими и смѣшными обрядами общежитія. Она привыкла со мною къ простому изъявленію своихъ чувствъ, не разбирая, что оно было мнѣ подразумѣваемымъ обѣщаніемъ. Она отдала мнѣ все сердце, всю душу, ни разу не подумавъ, что ей слѣдуетъ присоединить къ нимъ и руку свою. Я былъ избранный ею другъ, но никогда не воображала она, что я могъ ей быть женихомъ. Словомъ, не въ примѣръ другимъ, она любила и не думала; ея голова не мѣшалась въ дѣла сердца. Я ждалъ сестры ея съ возрастающимъ безпрерывно нетерпѣніемъ. Не разъ случалось мнѣ быть свидѣтелемъ, когда Клирмова говорила о своей дочери, »Княгинѣ Софьѣ,« и я сообразилъ (по важности, съ которою имя ея пришивалось ко всѣмъ событіямъ, ко всѣмъ разговорамъ), что она играетъ значительную роль въ семьѣ. Я былъ очень любопытенъ видѣть эту *Княгиню Софью*, отъ которой отчасти зависѣла судьба моя.— Она пріѣхала наконецъ, и я нашелъ въ ней разительнѣйшую противоположность Вѣрѣ. Холодна и молчалива, кротка и разсудительна, Софья обдумывала каждое слово, каждое движеніе. Она казалась отжившей и безучастной, когда все жи-

ло и волновалось вокругъ ея. Привычная задумчивость оставалась въ ней послѣдствіемъ какого-то горя. Она никогда не говорила о себѣ, но нужны ли были ей пени, чтобы ее понимали?.... Кто-бы не угадалъ, что она не надѣлена счастьемъ, тогда, какъ отсутствіе всякой одушевленности, нерадѣніе въ поступи и какое-то сокрушеніе во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, даже въ самомъ голосѣ ея — все въ ней выражало душу убитую и совершенную ничтожность воли, слишкомъ много разъ, слишкомъ жестоко переломленной. Не многими годами была она старѣе сестры своей, но опередила ее цѣлою молодостью, цѣлымъ цвѣтомъ жизни. Она была добра и ласкова ко всѣмъ, но любила-ли она кого? Богъ вѣсть!

Однако сестры были дружны, и Княгина съ нѣжною снисходительностью приняла признаніе дрожащей Вѣры. Но когда я сталъ объяснять свое положенье, свои надежды, когда я сталъ просить ея ходатайства передъ родными, Княгиня примѣтно испугалась. »Послушайте,« сказала она, »Вѣра вложила въ мое сердце искреннее уваженіе къ вамъ, и я — видитъ Богъ — отъ души желаю вамъ обоимъ счастья, но я боюсь предвѣщать вамъ его! Есть неодолимое препятствіе, о которомъ никто изъ васъ не подумалъ: вы не богаты, вы не въ чинахъ, monsieur Свирскій. Я знаю батюшку и матушку; знаю ихъ

мнѣнія о бракѣ; они никогда не примутъ вашего предложенія, хотя бы это стоило жизни нашей Вѣрѣ. Они захотятъ ее *пристроить*, такъ какъ меня, по своимъ разсчетамъ. Не могу роптать на свою участь — Князь человѣкъ добрый и почтенный — я уважаю его — но когда меня сговорили, я въ глаза его не видывала, я никогда не слыхала о немъ. Онъ всего одинъ только разъ былъ въ домѣ нашемъ, на большомъ балѣ, гдѣ замѣтилъ меня, когда я проходила мимо стола, за которымъ онъ игралъ въ вистъ. Судите, каково было мнѣ выходить замужъ, не знавши за кого? Хорошо, что слѣпой выборъ палъ на Князя, что мнѣ не довелось проклинать мое супружество — но могло быть иначе, и тогда родители мои.... Но, вѣдь имъ нѣтъ дѣла до счастья нашего! Они ищутъ одной знатности, одной мишуры.... Бѣдная Вѣра!«

Въ эту минуту, равнодушная Княгиня одушевилась воспоминаніемъ собственной скорби; что-то похожее на негодованіе отразилось на ея лицѣ. Но слѣдующее мгновеніе истребило въ ней послѣдніе признаки чувства, и она снова сидѣла передо мной съ обычнымъ холодомъ своимъ. Несчастная! можетъ быть, мое участіе было живѣе ея оставшихся сожалѣній....

Понимаешь ли ты, какъ быстро исчезли всѣ мои надежды? Какъ онѣ, подобно мыльному пу-

зырю, лопнули при одномъ словѣ Княгини? Всѣ преграды, всѣ невозможности предстали моему воображенію, и я едва не лишился разсудка, при убійственной мысли, что Вѣра можетъ *не быть моею*!

Объясненіе плановъ и видовъ Клирмовыхъ не подавало мнѣ возможности ожидать ихъ одобренія моему искательству. Я содрогнулся предъ тайнами семейнаго быта, котораго наружность, полная блеска и веселья, обѣщала такъ много согласія, такъ много радостей! Я остолбенѣлъ предъ этимъ себялюбіемъ, продающимъ на вѣсъ золота и счастье и жизнь своихъ дѣтей! Конечно, Княгиня не разъ говорила и разсуждала съ Вѣрою о всѣхъ подробностяхъ нашего положенія, потому что Вѣра ознакомилась съ мыслью о будущности и не отказывалась болѣе вникнуть со мною въ мои надежды, въ мои намѣренья. Лишь только она узнала, какія причины могутъ навѣки разлучить насъ, все благородство души ея открылось въ мужествѣ и твердости, съ которыми она спѣшила успокоить меня. Произвольно и настойчиво захотѣла она, чтобы прежде всего взаимные обѣты укрѣпили своею святостью нашу любовь. Она требовала моего слова; она заставила меня принять свое; она поклялась мнѣ, что ничто въ мірѣ не разрушитъ нашей связи! Тщетно старался я представить ей неосторожность подобныхъ обѣщаній; тщетно укло-

нялся я предъ отвѣтственностью — ввести дочь въ неповиновеніе роднымъ; ея воля была обдумана, непреклонна — я уступилъ, убѣдясь, что съ характеромъ Вѣры, съ ея душею, она должна остаться побѣдительницей въ борьбѣ любви с разсчетами.

Она еще не совсѣмъ вѣрила, чтобы Клирмовы отвергли меня за одинъ недостатокъ богатства; она, она не умѣла растолковать себѣ разсчета и честолюбія; она полагалась на привязанность родныхъ къ себѣ. Она хотѣла, чтобы я объяснился, не самъ, а черезъ Княгиню Софью. Мнѣ самому было душно и тягостно въ ложномъ, неопредѣленномъ положеніи нашемъ, и я горѣлъ нетерпѣньемъ узнать рѣшительно, до какой степени я могъ надѣяться. — Мы просили Княгиню быть посредницей моего сватовства. Она отказалась, боясь гнѣва Клирмовыхъ. Но сердце ли ея было втайнѣ вооружено противъ разсчета, горкій-ли отзывъ былаго внушилъ ей сочувствіе къ намъ, она наконецъ дала намъ слово вывѣдать отъ матери, какъ-бы я былъ принятъ въ случаѣ предложенія. Болѣе этого не внушилъ ей ничего правъ робкій и характеръ недѣятельный.

Еще нѣсколько недѣль прошло — и день отъѣзда наступилъ для меня, а мы все жили еще волненіемъ, перемежающимся страхомъ и довѣ-

Мечты и планы, воздушные замки и тревожныя ожиданія смѣнялись въ душѣ моей, мелькали передъ воображеніемъ чарующею фантасмагоріею, и порою мнѣ удавалось выманить у Вѣры умильную улыбку, или слово, полное одушевительнаго одобрѣнія, когда я съ жаромъ высказывалъ ей всѣ мои бредни о будущемъ. Я пересоздавалъ постепенно ея понятія о жизни, дотолѣ ни чьимъ попеченіемъ неруководимыя. Я представлялъ ея неопытности всю суетность сужденій, въ которыхъ ее возрастили, всю неосновательность, всю пустоту ея жизни, единственно посвященной свѣтскимъ требованіямъ, свѣтскимъ отношеніямъ. Я направилъ ея врожденныя свойства къ цѣли, ихъ достойной. Я поселилъ въ преданную мнѣ душу надежды, согласныя съ моими надеждами, желанія, соотвѣтствующія моимъ желаніямъ.

Вѣра слушала съ восторгомъ повѣсть драгоцѣнныхъ воспоминаній моего дѣтства, распрашивала съ участіемъ о малѣйшихъ подробностяхъ нашего семейства, нашей домашней жизни. Она научилась отъ меня почитать, обожать лучшаго, добрѣйшаго изъ отцовъ. Она умѣла представить себѣ его сѣдую голову, его черты, на которыхъ отпечатана вся жизнь добродѣтели, его безсмѣнное спокойствіе, его патріархальную важность и кроткую мудрость. Она всею душою полюбила тебя, мою Катиньку, до нея моего лучшаго дру-

га, взросшую со мною, чтобъ быть мнѣ подпорой и наперсницей во всѣхъ переворотахъ моего жребія. Она искренно желала сойтись съ вами, заслужить вашу дружбу, тебѣ быть сестрою, батюшкѣ дочерью, столько же преданною, какъ ты. Мы, то-есть, она и я, два существа съ одною волею, съ однимъ помышленіемъ, мы рѣшили, что я оставлю службу, привезу ее къ вамъ и поселюсь съ вами.

Ты знаешь, что это было всегда моимъ любимымъ мечтаньемъ, что всегда желалъ я осуществить чары счастія въ тѣсномъ кругу моихъ. Мнѣ кажется, я неохотно бы разстался съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ провелъ хоть нѣсколько дней благополучія; мнѣ жаль было-бы покидать предметы, сроднившіеся съ моими воспоминаніями, и потому я пожелалъ-бы провесть весь вѣкъ мой подъ однимъ кровомъ, чтобы при старости все около меня было населено *минувшимъ*, чтобы ни одно событіе, ни одно впечатлѣніе не было потеряно мною на перекресткахъ житейскаго пути, чтобы около себя находилъ я всѣ напоминанія того, что было и осталось мнѣ дорого.

Я любилъ говорить съ Вѣрою о пріѣздѣ нашемъ въ Уютово, о встрѣчѣ ея съ вами, о нашемъ тихомъ житьѣ въ дому отцовскомъ. Мы оба представляли себѣ, какъ она, объ-руку со мною, вступитъ въ старую гостиную, какъ она приметъ первое благословеніе нашего старика,

какъ она будетъ раздѣлять съ тобою хозяйственныя заботы и назидательныя занятія. Какъ блаженствовалъ я, находя въ ней такую готовность быть счастливою тѣмъ, что должно самого меня осчастливить! Съ какимъ умиленіемъ смотрѣлъ я на эту царицу баловъ, на эту красавицу, рожденную и воспитанную въ суетѣ и шумѣ, которая такъ охотно, такъ безоглядно готовилась отречься отъ свѣта, отъ всѣхъ наслажденій женской гордости, и сама не догадывалась, что дѣлаетъ жертву, потому, что любовь изженяла изъ ея сердца все, что было въ немъ посторонняго! Вѣра была искренна, когда говорила, что хочетъ жить *только для меня*, только *однимъ мною;* я слишкомъ хорошо ее знаю, и не могу сомнѣваться въ чувствахъ, столь рѣдкихъ въ другихъ. И ты увидишь сестра, что я вполнѣ награжденъ ею за всѣ неудачи прошлыхъ дней; ты будешь утѣшаться нашимъ благополучіемъ, ты будешь любить мою, нѣтъ — *нашу* Вѣру, ты отдашь справедливую дань всѣмъ качествамъ, всѣмъ совершенствамъ ея. Но скори-ли? скоро-ли? Когда сбудется эта мечта, эта надежда — *первая* и *послѣдняя* въ моей жизни!..... Я предаюсь всей сладости моихъ воспоминаній, я перелистываю мое счастье, а между нами даль, между нами цѣлый длинный годъ разлуки! И сколько горя предстоитъ еще намъ, пока доживемъ мы до отраднаго свиданія, пока снова будемъ *вмѣстѣ*!

противенъ, а что въ немъ толку? Ни кола, ни двора за нимъ«... Тутъ Вѣра, собравъ всѣ силы свои, удерживая дыханіе, чтобы не дать предательному румянцу выступить на пылающихъ щекахъ, рѣшилась на послѣднюю смѣлость и спросила голосомъ равнодушной шутки: «Такъ Свирскій вамъ нравится, маменька?« — Да, ужъ я говорю, что онъ малый-бы хорошій, да только тебѣ не пара! — »А что-жъ бы вы сказали, маменька, если бы онъ мнѣ также понравился?« — Ахъ! съ нами сила крестная! Да какъ-бы смѣть тебѣ подумать о комъ нибудь, не спросясь меня? Случись такой грѣхъ, такъ я тебя скорѣй въ Москву рѣку брошу, скорѣй въ землѣ захочу увидѣть, чѣмъ тебя отдать за нищаго, за дрянь, за негоднаго мальчишку....

Эти нѣжности были проклинкнуты съ такимъ жаромъ, что обѣ сестры прекратили разговоръ. Имъ ясно было, что нечего болѣе ждать, кромѣ непріятностей и совершеннаго прекращенія всякаго знакомства со мною, если бы Клирмова возъимѣла малѣйшее подозрѣніе о нашихъ замыслахъ. Вѣра проплакала весь день, и выѣхала только для того, чтобы свидѣться со мной и сообщить мнѣ роковой ударъ нашимъ упованіямъ. Она была внѣ себя. Выраженія ея матери произвели въ ней отчаяніе; любовь ея усилилась, встрѣтивъ себѣ препятствіе. Такъ пожаръ страстей, какъ пожаръ вещественный, возрастаетъ,

пышитъ, и вдругъ разгарается необъятнымъ пламенемъ, когда неловкія руки хотятъ его затушить....

Ты можешь понять, какъ взбѣшонъ я былъ, внимая разсказу Вѣры, хотя она старалась смягчить все обидное въ отвѣтахъ ея матери выраженіемъ собственныхъ чувствъ. — Не говорю о самолюбіи — но личность моя, но любовь, но честь, все, что только есть дорогаго у человѣка, все было во мнѣ оскорблено, уничтожено! Не мнѣніе Клирмовой цѣнилъ я — и есть ли мнѣніе у подобныхъ ей? — но мнѣ было нестерпимо, что дочь свою обидѣла она въ лицѣ моемъ, но я не могъ привыкнуть къ мысли, что Вѣра такой женщинѣ обязана жизнью, и что она поминутно можетъ быть подвергнута такому гнѣву! Еще бѣсило меня криводушіе этой Клирмовой, доказанное похвалой ея, когда она судила меня, какъ сторонняго, какъ чужаго, и бранью, когда ей представили возможность найти во мнѣ избраннаго ея дочери! Вѣра старалась разсѣять черную тучу, налетѣвшую на меня; она повторила мнѣ всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, данныя прежде; она показала мнѣ такую глубокую преданность, такую безпредѣльную любовь, что ей удалось изгладить въ сердцѣ моемъ почти всѣ неприятныя впечатлѣнія этого вечера.

Сестра! мы съ тобой нашли въ отцѣ снисходительнѣйшаго, нѣжнѣйшаго изъ друзей; мы вос-

питаны одною ласкою, однимъ довѣріемъ его. Какими глазами должны мы смотрѣть на поступки, мною описанные!

Однако жъ я не довольствовался этимъ полуобъясненіемъ, но хотѣлъ открыться отцу Вѣры, отъ котораго ожидалъ, по крайней мѣрѣ, поступковъ человѣка благовоспитаннаго. Мнѣ было и неловко и мучительно оставаться при своемъ недоумѣніи, быть тайнымъ виновникомъ семейнаго раздора, когда передо мной не закрылась еще возможность вступить въ эту семью съ честью. Я чувствовалъ, что если Клирмовъ также отвергнетъ меня, то мнѣ будетъ легче итти открыто наперекоръ ему. Я почиталъ низкимъ для себя — вкрадываться, какъ тать, въ его домъ, съ намѣреніемъ вооружить дочь противъ ея родителей. Мнѣ необходимо было знать своихъ друзей и своихъ недоброжелателей, чтобы безъ зазрѣнія совѣсти противиться послѣднимъ. Я былъ твердо намѣренъ просить свиданія у Клирмова, когда Вѣра и сестра ея приступили ко мнѣ, умоляя меня оставить такое предпріятіе. Онѣ увѣрили меня, что открыть тайну нашу отцу, значило бы только — запереть мнѣ навѣки домъ ихъ, полученіемъ рѣшительнаго отказа, потому, что Клирмовъ совершенно былъ согласенъ съ женою въ планахъ и видахъ ея для Вѣры, а въ добавокъ, онъ такъ повиновался женѣ, что не смѣлъ ни въ чемъ об-

наружить разнаго съ нею мнѣнія. Обѣ сестры, особенно Княгиня, боялись самыхъ несчастныхъ послѣдствій отъ моего сватовства. Онѣ просили дать имъ время приготовить по-одиначкѣ отца и мать. Но время не было въ моей власти — я не могъ отсрочить своего отъѣзда. Что мнѣ оставалось дѣлать? Какъ заставить судьбу мою рѣшиться? Какъ итти на объясненіе противъ воли Вѣры? Къ тому-жъ, я самъ боялся неудачнымъ исканьемъ погубить настоящее мое счастье, и увеличить затрудненія для будущаго. Я уговаривалъ Княгиню Софью вступиться откровенно за сестру, полагаясь на любовь, которую отецъ и мать оказывали ей. Но, что? За кого могла заступиться Княгиня, когда она сама несла тяжкую участь; ей казалось очень естественнымъ, чтобы и другіе также терпѣли.

И вотъ я долженъ былъ отложить рѣшеніе моей участи, предоставляя времени и настойчивой твердости Вѣры убѣдить мать ея въ силѣ нашей любви и нашего единодушія. — Вѣра и я, мы предначертали себѣ путь къ достиженію нашей цѣли; мы обдумали всѣ средства, всѣ дѣйствія наши. Она должна была молчать, пока я въ Москвѣ, но послѣ моего отъѣзда объявить постепенно роднымъ, вопервыхъ свою любовь, потомъ откровенность отношеній нашихъ, и наконецъ невозвратный обмѣнъ нашихъ клятвъ. Она должна была, не прекословя имъ напрасно,

не вынуждая ихъ согласія, ожидать въ спокойной непоколебимости, чтобы чувства родительскія взяли верхъ надъ разсчетами и тщеславіемъ. Годъ назначили мы срокомъ нашему ожиданію и нашей разлукѣ. Послѣ года я долженъ былъ возвратиться, и просить руку Вѣры у родныхъ ея.

Остальное поручено было произволу обстоятельствъ, то есть, должно было зависѣть отъ отвѣта Клирмовыхъ. Вѣра въ душѣ своей положила, черезъ годъ она *моя жена*, во что-бы то ни стало!

Намъ оставалось принести еще жертву необходимости; мы условились не писать другъ къ другу. Малѣйшая неосторожность, малѣйшая неудача могли погубить насъ, могли дать случай Клирмовой обрушить свой гнѣвъ на Вѣру, а мы хотѣли ея согласіе получить терпѣніемъ. Я хотѣлъ, чтобы Вѣра была безукоризненна посреди своихъ, и какъ больно мнѣ ни было — я отказался отъ переписки съ нею.

Что болѣе всего служило намъ успокоеніемъ, это была увѣренность, что никакое другое предложеніе не будетъ поводомъ раздора въ домѣ, и не воспламенитъ высокомѣрныхъ домагательствъ Клирмовой. Благодаря моей ревности, ни одинъ искатель не ухаживалъ за Вѣрою, ни одинъ поклонникъ не являлся. Она дала мнѣ слово и безъ

меня держать молодыхъ людей въ почтительномъ отдаленіи, а безучастьемъ своимъ въ свѣтѣ не подавать надеждъ ни кому. О, въ этомъ намъ нечего учить женщинъ! Не всякая любитъ, не всякая можетъ любить, но если найдется женщина съ горячимъ и преданнымъ сердцемъ, то вѣрно въ ней довольно генія, чтобы угадать и пощадить всѣ щекотливости наши, и для той, кому дорогъ *одинъ*, всѣ другіе становятся ненавистны и ничтожны!....

Грустно провели мы послѣдніе дни моего отпуска. Мысль о предстоящей разлукѣ отравляла свѣтлые часы свиданія. Необходимость скрывать всѣ наши чувства, дѣлить съ мелочами свѣта отсчитанныя мгновенья любви, умалчивать искреннее слово, опускать въ землю сердечный взглядъ, удерживать горячую слезу — необходимость удвоить осторожность, все это мучило и терзало насъ. Какъ ни страдалъ я самъ, но мнѣ пришлось утѣшать бѣдную Вѣру. Она совсѣмъ теряла присутствіе духа; она ежеминутно была готова измѣнить себѣ безумнымъ взрывомъ горести. Я долженъ былъ отыскать въ душѣ остатки моего мужества, чтобы поддержать это созданіе, столь сильное своей любовью, столь слабое въ его несчастіяхъ.

Я примирился въ эти дни съ безхарактерностью Княгини Софьи. Она, какъ ангелъ хранитель, стерегла и спасала насъ. Она за насъ пом-

нила, что свѣтъ присутствуетъ съ намя, и покорная всѣмъ его приличіямъ, она не дала намъ навлечь на себя его опалу. Ея участіе, ея попечительность удаляли отъ Вѣры все, что могло поколебать бѣдную слишкомъ сильно — и вопросы о моемъ отъѣздѣ, и замѣчанія объ ея невеселости. Не знаю, знала-ли прежде Княгиня борьбу страсти, но для сестры она пріучилась, предчувствовать всѣ ея движенія и угадывать всѣ ея порывы. Словомъ, она не была сильною подпорою, не могла дать защиты, но она была другомъ нѣжнымъ и внимательнымъ, — она давала, что могла, свои утѣшенія, свои слезы. . . .

У Княгини простились мы. Благодаря ей, мы, хоть въ послѣднія, горестныя минуты разставанья могли предаться влеченію чувствъ безъ принужденія, безъ опасенія свидѣтелей. Избавь меня отъ описанія не выразимыхъ мученій этого прощанья. . . Я оставилъ Вѣру безъ памяти — я вырвался изъ Москвы, обезумѣвъ отъ горя. . . .

Вотъ болѣе мѣсяца этому ужасному дню разлученья, и все та же скорбь въ душѣ моей, и сердцу все также больно! Я не зналъ, я не подозрѣвалъ, какъ далеко простирается въ насъ способность страдать. . . . Изумительно! Дай Богъ, чтобы ты никогда не дошла до этого убійственнаго познанія, моя милая и равнодушная Катинька!

Весь свѣтъ опустѣлъ для меня, съ тѣхъ поръ, какъ ея нѣтъ со мною. Служба, товарищи, заня-

тіе, всѣ подробности жизни стали мнѣ тягостны и ненавистны. Не знаю, не придумаю, чѣмъ скоротать всѣ эти дни, съ безконечными ихъ часами, которые тянутся для меня медленнѣе, нежели для отверженныхъ душъ ада ихъ несмѣнная вѣчность! Мнѣ кажется, что подобно имъ, я нахожу роковое неумолимое *всегда* на своихъ часахъ, потерявшихъ для меня все свое значеніе, всю цѣль свою. Встаю утромъ изнеможенный, безъ бодрости, безъ цѣли — ложусь вечеромъ отчаянный, убитый скорбью. Ничто не можетъ вывести меня изъ моего каталепсическаго забытья, ничто не можетъ прервать моихъ мрачныхъ раздумьевъ, потому, что ничто не приноситъ мнѣ вѣсти о Вѣрѣ и отъ Вѣры! Всѣ силы мои, вся твердость исчезли. Буря страстей опустошила мою душу, и если отсутствіе охолодило, оковало ея порывы, то ихъ смѣнила тоска, тяжелая и удушливая, какъ сонъ могильный. . . .

Какъ мучительно оно, это *небытіе*, слѣдующее за сильнымъ волненіемъ, за знойною порою любви! Какъ трудно возвращаться къ вялой всевдневности послѣ тревожныхъ, но обворожительныхъ часовъ упоительнаго блаженства! Какъ вся жизнь кажется будиична, когда сердце знало свѣтлые праздники! Одни воспоминанія согрѣваютъ мою озябнувшую душу лучемъ протекшихъ радостей. Мечтаю о ней, привожу себѣ на память ея рѣчи, ея взоры — все, все, что очарова-

Ты видишь, сестра, что мой несвязный разсказъ безпрестанно перерывается. Избытокъ чувствъ увлекаетъ меня. Но что жъ мнѣ дѣлать, если, говоря объ ней, ежеминутно нахожу я въ изгибахъ сердца моего новыя черты, ее укращающія?... Пусть перо мое повинуется страстнымъ думамъ, когда ихъ невозможно удержать, а ты пойми мое сердце въ темнотѣ моихъ мыслей и выраженій. Возвращаюсь къ своему разсказу.

Однажды Вѣра явилась на балъ вся разстроенная, съ заплаканными глазами, а Княгиня Софья еще задумчивѣе, еще безжизненнѣе обыкновеннаго. Мнѣ немудрено было догадаться, что ихъ смятеніе касалось меня. Я сталъ распрашивать и узналъ, что опасенія Софьи оправдались, что мать была совершенно противъ мысли отдать за меня Вѣру. Въ немногихъ словахъ, Княгиня сказала мнѣ о неуспѣхѣ своемъ, прибавляя, что она осторожно вывѣдала мнѣніе своей матери, не пробудила въ ней ни какого подозрѣнія о моихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ, а слѣдственно, и не испортила намъ настоящаго, хотя не могла обнадежить въ будущемъ. Я желалъ знать подробности совѣщанія. Княгиня отговорилась ихъ незначительностью. Но я видѣлъ, что она бережетъ меня, что она не говоритъ всей правды, и прибѣгнулъ къ отчаянной Вѣрѣ. Хотя давно уже Вѣра не имѣла для меня тайнъ, но съ тру-

домъ рѣшилась сообщить мнѣ рѣчи, которыя залегли въ душу ея негодованіемъ и оскорбленіемъ. Она страдала и обижалась за меня. И точно, Клирмова не пощадила меня. Опишу тебѣ ея поступки и выраженія, чтобы ты могла понять, каково было бѣднымъ дочерямъ, при ихъ образованности, выслушивать и выносить такія рѣчи. Вообрази, что на этотъ разъ она была еще въ веселомъ духѣ, то есть, употребила только цвѣты своего краснорѣчія, не прибѣгая къ выразительнѣйшимъ выходкамъ своего гнѣва!

И между тѣмъ, эта женщина въ свѣтѣ сохраняетъ всѣ признаки благовоспитанности, всю наружность аристократисма и свѣтскаго обращенія?

Сцена происходила тамъ, гдѣ обыкновенно происходятъ подобныя сцены, за чайнымъ столомъ, судилищемъ злорѣчія, домашнею управою благочинія.

Видя мать свою хорошо расположенною, Княгиня слегка упомянула ей объ успѣхахъ Вѣры на паркетномъ поприщѣ, и спросила: не жаль ли будетъ матери, если Вѣрѣ случится скоро выйти замужъ. Она знала, что мать любитъ вывозить ихъ для собственнаго самолюбія. »Конечно, матушка,« отвѣчала Клирмова — »жаль будетъ! Для кого тогда и балы давать и къ людямъ на балы ѣздить. Но если Вѣрочкѣ судь-

ба, то не опредѣлять-же мнѣ ее въ старыя дѣвки!« — Но какъ-же, маменька, хотѣли-бы вы ее пристроить? — »Ужъ извѣстное дѣло, какъ можно лучше! Она, благодаря Бога, не безприданница: есть на что польститься женишкамъ Ну ужъ я то себѣ на-умѣ — за выскочку не отдамъ! Ей партія тотъ, кто знатенъ, кто въ чинахъ, да въ лентахъ, или тотъ, кому состояніе даетъ въ свѣтѣ приличное мѣсто.« — А если, маменька, ей прійдется по сердцу человѣкъ съ хорошимъ именемъ, съ личнымъ достоинствомъ, но не богатый? — »И полно, полно, матушка, завралась! Смѣть ли нищему подумать объ моей дочери! Если бы случилось такъ, что тутъ долго толковать! Отказъ ему безъ фасоновъ, да и долой со двора! Да, и слыхано ли, чтобы порядочной, воспитанной дѣвушкѣ понравился человѣкъ ничтожный? — (Эти слова были выговорены cresc. do, съ примѣсью гнѣва). Клирмова развязала свой чепчикъ и оттолкнула чашку. Княгиня оробѣла. Вѣра, пожатіемъ руки, просила сестру продолжать. Сама она держала книгу, притворяясь занятою Англійскимъ романомъ, а не разговоромъ. — Такъ вы полагаете, maman, что сестрѣ не довольно собственнаго богатства, и не позволите ей быть счастливою, выйдя по любви? — »А ты, сударыня, какъ шла? По любви, что-ли? И не благодаришь ты меня теперь за то, что я не послушалась твоихъ глупыхъ слезъ?

Чего тебѣ не достаетъ: и сіятельная ты, и вся въ брилліантахъ, и вездѣ ты принята, какъ нельзя лучше, а у мужа то и дѣло ломбардные билеты прибавляются!«

Тутъ пошла переборка всѣмъ *женихамъ*, то есть, всѣмъ молодымъ людямъ, которые были тогда *на лицѣ* въ Москвѣ, всѣмъ думающимъ и недумающимъ о Вѣрѣ. Какъ всегда водится, о послѣднихъ Клирмова думала гораздо болѣе. Она включила въ свой списокъ не только всѣхъ богатыхъ вдовцовъ и стариковъ, но даже — двухъ сенаторовъ, часто пріѣзжавшихъ къ ней на вистъ, которые, по дряхлости своей, заранѣе заказали себѣ могилы на знаменитыхъ кладбищахъ. Клирмова многимъ отпѣла приговоры не совсѣмъ ласковые; нѣкоторыхъ оставила подъ сомнѣньемъ; объявила достойными двухъ, или трехъ, въ число которыхъ попался и одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій до *пяти тысячъ* незаложенныхъ душъ. Насъ-же, *бездушныхъ*, почитала она нужными въ мірѣ единственно для того, чтобы умножать толпу на балахъ, предоставляя намъ только право вальсировать съ ея дочерью.

Княгиня нашлась наконецъ, и успѣла сказать что-то про нѣкоторыхъ »бездушныхъ« — уловка удалась — дошли до меня....

»Ну, вотъ,« провозгласила Клирмова, »малый хоть куда! И собой не гадокъ, и обращеніемъ не

ло меня.... И когда, погруженный въ думу минувшаго, я теряю чувство настоящаго — тогда только свинцовая рука тоски отлегаетъ отъ осиротѣвшаго сердца. *Она*, *она*! *Къ ней*! *къ ней*! — вотъ все, что могу сообразить взволнованною, убитою душею!

Недавно, открывъ нечаянно какой-то Французскій *кипсекъ*, я попалъ на слѣдующіе стихи:

Un souvenir, une espérance,
Voila le passé le présent.....

И эти слова такъ кратко, такъ хорошо выражающія мое положеніе, глубоко врѣзались въ моей памяти. Да, *воспоминаніе* и *надежда* — вотъ что поможетъ мнѣ дожить, домаяться до конца этого ссылочнаго года....

Но не взирая на всѣ мученья мои, я не промѣнялъ-бы моего нынѣшняго положенія на спокойную безпечность моего прежняго равнодушія. Не мнѣ-ли любовь ея, любовь, которая озарила меня небеснымъ свѣтомъ — ея сердце, которое обѣщаетъ мнѣ такъ много радостей на поприщѣ бытія? не принадлежитъ ли мнѣ она, исполнительница всѣхъ моихъ мечтаній!

Сестра! я жду и надѣюсь, и ты жди и надѣйся со мною....

II.

Отрывки изъ дневника Вадима.

Черезъ годъ, иль два, я снова
Въ край родимый свой приду,
И въ объятіяхъ другова,
Можетъ, милую найду....
Князь С. Голицынъ.

И если встрѣтимся съ тобою,
Ты спросишь: »какъ меня зовутъ?«

Москва 8 Января, 18...г. Полночь.

Москва! Я опять въ Москвѣ, опять на своемъ любимомъ мѣстѣ, въ этомъ незабвенномъ городѣ... Здраствуй, Москва! Я опять дышу твоимъ упоительнымъ воздухомъ, не этимъ вещественнымъ воздухомъ, что глотаютъ безотчетно всѣ и каждый, но воздухомъ твоего радушнаго гостепріимства, твоей привольной, непринужденной жизни, и грудь моя, долго стѣсненная, съ восторгомъ вдыхаетъ просторъ и радость.

Москва! не ты мнѣ жизнь дала, не тебя впервые встрѣтили мои младенческіе взоры, когда они любопытно стали озираться на Божій свѣтъ, и спрашивали у всего окружающаго новыхъ мыслей, невѣдомыхъ впечатлѣній; но ты родина моего сердца, но ты меня усыновила, прекрасная, но въ дочеряхъ твоихъ нашелъ я осуществленіе моей мечты, и вѣчную благодарность пробуждаетъ во мнѣ твое завѣтное имя! Такъ, вотъ они, мѣ-

ста, гдѣ мнѣ блеснулъ лучъ неизвѣданнаго дотолѣ счастья! Какъ здѣсь хорошо! Какъ легко жить здѣсь!

Счастіе?... Что такое счастіе? Уже-ли я еще помню что оно? уже-ль слѣды его во мнѣ не поросли терніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ его смѣнили разлука и страданье? И точно ли счастье озаряетъ теперь мою душу? Что значитъ оно, это неполное, съ горечью перемѣшанное чувство, которое такъ смутно волнуетъ мои думы, такъ сильно бушуетъ въ моей груди? О нѣтъ! это еще не самое счастье, это только прообразъ его, только предсказанье объ немъ! Это только, надежда, возможность близкаго счастія. Но эта надежда не есть-ли она сама восхитительное ощущеніе, не есть ли она величайшее благо, когда она завѣряетъ мнѣ все будущее?

Будущее — тому годъ, оно было свѣтлою точкою, затерянною въ неизмѣримой мглѣ, невѣрнымъ болотнымъ огнемъ, ведущимъ бѣднаго путника къ обману — статься можетъ, даже къ смерти, а теперь оно ясная блестящая звѣзда, разливающая лучи теплой отрады, многообѣтная, многодающая! Черные дни прошли — спасаемый любовью, я пережилъ срокъ разлуки, срокъ испытаній; теперь я здѣсь, и скоро, скоро Вѣра *моя,* не только сердцемъ, но всѣми узами неба и земли!....

Но зачѣмъ же этотъ невольный страхъ, по-

рою такъ неотразимо обвивающій мое сердце? Какой черный демонъ нашептываетъ мнѣ слова сомнѣнія, слова отрицанія?... И — »Что будетъ съ тобой, что ждетъ тебя здѣсь?« говоритъ онъ, и дрожь бѣжитъ у меня по всѣмъ членамъ.

Прочь, прочь, духъ злобнаго подозрѣнья! — Я не слушаю твоихъ намековъ, я глухъ къ твоему навѣту, я хочу внимать одному довѣрію, одной радости — я доволенъ — я счастливъ — я близко отъ нея!

Нѣтъ! она не перемѣнилась — она не должна, не можетъ перемѣниться — она знаетъ всю любовь мою—знаетъ?... Безумный! Но когда и гдѣ, какими словами могъ ты выразить ей ту необъятную страсть, которая горитъ въ тебѣ такъ жарко, которая такъ тѣсно срослась съ раскаленнымъ твоимъ сердцемъ? Откуда взялъ ты пламя, чтобы описать пламя? Какъ успѣлъ ты облечь убѣжденіемъ любовь, дошедшую до невѣроятности?... О, если бы мнѣ было можно, хоть на мигъ, вынуть изъ груди мое сердце, и бросить къ ея ногамъ, чтобы она сама въ немъ прочитала.... Но она можетъ понять меня, можетъ, если любитъ — не говорю наравнѣ со мною, потому что я не достоинъ, я не долженъ быть любимъ, какъ любима она — а въ любви ея, мнѣ-ль сомнѣваться, мнѣ-ль, знавшему всѣ изгибы ея чистаго, пламеннаго сердца, испытывавшему такъ часто ея самоотвергающую душу? Я вѣрую въ нее....

я вѣрю ей, и счастью, и всему. . . въ моей душѣ столько радости, что въ ней нѣтъ мѣста холодному подозрѣнью!

Какъ медленно бѣгутъ часы. . . . Только четверть третьяго! . . . И еще цѣлый кругъ равнодвижущейся стрѣлки на неумолимомъ циферблатѣ, пока намъ позволено будетъ свидѣться! . . . Время, время! не можешь ли ты, хоть разъ, исполнить мольбу человѣка и пожертвовать ему эти ночныя минуты, которыя недвижный сонъ и безъ того отнимаетъ у твоей власти?

Вотъ цѣлый годъ, что мы не видались, годъ, въ которомъ каждый день, каждый часъ, каждое мгновенье пересчиталъ я страданіями, порывами мятежной тоски, нападеніями неотразимой скуки, годъ, который показался мнѣ вѣчностію, и—что-жъ? Его угрюмое воспоминаніе почти совсѣмъ исчезло, при мысли о скорой встрѣчѣ съ нею. . . . Да, память мрачныхъ дней ненастья, какъ поздній снѣгъ при блескѣ солнца, таетъ и теряется, когда засіяетъ свѣтило радости. Ждетъ-ли она меня? Но какъ ей не ждать, когда у нея залогомъ возврата моего не только всѣ поруки любви, но и клятва, страшная клятва, священнѣйшая всѣхъ — *честное слово* человѣка, всю жизнь свою боготворившаго честь, и который никогда не позволялъ себѣ упоминать о чести въ легкомысленныхъ обѣщаніяхъ прежнихъ шалостей! — Да, съ самодовольствомъ слышу я свидѣтельство моей

*

совѣсти: она говоритъ мнѣ, что во всѣхъ будуарныхъ приключеніяхъ, во всѣхъ котильонныхъ пристрастіяхъ, я сохранилъ уваженіе къ самому себѣ, и не унизилъ всуе слова *честь*. Я лгалъ, я обманывалъ единственно тѣхъ, которые хотѣли быть обмануты, но никогда клятва не подтверждала моихъ рѣчей, и тайный голосъ предчувствія всегда берегъ чистоту моихъ обѣтовъ, для чистыхъ признаній любви истинной. Вѣра, первая Вѣра услышала отъ меня эти обѣты, эти клятвы — ни одна другая не слыхала ихъ. . . . И вотъ, я выручилъ мое слово, и вотъ я возвратился, и не безъ пожертвованій! Надлежало проститься навсегда, и съ Петербургомъ, и съ друзьями, и съ блестящими надеждами службы, надлежало отказаться отъ всякой будущности — отъ всего — кромѣ любви. Я сдѣлалъ это, и не тужу о покинутомъ — я *здѣсь* — я буду жить ея рабомъ, ея послушникомъ! . . .

Боюсь одного: что, ежели Вѣра найдетъ меня перемѣнившимся не къ *лицу*? Ежели ей не понравится мой новый видъ? Я прежде мало думалъ о щегольствѣ, даже въ безсмысліи первой молодости я не занимался собою, а теперь я отдалъ-бы нѣсколько лѣтъ жизни, чтобы только быть въ глазахъ ея и лучше и краше всего міра — я желалъ бы, да, я желалъ бы, чтобы никто достойнѣйшій меня не обрѣталъ ни малѣйшей доли ея вниманія, ни искры ея уваженія. . . . Она

ужъ выучила меня быть ревнивымъ — уже-ли прійдется мнѣ теперь узнать и самую зависть?

Вѣра, Вѣра! въ тревожныхъ смутахъ моей души одна мысль о тебѣ остается свѣтлою, отдѣльною, неизмѣнною, восхитительною — я твержу безпрестанно твое имя, милое, завѣтное имя — я нахожу въ немъ всю гармонію Итальянскаго, все краснорѣчіе моего отечественнаго языка. Для меня это имя отголосокъ неба, залогъ всѣхъ земныхъ радостей — для меня оно, таинственное, всемогущее слово волшебства, отверзающее рай, привлекающее на землю свѣтила неба! Но какъ сладко задрожитъ оно въ устахъ моихъ, когда шопотомъ будетъ сказано ей самой!... И подумать, что она, она, по собственному влеченью, дала мнѣ право такъ звать ее — что это право принадлежитъ мнѣ исключительно — что я, *я одинъ* могу произнести: »*Вѣра*,« и прибавить — *моя*, не опасаясь отрицанія отъ нея.... Они исчезли между нами, докучливыя приличія, стѣсняющія формы условныхъ выраженій — межъ нами свѣтъ не существуетъ — мы стоимъ одни, рука въ руку, предъ лицемъ Провидѣнія. Наши рѣчи просты и задушевны, какъ наша любовь.

Зарей забѣлѣлись дальніе края небосклона... Скоро разсвѣнетъ — и не только на небѣ, но и въ моемъ сердцѣ... День свиданья! зажгись скорѣе... я ее увижу — я ее увижу....

6 Января, 2 часа пополудни.

Уѣхали въ Троицкую Лавру . . . . молиться . . . всѣмъ домомъ. . .

Что это значитъ? Странно!

Въ эту пору, среди блестящей зимы, Клирмова вздумала ѣхать на богомолье . . . . она, готовая поднять дочь съ смертнаго одра, чтобы нарядить ее къ балу — она уѣхала отъ баловъ, отъ свѣта?

Это не даромъ, это не можетъ быть даромъ— конечно что нибудь необыкновенное произошло въ ихъ семьѣ . . . . Что бы такое?

И Вѣра, Вѣра не могла отговориться отъ этой поѣздки, знавши что я долженъ скоро быть!

»Они не возвратятся прежде завтрашняго вечера.« — Какъ равнодушно, какъ безжалостно этотъ проклятый швейцаръ выговорилъ эти слова, которыя сердце мое бросили въ холодъ. . . .

Гдѣ же ты моя давишняя радость? . . .

Куда ушло желаемое свиданіе?

Еще дожидаться почти двое сутокъ, когда каждая минута уноситъ часть моего благополучія . . . . Какое мученіе! какая неудача!

Послѣ такой долгой разлуки, еще отсрочка, еще томленье!

Что дѣлать до завтра? Чѣмъ унять безумное волненіе сердца?

Узнаю, здѣсь ли Л. . . .

Тотъ же день, вечеромъ.

Я не доѣхалъ до Л. . . . Совершенно преданный своему раздумью, своимъ мечтамъ, что сталъ бы я отвѣчать на его распросы? Я изумилъ-бы товарища своимъ явленьемъ, и не могъ бы объяснить, зачѣмъ я въ Москвѣ, не подавъ ему подозрѣній. Я такъ разстроенъ, такъ трепещу, что одинъ видъ мой долженъ возбудить догадки и любопытство.

Къ тому же, я не соберу духа видѣться съ кѣмъ нибудь, прежде чѣмъ съ нею — не хочу слышать ни чьихъ рѣчей, прежде чѣмъ ея голосъ не коснется моего жаднаго слуха. . . . Кому надобно знать меня теперь? Что мнѣ сказать другимъ? Не всѣ ли для меня чужіе?

10 Января, вечеромъ.

Какъ длиненъ, какъ скученъ день! Мнѣ кажется, что съ пріѣзда моего каждое мгновеніе тянется долѣе года, а нетерпѣніе мое съ каждымъ мгновеньемъ возрастаетъ. Сегодня бродилъ я часа два около ея дома, смотрѣлъ на окна ея — но, пустота и безмолвіе, какъ камень, пали мнѣ на душу! Мнѣ больно стало видѣть мертвую безжизненность тамъ, гдѣ я находилъ жизнь, столь полную, столь страстную. Я не могъ вынести непривѣтливаго зрѣлища затворенныхъ воротъ въ томъ домѣ, гдѣ мнѣ думалось найти

привѣтъ и радушіе. Какое-то темное предчувствіе вгрызлось мнѣ въ сердце.... Мнѣ грустно... Мнѣ страшно!... Потомъ я былъ у заставы; я надѣялся ихъ встрѣтить. Взоры мои стремились вдоль снѣжной дороги, но однообразіе ея ничего отраднаго не показывало. Все было тихо, уединенно. Я ждалъ долго. — Наконецъ серебристая пыль взвилась въ дали.... сердце стукнуло въ груди моей.... вся жизнь моя перешла въ глаза.... послышались шаги лошадей.... паръ отъ нихъ валилъ клубомъ.... дорожные все ближе.... я различилъ огромную карету.... я едва устоялъ на ногахъ... карета подъѣхала... промчалась... то были ни они — Вѣры тутъ не было! Мнѣ стало дурно. Голова моя закружилась; нѣсколько минутъ я не переводилъ дыханія — но я остался, я еще ждалъ. Тянулись обозы, пролетѣлъ курьеръ, проскальзывали сани, повозки, кибитки — потемнѣло, и морозъ принудилъ меня уйти домой. Но болѣе всего озябло мое сердце, и ему не согрѣться, пока разлука не минула, пока мы не вмѣстѣ...

Mais reviens, et qu'à ton retour
Chagrin, souci, crainte, et souffrance,
Comme un nuage aux feux du jour,
Tout se dissipe à ta présence...

Эти слова — она пѣвала ихъ, когда мы одинъ день проводили не видавшись — эти слова не-

вольно приходятъ мнѣ теперь на умъ, и я нахожу какое-то облегченіе, повторяя ихъ послѣ нея — пора, пора ей быть! Моя твердость истощена прежними страданьями, и я чувствую, что силъ моихъ не станетъ для новыхъ.

11 Января, утромъ.

Нѣтъ! вѣрно всѣ демоны злобы вооружились противъ меня, что я такъ несчастливъ.... Вѣрно, судьба нарочно меня испытываетъ! Какъ? Я здѣсь, и она тоже — мы въ одномъ городѣ, подъ однимъ небомъ, мы могли-бъ быть вмѣстѣ, а препятствія все еще насъ разлучаютъ, а мнѣ все еще не удается достичь до нея! Я сей часъ отъ подъѣзда Клирмовыхъ — они возвратились, но *не принимаютъ*!... Когда можно будетъ ихъ видѣть — я не могъ узнать. У нихъ въ домѣ такъ что-то суматошно; люди мечутся какъ угорѣлые; никто не можетъ отвѣчать на вопросы... О, что бы это все значило?...

По крайней мѣрѣ, она увидитъ мои визитныя карточки, узнаетъ, что я пріѣхалъ... Вѣра, Вѣра! если мы съ равнымъ нетерпѣніемъ ждемъ свиданья, если радость наша будетъ одинакова, боюсь, что твое слабое, женское сердце не перенесетъ этого перехода, боюсь, чтобы оно не замерло въ твоей встревоженной груди въ минуту первой встрѣчи!

Восемъ часовъ вечера.

Не утерплю! Попытаюсь еще разъ съѣздить къ Клирмовымъ. Быть можетъ, теперь меня примутъ, и тогда... тогда...

Часъ пополуночи.

Боже мой! ее ли я видѣлъ?... Точно-ли *Вѣра* представилась глазамъ моимъ?... Мечты моего сердца, мечты о свиданіи, гдѣ вы? какъ сбылись вы? Это свиданье, это первое свиданье послѣ долгой, безмолвной, безотрадной разлуки... такимъ-ли я желалъ его, такимъ-ли снилось оно мнѣ въ дни мятежныхъ страданіи?... Я не знаю, что съ моей душою, что со мною! То, что я чувствую, такъ неясно, но такъ мучительно, что я какъ избавителя принялъ бы того, кто-бы могъ меня увѣритъ, что я еще *не видалъ* Вѣры, что нынѣшній вечеръ сновидѣнье, пустая греза безпокойнаго воображенія... Къ несчастью, это слишкомъ вѣрно: я *былъ съ нею*... и въ первый разъ разстался недовольный — оскорбленный!

Радость неполная, радость отравленная сто разъ хуже настоящей скорби, скорби, которой помочь нечѣмъ, къ которой сердце успѣло уже примѣниться, которую привычка и покорность помогаютъ перенести. Но когда сердце предается самой сладкой надеждѣ, когда оно растворяется теплѣйшимъ довѣріемъ, задушевнымъ удовольствіемъ, какъ больно ему вдругъ стѣсняться не-

жданнымъ горемъ — какая пытка ему внезапно отяжелѣть отливомъ несбывшихся, убитыхъ упованій? Его мечты, его порывы, какъ безкрылыя голубицы летятъ къ родимому гнѣзду — возвращаются по одиначкѣ, растерзанные, раненые, и всѣ вопли его сливаются въ мрачный вопль отчяянья — Ахъ! это было моей участью сегодня!

Этотъ степенный кругъ старухъ и родныхъ, это торжественное молчанье, которымъ ее окружали — все это обдало меня могильнымъ холодомъ! Я едва могъ найти ее среди этого чиннаго собранія, засѣдающаго неприступно... Горе! не обмѣниться ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ, смотрѣть издали на нее, на *мою Вѣру*, не слыхать отъ нея ни единаго привѣта, быть приняту ею съ равнодушіемъ, какъ посторонній — кто-бы предсказалъ мнѣ это! Мнѣ-ль было ожидать, что я проведу такимъ образомъ первыя минуты соединенья, минуты, долженствовавшія быть счастливѣйшими моей жизни?...

Но не она, вѣрно не *она* виновата въ этомъ уничтожительномъ пріемѣ! Вѣрно ей, какъ мнѣ самому, притворство было хуже смертной казни, вѣрно ея сердце рвалось и билось въ пылающей груди, вѣрно всѣ восторги присутствія волновали ея душу — но приличія — эта язва чувства, эта гибель необнародованной любви — приличія были между нами — и женщина, раба всѣхъ условій

должна была имъ покориться! Бѣдная, конечно, она изстрадалась въ этотъ вечеръ, и теперь, какъ я, тоскуетъ и томится въ одинокой своей комнатѣ!

Мнѣ кажется, она еще больше похорошѣла; выразительность ея лица стала ощутительнѣе, определительнѣе; черты ея освобождаются отъ оболочки дѣтской безхарактерности; головка ея дышитъ жизнью, мыслью, чувствомъ; прежній румянецъ, примѣта беззаботливости, смѣненъ прозрачными оттѣнками блѣдной бѣлизны, которые могло придать ей одно развитіе души! Видно, что она сдѣлала шагъ въ жизни сердца, видно, что она любитъ, что она страдала. И кто лучше меня можетъ замѣтить и оцѣнить измѣненія красоты ея, особенно, когда они свидѣтельствуютъ мнѣ о чувствахъ, мною внушенныхъ, о слезахъ, по мнѣ выплаканныхъ!...

Однакожъ сегодня, изумленный ея прелестями, я долженъ сознаться, что въ ней пробивалось что-то странное, принужденное, неловкое. Какая-то холодность оковывала ея движенія, взвѣшивала ея слова — она не была самой-собою — я могъ сказать объ ней:

Sotto duo negri e sottilissimo archi
Son duo negri ochi, auri duo chiari soli,
Pietosi a riguardar...

И къ сожалѣнью, долженъ былъ съ поэтомъ договорить:

A mover parchi!*

Ея глаза избѣгали моихъ — конечно, ими управляла робость? Ея взоры молчали — конечно, чтобы не сказать слишкомъ много! О, я понимаю, что ей душно было при всемъ этомъ народѣ свидѣтелей, но я, я хотѣлъ видѣть въ ней отблескъ ея тайныхъ чувствъ, я былъ-бы счастливъ уловленнымъ взоромъ взаимности, двусмысленнымъ словомъ, котораго никто-бы не понялъ, кромѣ меня, но которое за то я такъ хорошо уразумѣлъ-бы.

Непереводимыя прихотливости любви!... Какъ ни остался я недовольнымъ нашей встрѣчей, какъ ни темно у меня на душѣ, однако-жъ, думая о Вѣрѣ, я оживляюсь небесною отрадою, чуднымъ прояснѣніемъ моихъ мыслей, и я готовъ заочно повергнуться на колѣни предъ ея возлюбленнымъ образомъ, и высказать безъ нея гимнъ страсти и радости, котораго не могъ излить у ногъ ея!

Постараюсь отдохнуть. Холодное зимнее утро занимается на востокѣ. Что скажетъ, что принесетъ мнѣ этотъ новый день, который я встрѣчаю съ такимъ волненьемъ, въ безсонницѣ сожалѣній, надеждъ, ожиданья?

* Подъ двумя черными, плѣнительными дугами сіяютъ, какъ два солнца, черныя очи, умилительны взорами—скупы рѣчами!

12 Января, рано утромъ.

Съ вчерашняго вечера, съ этого вечера, столь томительнаго и столь сладостнаго, сердце мое до сихъ поръ не перестаетъ биться судорожною тревогою, но голова моя приходитъ въ порядокъ, и я въ состояніи дать себѣ отчетъ, что видѣлъ, что замѣтилъ. Я вспоминаю, что Княгиня Софья поблѣднѣла, когда я вошелъ въ гостиную ея матери, что она съ большимъ смятеніемъ отдала мнѣ мой поклонъ, и потомъ весь вечеръ убѣгала меня. Вчера я былъ занятъ одною Вѣрою, но нынѣ привожу я себѣ на память все, что можетъ имѣть вліяніе на мою участь: я стараюсь сообразить все, что предвѣщаетъ мнѣ пріемъ обѣихъ сестеръ — и предчувствіе, которое схватило мою душу на порогѣ дома, при первомъ неудачномъ посѣщеніи, предчувствіе все внятнѣе говоритъ сердцу, что оно слишкомъ рано запаслось брачною ризою упованія. Быть можетъ, Вѣрѣ не удалось склонить мать къ согласію. Но если-бы Клирмова знала что нибудь, и противилась-бы дочернинымъ желаніямъ, меня не приняли-бы? Такъ, видно, онѣ не смѣли открыться матери и робѣютъ теперь, боясь семейныхъ распрей . . . такъ видно . . . Нѣтъ! полно, не хочу придумывать ничего мрачнаго, ничего огорчительнаго — поживемъ, посмотримъ — одно у ме-

ня неотъемлемо — это любовь моей Вѣры! Все прочее одолѣю, или — презрю!

Тотъ же день, послѣ обѣда.

Приглашеніе отъ Клирмовыхъ на сегодняшній вечеръ! Приглашеніе по карточкамъ, какъ на большой праздникъ, и разсылается за нѣсколько часовъ передъ баломъ, и вчера ни слова о предположенномъ балѣ, ни слова, чтобы позвать меня? Какъ все это странно, необыкновенно, несогласно съ ихъ привычками — соблюдать всѣ закоренѣлые обряды свѣтскости! Какое чудо могло разстроить заведенный перядокъ чиннаго дома Клирмовыхъ?

Но мнѣ все равно. Богъ съ ними и съ ихъ причудами! Меня этотъ вечеръ невыразимо радуетъ: въ шумѣ раута мнѣ удобнѣе будетъ наговориться съ Вѣрою — мы по прежнему ускользнемъ отъ вниманья, мѣшаясь съ пестрою толпою; мы будемъ свободны, мы насладимся всѣми благополучіями настоящаго, всѣми надеждами на будущее; мы условимся, какъ приготовить, какъ ускорить это желанное будущее! Мы...но зачѣмъ опережать мечтою эти блаженные часы? Каждый восторгъ, каждая мысль, нераздѣленная съ ней, я краду ихъ у нее, и я ничего болѣе не хочу чувствовать, пока не начну чувствовать и думать *пополамъ* съ нею!

До вечера, возлюбленная всей жизни, всего сердца! До вечера, моя Вѣра, моя неотъемлемая, my own Вѣра!! . . . .

III.

Tout tremble dans cette âme....
Il n'attendit pas un second avenir,
Il ne languit pas de doute en espérance,
Et ne disputa pas sa vie à la souffrance,
Il but d'un seul trait le vase de douleur,
Dans sa première larme il noya son coeur...
Ламартинъ, Harmonies.

И кто изъ васъ не грѣшенъ, да броситъ въ него первый камень...

Такъ прерывается дневникъ Вадима. Почему? То знаетъ нѣжная сестра; да зналъ бѣдный отецъ; да, можетъ быть, отгадывало *чье-то* сердце, сердце, привыкшее понимать Вадима!

Л... этотъ товарищъ, у катораго на свадебномъ балѣ Вадимъ и Вѣра познакомились, Л... находился на вечерѣ Клирмовыхъ, и былъ свидѣтелемъ всѣхъ подробностей этого вечера.

Когда Вадимъ подъѣхалъ къ яркоосвѣщенному дому, когда онъ вступилъ въ блестящую залу, лице его горѣло всею радостью его сердца. Онъ былъ веселъ, онъ проходилъ поспѣшно передъ рядами дамъ, раскланиваясь на всѣ стороны и отыскивая молодую хозяйку; но тѣсныя группы гостей, набившія всѣ углы дома Клирмовыхъ, останавливали его на каждомъ шагу, и нетерпѣ-

ливой любовникъ долго бродилъ, не видя Вѣры. Вдругъ сама Клирмова, зашитая въ блондахъ, разубранная въ перьяхъ и брилліантахъ, загородила ему дорогу, и привѣтствовала его съ ласковѣйшею изъ всѣхъ ласковыхъ улыбокъ, расточаемыхъ ею всѣмъ встрѣчнымъ, всѣмъ проходящимъ.

»Ахъ! Вадимъ Николаичъ! Очень вамъ рада!« сказала она — вы, конечно, удивились нашей *инвитаціи* не въ пору, но мы и всѣхъ также звали. Балъ устроился тайно и нечаянно, для нынѣшней радости! Поздравьте-же насъ: мы давича помолвили свою Вѣрочку. А вотъ, позвольте мнѣ познакомить васъ и съ женихомъ, и съ будущимъ зятемъ моимъ, генераломъ Барономъ Гохбергомъ.« Въ эту минуту къ окостенѣлому Вадиму подвинулся мущина зрѣлыхъ лѣтъ, въ огромныхъ эполетахъ, съ множествомъ орденовъ, наружности самой обыкновенной; и съ покровительною вѣжливостью пожалъ его холодную руку. Судорожное движеніе пробѣжало по членамъ молодаго человѣка, но прежде чѣмъ онъ опомнился, веселый женихъ, съ своей побѣдовидной тещей торжественно шествовали далѣе, собирая поздравленія и поклоны.

Свирскій остался на своемъ мѣстѣ. Голова его кружилась — въ глазахъ меркло; онъ былъ не въ силахъ сдѣлать шагъ впередъ, выговорить слово. Безчувственный, самъ не зная что

дѣлаетъ, приникъ онъ къ близъ стоявшей мраморной полуколоннѣ. Л . . . шелъ мимо, увидѣлъ его, и обрадованный его пріѣздомъ, подбѣжалъ къ нему, со всѣми выраженіями искренняго удовольствія. Онъ говорилъ тщетно. Вадимъ отвѣчалъ безсмысленною улыбкой, но память, но душа его — до нихъ не дошли слова радушнаго собрата; онѣ были мертвы, мертвы, какъ всѣ упованія несчастнаго. Свирскій былъ оглушенъ громовымъ заключеніемъ своей судьбы. Онъ самъ еще ни понималъ, ни слышаннаго извѣстія, ни собственныхъ чувствъ.

Вдругъ — онъ вздрагиваетъ нервическимъ потрясеніемъ . . . что-то знакомое, тѣсносвязанное съ его бытіемъ поколебало воздухъ около него. Близость любимаго предмета возвратила ему самопознаніе. Голосъ дрожащій, разбитый сильнымъ волненіемъ, прерывисто ропщетъ чуть внятныя слова. Вадимъ приходитъ въ себя. Онъ поднялъ глаза — возлѣ него Вѣра.

Она? — Одѣта, разукрашена съ изысканнымъ, обдуманнымъ вкусомъ, свѣжа, какъ первая любовь поэта, хороша, какъ счастливая невѣста, съ изящной ловкостью совершеннаго спокойствія, она стоитъ передъ пораженнымъ Вадимомъ — и ничто, ничто не измѣнилось въ ней, и никто, видя ее столь веселою, столь блистательною, никто не можетъ подозрѣвать малѣйшаго горя въ ея душѣ, малѣйшаго облака надъ ея жизнію.

Правда, необыкновенный, лихорадочный румянецъ пылалъ неровно на щекахъ ея; правда глаза ея, то сверкали яркимъ огнемъ безумія, то блуждали, туманны и безвзорны, но улыбка, приросшая къ устамъ ея, была достаточною вывѣскою для увѣренія свѣта въ ея счастьи, и Вадимъ, одинъ Вадимъ могъ послѣднею вспышкою сочувствія угадать бурю въ ея сердцѣ, узнать страданіе подъ усмѣшкою и трауръ души подъ праздничною обновою. . .

»Прости меня, прости меня, Вадимъ! я люблю тебя по прежнему — нѣтъ! больше прежняго, больше чѣмъ когда нибудь! но я не могла противиться — мнѣ грозили деревней, Костромой, заточеньемъ — Богъ знаетъ чѣмъ! — Я знала: ты былъ потерянъ для меня — я знала, что насъ разлучаютъ на вѣки — я рѣшилась спасти мою любовь, жертвуя счастьемъ — я повинуюсь, но...

Ее прервалъ адъютантъ Гохберга, съ приглашеніемъ на вальсъ; женихъ и мать показались въ дверяхъ залы. Вѣра бросила на Вадима невыразимый взглядъ; ласковымъ наклоненьемъ головы отвѣчала адъютанту, и — вихрь вальса умчалъ ее! Вадима кольнуло въ сердце, какъ будто остреемъ кинжала. Боль возвратила ему окованныя силы его. Онъ оторвался отъ колонны, и скорыми шагами выбѣжалъ изъ шумнаго бала, изъ освѣщеннаго дома. . .

На слѣдующій день, въ одной изъ гостинницъ на Тверской замѣтно было странное волненіе. Прислуга бѣгала изъ этажа въ этажъ, изъ нумера въ нумеръ. Содержатель былъ разстроенъ и въ испугѣ. Молодые люди, его жильцы, сошлись въ общую комнату, болѣе или менѣе пораженные чѣмъ-то печальнымъ, и всѣ, знакомые и незнакомые, подъ вліяніемъ общаго участія, говорили вмѣстѣ шопотомъ, какъ будто совѣщаясь о чемъ нибудь. На лѣстницахъ и въ прихожихъ суетились доктора, полиція и проч. и проч. — Въ одной изъ занятыхъ комнатъ, у дверей плакалъ старый слуга, бывшій прежде дядькою, потомъ камердинеромъ Вадима Свирскаго; далѣе плацъ-маіоръ и частный докторъ казались занятыми значительнымъ дѣломъ, а Л....., весь встревоженный, хлопоталъ, ухаживалъ около нихъ, съ жаромъ упрашивая о чемъ-то, то одного, то другаго. Старый слуга старался слезами подтверждать его убѣжденія, а на диванѣ лежалъ недвижный трупъ. Исторія Вадима была кончена Онъ оставилъ полу-пройденное поприще; онъ не перенесъ переворота своей любви, погибели своихъ надеждъ, своихъ вѣрованій...

Онъ палъ—онъ палъ душою предъ искушеньемъ отчаянія; онъ сталъ виновенъ въ тяжкомъ грѣхѣ предъ лицемъ Всевышняго Судіи, всегда имъ чтимаго; но предъ людьми, предъ людьми? Вся жизнь его говоритъ за него. Не осуждайте

Вадима! Приблизься, человѣкъ, выскажи надъ нимъ слово отверженія — приблизься тотъ, кто пребылъ твердъ, кто мужался, кто не роталъ, когда съ высоты блаженства, однимъ махомъ рока былъ онъ свергаемъ въ бездну всѣхъ страданій человѣчества!

По всѣмъ строгимъ и законнымъ изслѣдованіямъ докторовъ, покойникъ показанъ былъ покусившимся на жизнь свою въ припадкѣ бѣлой горячки. Старый слуга клялся, что его баринъ на пути изъ Петербурга былъ боленъ и бредилъ всю дорогу, и — онъ не лгалъ. Любовь Вадима была сумашествіемъ. Тѣло Вадима была предано землѣ съ христіанскою почестью.

Л......... собралъ бумаги своего друга; камердинеръ отвезъ ихъ Катеринѣ Свирской, сестрѣ усопшаго.

Въ Москвѣ около недѣли толковали объ этомъ происшествіи. Мнѣнія и слухи были разногласны. Въ Англійскомъ Клубѣ увѣряли, что Свирскій промоталъ, а, можетъ быть, и проигралъ, казенныя деньги. Въ гостиныхъ, въ обществахъ утверждали, что ему отказала богатая невѣста. Въ казармахъ полагали, что его обошли чиномъ. Ультра-романтики, прозябавшіе въ кандитерской Педотти, въ кабинетахъ, посвященныхъ жалобамъ на вселенную, со вздохомъ твердили, что Вадиму наскучила юдольная жизнь, вялая, безчарная, безсвязная.

Въ домѣ Клирмовыхъ менѣе всего заботились о Вадимѣ. Не доставало времени подумать объ немъ — шили приданое будущей Баронессѣ, да готовили праздники и балы къ ея свадьбѣ. Княгиня Софья дня съ два не выходила изъ своей комнаты, сказавшись нездоровою. Невѣста . . . но вѣдь невѣсты, обыкновенно сидятъ съ женихами, говорятъ съ женихами, и, по принятому порядку, должны думать объ однихъ только женихахъ. Вѣра исполнила всѣ условія своего новаго сана. Было-ли что нибудь сверхъ-обычное въ ея душѣ? Кто узнаетъ, что на умѣ, или на сердцѣ у женщины, когда она хочетъ молчать! Баронъ Гохбергъ жалѣлъ о потерѣ молодаго человѣка, который былъ красивъ собою, и безъ сомнѣнія, ловко являлся на ординарцы.

Старикъ Свирскій не долго оплакивалъ сына. Преклонныя лѣта и горе свели его въ могилу.

Спустя три мѣсяца, читали въ Московскихъ вѣдомостяхъ, подъ рубрикою: *Отъѣзжающіе за границу* — »Въ Германію, къ минеральнымъ водамъ генералъ - маіоръ Баронъ Гохбергъ, съ супругою, Баронессою Вѣрою Григорьевною Гохбергъ, урожденною Клирмовою.«

Тринадцатое января 18.. года, въ зимней церкви.... монастыря служили обѣдню за-упокой, и полумогильные голоса отшельниковъ пѣли своимъ чуднымъ, раздирающимъ напѣвомъ, sotto voce, умилительныя стихиры смерти, между тѣмъ, какъ діаконъ звучнымъ басомъ провозглашалъ: »Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего болярина Вадима!«

Накапунѣ, отъ двухъ разныхъ домовъ, и въ разное время, прислали просить объ отправленіи обѣдни съ панннихидою по Вадимѣ Свирскомъ, погребенномъ въ оградѣ монастыря. Посланные умолчали имена своихъ господъ. Заботливый казначей боялся, чтобы изъ этого двойнаго заказа, не вышло непріятностей, которыя ему трудно было-бы отвратить...

Длинная церковь была почти пуста. Противъ придѣла, въ которомъ совершались молитвы, у ближняго простѣнка, стояли двѣ дамы, обѣ въ черномъ. Одна, пожилая, всею наружностью своею высказывала, что она такъ называемая *компаніонка*, то есть, что обстоятельства и недостатокъ принудили ее подъ старость лѣтъ ѣсть чужой хлѣбъ и жить по чужой волѣ. Она стояла, ни позади своей спутницы, ни рядомъ съ нею, а какъ-то косвенно, и смотрѣла на нее съ подобострастіемъ, крестилась вслѣдъ за нею, творила земные поклоны, когда та тихо наклоняла голову, и слѣдовала взорами за ея глазами. Что-

то унылое поражало въ этомъ бѣдномъ существѣ, тѣмъ болѣе, что ея черты не изобличали чувствъ подлыхъ и низкихъ, а только покорность беззащитности. Она была жалка на видъ, но, къ счастію, разсмотрѣвъ ту, которой она принадлежала, можно было поручиться, что она не жалка на дѣлѣ, что участь ея въ рукахъ добротворительныхъ и кроткихъ.

Дама, подлѣ нея стоявшая, казалась лѣтъ около двадцати семи, и была-бы вовсе не замѣчательна, если бы лице ея не оттѣнялось двумя господствующими выраженіями: привычкой тихой скорби и ангельскимъ смиреніемъ. Весь нарядъ ея свидѣтельствовалъ о совершенномъ нерадѣніи: платье ея обвисло и прилипло около стана, довольно благороднаго; шляпка была оставленнаго всѣми фасона и не приноровлена къ физіономіи; старинная турецкая шаль неловко закутывала ее, и вся наружность соотвѣтствовала такому пренебреженію. Больно было смотрѣть на нее; разочарованіе и пустота жизни отпечатались на ней; очевидно было, что она, добровольно или нѣтъ, отказалась отъ всѣхъ прелестей молодости, отъ драгоцѣннѣйшихъ правъ женщины: права нравиться и права быть любимою. Но когда она возводила глаза къ небу, сожалѣніе умолкало и смѣнялось уваженіемъ, потому что спокойствіе и благодать разливались во всѣхъ чертахъ ея, и

она забывала утраты земныя, наслаждаясь надеждою обрѣсть вознагражденіе въ небесахъ.

При этихъ дамахъ находился старикъ слуга, безъ ливреи; онъ всю обѣдню простоялъ на колѣняхъ, рыдалъ громко и вслухъ повторялъ молитвы. Нищіе, наполнявшіе паперть, замѣтили, что когда онъ высаживалъ барынь изъ ветхой кареты, то не умѣлъ ни растворить дверецъ, ни разложить подножки, и чуть было не уронилъ старшей изъ барынь, стараясь ее поддержать. Вѣроятно, онъ не привыкъ стоять за каретою, и въ этотъ день исполнялъ не свою должности. Вѣроятно, его взяли только ради его усердія. Статься можетъ, не хотѣли, чтобы другой былъ равнодушнымъ свидѣтелемъ печальныхъ обрядовъ. Истинная горесть любитъ окружать себя одними тѣми, кто ее понимаетъ.

Поодаль отъ этой группы, такъ приспособленной къ случаю и мѣсту, въ крайнемъ углу церкви стояла еще женщина, представлявшая разительную противуположность двумъ первымъ. Эта пріѣхала въ богатомъ экипажѣ, съ гербомъ и позолотою; ее сопровождалъ широкоплечій лакей, обшитый золотымъ позументомъ, одѣтый въ блестящую ливрею. Дама эта во многихъ возбудила бы зависть своими нарядами, если бы тутъ было кому заняться ея нарядомъ. Розовый атласный плащъ, на пушистомъ собольемъ мѣху, блондовый вуаль, на щегольской утренней ка-

поткѣ, означали аристократку моднаго свѣта. Правда, зоркій взоръ праздной наблюдательницы могъ бы и тутъ замѣтить нерадѣнье, но это было нерадѣнье въ другомъ родѣ: дама въ черномъ собрала все, что у нея было траурнаго, хотя не имѣла ни вкуса, ни желанья придумать, какъ бы ея трауръ отвѣчалъ требованіямъ щегольства; дама въ розовомъ надѣла, что ей подали, что она носила за-просто. Она была разсѣяна, когда одѣвалась, или слишкомъ занята своими думами. Ея черты были правильны, привлекательны, благородны, но такъ измучены страданьемъ и усталостью жизни, она была такъ худа, такъ блѣдна, что молодость ея дѣлалась загадочною. Глаза ея были черные и большіе, но безъ огня, безъ жизни, безъ взгляда. Она слушала божественную службу съ алчнымъ и нетерпѣливымъ вниманіемъ; во время пѣнія, она плакала долго и горько, но слезы ея не струились, а засыхали на воспаленныхъ вѣкахъ; нервическое трепетаніе овладѣвало ею; рыданья волновали грудь ея: то были рыданья сухія, судорожныя. Горесть ея была горесть смутная, тревожная, полная истомы и ожесточенія, не умягченная, ни покорностью, ни душевнымъ миромъ. Пылкость нрава и живость страстей рѣзко означались во всемъ существѣ ея; она ни просила ни отрады, ни подкрѣпленья, ни надежды — нѣтъ! она оплакивала земное, она чувствовала по земному! И не

одно горе ее изсушило: это горе походило на раскаяніе. Женщина въ трауре казалась испытанною и примиренною; нарядная женщина казалась сокрушенною, но мятежною.

Обѣдня отошла; началась панннхида, и при торжественномъ: *»со святыми упокой,«* священники, клиросъ, монахи и всѣ предстоящіе, со свѣчами и символическою кутьею, пошли на могилу Вадима. Дама въ черномъ медленно и тихо приблизилась къ надгробному кресту, и опустилась на колѣни подлѣ него. Дама въ розовомъ плащѣ какъ изступленная, поверглась ницъ на холодный камень.

Обѣ онѣ продолжали плакать и молиться по окончаніи паннихиды, когда церковный причетъ удалился. Холодный снѣгъ, сравнявшійся съ краями камня, начиналъ таять, разогрѣтый жаркимъ дыханіемъ; мерзлый иней опуталъ ихъ шубы и леденилъ ихъ слезы — когда шумъ каретъ вывелъ ихъ изъ горестнаго забвенія; обѣ встали почти вмѣстѣ, и впервые замѣтили одна другую. Ихъ взоры быстро встрѣтились въ любопытномъ вопросѣ, со всею проницательностью женской смѣтливости. Обѣ остановились. Удивленіе и недоумѣніе отразились на лицахъ ихъ. Себялюбивая ревность глубокой привязанности зажглась въ ихъ глазахъ. Ревнуя за могилу, каждая была готова присвоить ее себѣ, и спросить, по какому праву другая къ ней приближалась.

Каждая съ недовѣріемъ ждала, чтобъ другая удалилась. Онѣ стояли неподвижны. »Катерина Николавна, матушка, пожалуйте, пора намъ«! произнесъ дряблый голосъ старика слуги.

»Карета Баронессы Гохбергъ«! громко возопилъ лакей въ богатой ливреѣ.

У обѣихъ сердца забились, у обѣихъ вырвался знакъ сильнаго изумленія. Одну минуту. Вѣра колебалась, не подойдти ли ей къ сестрѣ Вадима? Сочувствіе общей утраты влекло ее, но голосъ укоритель возсталъ въ ея сердцѣ — она зарыдала, она пошла съ поникшею головою. Катерина съ ужасомъ смотрѣла ей въ слѣдъ, и отступила къ памятнику, какъ будто прося его защиты. Ее увела компаніонка.

За оградой монастыря кареты разъѣхались. Ихъ путь былъ также различенъ, какъ участь и чувства увозимыхъ ими.

Катерина Свирская пріѣзжала въ Москву посѣтить послѣднее жилище брата, обожаемаго и во гробѣ; но дѣла ее задержали, и она принуждена была пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ городѣ, гдѣ все было ей ненавистно, потому что все напоминало ей повѣсть былаго - утраченнаго. Весною, возвращаясь въ свою деревню, она захотѣла проститься съ могилою брата, и отправилась въ монастырь, съ обычными спутниками своими. У воротъ обители ее долго задержали пышныя похороны, туда входившія. Множество

священниковъ въ присутствіи архіерея, выборъ пѣвчихъ, факелы и черные плащи, все показывало роскошь и тщеславіе, все свидѣтельствовало о знатности и богатствѣ умершаго. Въ двухъ шагахъ отъ Катерины пронесли малиновый, бархатный гробъ, подъ балдахиномъ и парчею. Толпа дамъ и людей всѣхъ званій слѣдовала потомъ, и множество каретъ осталось на полѣ.

»Кого это хоронятъ?« спросила Катерина, у человѣка съ бѣлыми нашивками, принадлежавшаго къ церемоніи.

— Генеральшу Баронессу Гохбергъ.

Катерина живетъ въ своемъ уединеніи, съ одной вдовой изъ бѣднаго дворянства, которую взяла для приличія. Она не вышла замужъ. Не мудрено!.... Она не хороша собою, она безъ приданаго, она безъ знатнаго родства. Кому дѣло знать, что въ ней таятся душа ангела и любящее сердце, съ умомъ и нравомъ женщины превосходной? Въ свѣтѣ мила красота, и нужно золото!

ПОЕДИНОКЪ.

I.

Дохнула буря — цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ....
Тому назадъ одно мгновенье
Въ семъ сердцѣ бились вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно....

А. Пушкинъ.

The common crowd but see the gloom
Of wayward deeds, and fitting doom;
The close observer can espy
A noble soul....

Байронъ. Гяуръ.

Знаете ли вы, гдѣ и какъ удобнѣе познаются человѣкъ, его наклонности и привычки, даже его чувства и обычное расположеніе его мыслей?

Я берусь вамъ это сказать: на военной квартирѣ, тамъ, гдѣ вы не найдете ничего условнаго, куда не слѣдуютъ за кочующимъ ни суетность тщеславія, ни лицемѣрность самолюбія; тамъ, гдѣ человѣкъ бываетъ собственно собою, гдѣ самостоятельность каждаго отражается около него во всей простотѣ, во всей суровости походной, не-нарумяненной жизни.

Въ гостиной, я разумѣю въ гостиной образованнаго человѣка, есть много не нужнаго, много сторонняго; въ гостиной все обдумано и приготовлено для пріема, для принужденія; ее строили, не хозяинъ, но обойщикъ и столяръ; изъ нея исключены необходимости и потребности вашей вседневной жизни, жизни задушевной и тайной. Кабинетъ, это святилище мыслящаго существа, обыкновенно закрытъ и недоступенъ, у того, кто любитъ занятіе и дорожитъ часами уединенія. У прочихъ, кабинетъ есть великолѣпный обманъ, нѣчто во вкусѣ тѣхъ несчастно-выдуманныхъ храмовъ, которыми, въ концѣ прошлаго столѣтія, Французы украшали свои сады. Зданія возвышались какъ будто для принятія алтарей всѣхъ боговъ миѳологіи, но оставались пусты и необитаемы, а иногда обращались въ соблазнительные будуары и увеселительные павиліоны. Точно тоже происходитъ съ кабинетами нашего времени! вы увидите въ нихъ и писменный столъ, заваленный бумагами и перьями, и спокойныя

кресла для любителя занятій, и чернильницы разныхъ видовъ, и кипы бумаги, но хозяинъ, когда не принимаетъ посѣтителей, занятъ единственно чищеніемъ ногтей и войною съ мухами и пылью, нарушающими спокойную чистоту и безсмѣнный порядокъ его меблировки. О! какъ я ненавижу васъ, модные, напрасные, безжизненные кабинеты, пустыя декораціи безцвѣтной драмы, неловкое, глупое подражаніе самодовольной посредственности, кабинеты, уставленные изваянными и гравированными искаженіями людей великихъ, непонимаемыхъ своими жалкими почитателями, кабинеты, гдѣ тѣнью Наполеона клянется безсмысленная ничтожность, гдѣ послѣдователь моды развѣсилъ по стѣнамъ своимъ портреты славныхъ людей, не постигая величія души ихъ.

Сынъ оружія, всегда готовый сложить свою ставку, чтобъ итти вслѣдъ за кочевымъ знаменемъ, не успѣваетъ захватить съ собою ничего излишняго, ничего для прихоти, или приличія. Онъ бросилъ, онъ забылъ всѣ изысканности жизни, которыя, нужны или ненужны, окружаютъ насъ, горожанъ. Подобно древнимъ, всюду неразлучнымъ съ своими пенатами, онъ выбралъ себѣ въ вѣчные спутники предметы своихъ занятій, своей привязанности, своихъ воспоминаній. Если случайно, попала въ запасъ его какая нибудь бездѣлка, вещь безъ цѣли и назначенія для постороннихъ, будьте увѣрены, что въ ней есть что нибудь за-

вѣтное, дорогое, что съ нею сопряжена тайна ея владѣльца, что она занимаетъ неотъемлемое мѣсто въ тѣсномъ кругу его быта. Вся повѣсть военнаго вмѣщается въ его походномъ чемоданѣ. За то, какое обширное поле догадокъ и предположеній открыто физіологу во временномъ жилищѣ, гдѣ военный отдыхаетъ мимоходомъ, мѣсяцъ, недѣлю, день, смотря по обстоятельствамъ; за то, какъ все въ этомъ жилищѣ трепещетъ занимательностью, — какъ на всѣхъ предметахъ отражается нравъ жильца! Каждый изъ нихъ составляетъ рѣзкую черту въ характерическомъ цѣломъ! Они, или освящены чистыми воспоминаніями его дѣтства, или залоги знойной поры страстей, или свидѣтели тихой думы. Рядомъ съ неминуемымъ оружіемъ, съ безсмѣнными принадлежностями службы, вы увидите любимую книгу (если вашъ воинъ читаетъ), трубку, которая вѣрно сопутствовала ему во всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ ремесла, и неразъ докуривалась и гасла,безъ вѣдома его, въ его рукахъ, когда онъ погружался въ память минувшаго, или въ мечту о будущемъ, этомъ будущемъ военнаго, гдѣ блескъ славы и сіяніе желаемыхъ крестовъ непремѣнно затемнены дымомъ сраженія, и потоками крови. Иногда вамъ представятся изображенія родителя, друга, нѣжной матери; чаще миніатюра милой, или карандашемъ набросанный абрисъ любимой лошади. Вамъ можетъ, на единственномъ

столѣ, попасть подъ руку безличный силуэтъ, въ которомъ одни глаза любовника умудрились найти сходство, потому что воображеніе дополняетъ и дорисовываетъ его, помощію образа, въ немъ запечатлѣннаго. Порою даже, но очень рѣдко, этотъ образъ обитаетъ въ самомъ сердцѣ, и тогда черный силуэтъ лучезаренъ и свѣтелъ, и грѣетъ теплою радостью холодные часы разлуки. Но, увы! у большей части молодыхъ людей вы найдете веселые припѣвы Беранже и соблазнительныя риѳмы Парни. Разумѣется, что и тѣ и другія вѣчно покрыты замѣчаніями, прибавленіями, гіероглифами, надъ которыми трудились и перо и свинецъ, ногти и бритвы. Это-то и любопытно! — Подобно испещренная книга заклеймена читателемъ, присвоена имъ; онъ породнилъ собственныя ощущенія съ чужими мыслями сочинителя; онъ возражалъ ему противо-мнѣніемъ, и если ему, черезъ много лѣтъ, прійдется опять развернуть эту книгу, онъ найдетъ въ ней отголосокъ себя самого съ памятникомъ давнопрошедшаго, которое никогда не теряетъ своихъ правъ надъ нашими сожалѣніями, хотя-бы мы припоминали въ немъ несравненно болѣе черныхъ полосъ горя, чѣмъ свѣтлыхъ арабесковъ. Жаль, что такіе архивы поручаются обыкновенно страницамъ, недостойнымъ ихъ сохранять! Мнѣ по сердцу старинные обычаи нашихъ прабабушекъ, которыя на бѣлыхъ мѣстахъ наслѣдственнаго молитвенника записы-

вали всѣ достопамятные дни своей тихой, домашней жизни, лѣтописи безгрѣшныя и краткія, неизвѣстныя свѣту, какъ самыя героини ихъ.

Но кажется, я не про это съ вами говорила, и, мнѣ странно теперь, что сцѣпленіе мыслей могло меня перебросить къ безмятежнымъ бабушкамъ отъ мятежныхъ случаевъ походной жизни ихъ потомковъ.

Послѣ утомительно медленныхъ походовъ, когда полкъ приходитъ на желанную квартиру, каждый спѣшитъ водвориться, убраться, быть у себя. Собственность каждаго, мало по малу, приводится въ порядокъ. Дымная, грязная изба принимаетъ видъ нѣкоторой опрятности, дотолѣ ей неизвѣстной; ковры защищаютъ оконницы отъ солнца и полъ отъ стужи. Всѣ принадлежности временнаго хозяина располагаются по удобнѣйшимъ мѣстамъ, то есть, всякая тамъ, гдѣ можетъ скорѣе броситься въ ищущіе ихъ глаза.

У насъ все прибрано, все скрыто, все потеряно во множествѣ утвари, изобрѣтенной роскошью и общежитіемъ, но тутъ, но въ тѣснотѣ и недостаткѣ, трудно подчинить предметы условному устройству, трудно даже скрасть улику слабости. Предатель штофъ изобличаетъ поклонника Вакха; колода картъ доноситъ на игрока.

II.

> Around him some mysterious circle thrown
> Repell'd appoach, and schow'd him still alone...
>
> *Байронъ, Лара.*

Однако и физіологъ и наблюдатель задумались бы не разъ, войдя въ избу, гдѣ стоялъ полковникъ Валевичъ. Мудрено было бы имъ растолковать свои впечатлѣнія, разгадать видимое ими. Это жилище казалось созданнымъ нарочно, чтобы сбивать всѣ догадки и упреждать всѣ заключенія на счетъ жильца. Его товарищи увѣряли, что хандра находила на нихъ, когда они засиживались у него, а рядовые и деньщики, когда служба, или случай, призывали ихъ къ полковнику, крестились переступая порогъ, и отчурывались на возвратномъ пути. Вечеромъ народъ обходилъ съ ужасомъ это запретное жилище, и въ селахъ, гдѣ стаивалъ Ф........скій гусарскій полкъ, долго, долго говаривали не безъ трепета и не безъ удивленья, о причудливыхъ обычаяхъ страннаго Валевича, того высокаго и блѣднаго полковника, съ сѣдѣющими черными кудрями и безулыбочнымъ лицомъ.

Куда не приходилъ Валевичъ съ своимъ эскадрономъ, всюду его комната обивалась съ низу до верха чернымъ сукномъ. Его кроватъ имѣла совершенно видъ и форму гроба, и была изъ

чернаго дерева, на винтахъ, чтобы удобнѣе складываться на дорогу. Надъ письменнымъ столомъ, который равно обитъ чернымъ, висѣлъ всегда пистолетъ, и ни чья рука, кромѣ руки полковника, не прикасалась къ нему. Но и самъ полковникъ никогда не употреблялъ его. Пистолета не заряжали, не чистили; онъ былъ не любимымъ оружіемъ, но — таинственнымъ залогомъ чего-то давнишняго, чего-то мрачнаго и незабвеннаго.

Подъ нимъ, въ стѣну, вколачивался крючекъ, а на крючкѣ висѣла пуля, придѣланная къ петлѣ. Ея величина и соразмѣрность явно доказывали, что она нѣкогда служила зарядомъ своему сосѣду. Ржавчина съѣдала пулю, ржавчина сырая и красноватая, да еще виднѣлись на ней какія-то неизгладимыя пятна; говорили, что это были слѣды запекшейся крови. Конечно, кровь эту съ намѣреніемъ не смывали...

На столѣ, днемъ и ночью, горѣла лампада, выдѣланная изъ человѣческаго черепа, сквозь составы коего проливалось унылое сіяніе, озарявшее за лампадою стоявшую картину, голову молодаго человѣка рѣдкой красоты. Горизонтальное положеніе этой головы, ея закрытые глаза и осунувшіяся черты, ея желтоватые оттѣнки достаточно свидѣтельствовали, что она была списана съ мертвеца. Но ничего болѣзненнаго, ничего страдальческаго не было замѣтно въ этомъ спискѣ;

разрушенье не обезобразило лица юноши; медленная борьба со смертью не наложила на него заранѣе печати тлѣнія, и онъ, безжизненный, являлся еще въ полномъ цвѣтѣ жизни и молодости. Явно было, что смерть нечаянно схватила его, что громовый ударъ прервалъ біеніе его сердца, остановилъ въ его жилахъ кипящую кровь. Онъ былъ такъ миловиденъ, такъ хорошъ, такъ привлекателенъ, что взорамъ жаль было проститься съ нимъ, или смотрѣть на него равнодушно. Его красота была изъ тѣхъ, которыя предвѣщаютъ силу, мысль, страсти, и взирая на закрытые глаза, нельзя было не угадывать, что нѣкогда они горѣли, сіяли и очаровывали. Выраженіе и игра физіономіи покинула благородныя черты лица, но въ нихъ еще отражался отблескъ прекрасной души; но лучь небесный озарялъ его высокій лобъ, полный идеальной чистоты, но улыбка еще не совсѣмъ слетѣла съ побледнѣвшихъ устъ. Голова была окружена прозрачной пеленою облаковъ, и мастерство художника умѣло заставить ее отдѣлиться отъ нихъ такъ искусно, что она казалась совсѣмъ выдавшеюся изъ богатой гебеновой рамы, украшенной золотою рѣзьбою.

За этимъ столомъ, передъ этою необыкновенною картиною, проводилъ Валевичъ большую часть дней, а иногда и безмолвные часы ночи. Разумѣется, думы его не могли быть свѣтлы и веселы въ присутствіи такихъ предметовъ, и по-

тому, быть можетъ, не сообщалъ онъ никому своихъ думъ. Онъ велъ жизнь однообразную, выходилъ по долгу или необходимости, и неохотно принималъ своихъ сослуживцевъ. Когда-же кто изъ нихъ навѣщалъ его, Валевичъ немедленно закрывалъ занавѣсомъ и картину, и лампаду, и пистолетъ, и никому не дозволено было разсмотрѣть ихъ вблизи. Его привычки были извѣстны; имъ никто не противорѣчилъ.

Валевичъ такъ сроднился съ своею чудною комнатою, что сосредоточилъ въ ней всю жизнь свою; онъ обжился съ нею, какъ монахъ съ своею кельею. Ему не ловко было внѣ ея; онъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ быть въ другомъ мѣстѣ. Многіе полагали, что онъ преданъ отвлеченнымъ наукамъ, и уединяется, чтобы заниматься ими свободно. Но въ опроверженіе этого мнѣнія замѣчали, что у него никогда не видали ни книгъ, ни какого либо ученаго снаряда. Ни одинъ журналъ не доходилъ до него; ничто не показывало, чтобъ онъ занимался чѣмъ нибудь, исключая своихъ мыслей, или своихъ воспоминаній.

Этотъ особенный образъ жизни, это строгое одиночество Валевича тѣмъ болѣе удивляли всѣхъ окружавшихъ его, что судьба видимо создала его для совершенно противной цѣли. Онъ имѣлъ все, чтобъ жить съ людьми полюдски, и находить счастіе и благосклонность на каждомъ шагу своемъ. Ему казалось немного болѣе 35 лѣтъ, и

одаренный красивымъ станомъ и пріятнымъ лицемъ, онъ со стороны наружности не долженъ былъ, ни желать болѣе, ни завидовать другимъ. Быстрый умъ, истинное образованіе и отличное воспитаніе равно надѣлили его въ нравственномъ отношеніи. Онъ имѣлъ полное право гордиться своими предками и наслѣдственною честью своего имени. Знатность его родства и связей помѣщала его въ очеркѣ уважительномъ и блестящемъ. Даже богатство осыпало его своими дарами, чтобы этому баловню судьбы не за что было упрекнуть ее, чтобы участь этого человѣка служила доказательствомъ, что она умѣетъ быть не врагомъ, а заботливою матерью, когда ей вздумается.

Подобныя преимущества возбудили сначала всю зависть офицеровъ Ф . . . . . скаго полка, когда Валевичъ, еще въ цвѣтущей молодости своей, былъ переведенъ къ нимъ изъ гвардіи за какой-то проступокъ, котораго начальники не разглашали, сберегая чувствительность виноватаго и гордость его родственниковъ. Всѣ взоры обращены были на новаго сослуживца, съ вниманіемъ, выжидавшимъ только случая, чтобы обратиться въ непріязнь. Но вскорѣ, неизлечимая задумчивость Валевича, и всѣ признаки душевнаго страданія, замѣченные въ немъ, доказали наблюдателямъ, что онъ былъ болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели зависти. Самолюбіе успокои-

лось; безобидный пришлецъ сдѣлался для всѣхъ предметомъ участія и доброжелательства.

Но любопытство не дремлетъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ насъ, бѣдныхъ женщинъ, со временъ бабушки Еввы уличенныхъ въ любопытствѣ, и многіе старались разузнать подробнѣе причину немилости, нашедшей на Валевича, въ надеждѣ имѣть ключь къ истолкованію его странностей и его нелюдимства, потому что онъ съ первыхъ поръ отказался отъ веселаго собратства съ другими, и зажилъ своимъ таинственнымъ бытомъ. Къ сожалѣнію любопытныхъ, они не могли узнать ничего о прежней жизни Валевича, и онъ оставался для нихъ всегда загадочнымъ, всегда не понятнымъ.

III,

Le monde est monde partout..,

После Турецкаго похода, полкъ, гдѣ служилъ Валевичъ, и гдѣ онъ отличился подвигами блистательной храбрости, пришелъ стоять въ главный городъ О . . . . ской губерніи, къ общей радости жителей, а наиболѣе жительницъ его. Важное событіе въ лѣтописяхъ провинціи приходъ полка, особенно по заключеніи славнаго мира и

по окончаніи войны, благопріятной отечественному оружію. Все оживляется, все стряхиваетъ долгій сонъ скуки и бездѣйствія Купецъ сбываетъ съ рукъ свои залежалые запасы. Матушки готовятся сбыть со двора засидѣвшихся дочерей. Можете вообразить, какъ суетятся и тѣ и другія, какъ стараются наперерывъ выставлять товаръ лицомъ! . . . Во время войны уродилось много хлѣба, и повыросло много невѣстъ, хорошенькихъ, милыхъ, и всякихъ, а война, завербовавъ всѣхъ недорослей, всѣхъ молодыхъ помѣщиковъ, такъ опустошила бѣдный городъ, что двѣ зимы протекли безъ баловъ, и даже выборы начались, продолжались и кончились безъ малѣйшей вечеринки. Слѣдовательно, вступленіе полка было благовѣстомъ возстанія и суеты, и всеобщее ликованье привѣтствовало побѣдителей Падишаха.

Любо было посмотрѣть, какъ перемѣнились женскія лица, долго окованныя великопостною важностью однообразной жизни. Любо было послушать, какъ стали толковать о нарядахъ, какъ стали задабривать отцевъ и мужей, чтобы вымаменными кипамі цвѣтныхъ бумажекъ расплатиться съ вожделѣннымъ Московскимъ Кузнецкимъ Мостомъ. Но преданіе говоритъ, что любопытнѣе всего было хоть на одинъ мигъ, заглянуть въ сердца дѣвушекъ, или прислушаться къ разговорамъ въ уборныхъ, и родительскимъ наставленіямъ домашнихъ комитетовъ. Какъ стали любить про-

гулки и чистый воздухъ!... Какъ часто стали ходить къ обѣднѣ!

Дворянство собиралось дать великолѣпный балъ, и всѣ офицеры были приглашены, вообще и частно, вкупѣ и порознь. Угрюмый Валевичъ отказался было отъ приглашенія, но дивизіонный генералъ требовалъ отъ него, чтобы онъ показался въ собраніи О.... скихъ знаменитостей. Старикъ любилъ его, какъ сына, и хвасталъ имъ, какъ продавецъ птицъ ученымъ попугаемъ; онъ едва не считалъ Валевича своею собственностью, и усердно старался выказывать его при всѣхъ важныхъ случаяхъ, при инспекторскихъ смотрахъ и губернскихъ праздникахъ.

И въ этомъ старикъ былъ правъ. Лишь только его любимецъ показался, блѣдный и задумчивый, разсѣянный и равнодушный, всѣ дѣвушки обратили на него все свое вниманіе. Между ними были воспитанницы Московскихъ пансіоновъ, прочитавшіе тайкомъ Байрона въ плохомъ переводѣ, Виконта д'Арленкура во всей безтолковости подлинника. Онѣ, воображая видѣть въ Валевичѣ героя романа, немедленно стали преслѣдовать его взорами и мечтами. Другія, коренныя обитательницы помѣстьевъ, были только знакомы съ всемірнымъ Онѣгинымъ, и потому ихъ восхищеніе выражалось искаженнымъ стихомъ Пушкина, бѣднаго Пушкина, такъ часто переписываемаго ошибочно не-поэтическими руками, что

его прелестныя поэмы обратились въ жалкія пародіи. Эта страсть переписывать все, что явится на родномъ языкѣ, отрасль экономіи, усердно употребляемая *уѣздными барышнями* — это зло неизлѣчимое и неизбѣжное, какъ подъячіе. Это наша родная malattia.

»Ахъ, ma chère« говорила предводительская дочь, небрежно поправляя букли подозрительно-бѣлокурыя — »онъ точно Лара, точно Гяуръ, и таинственъ и мраченъ, и съ большими черными глазами! Ты не знаешь, женатъ ли онъ?...

— Посмотрите, возразила племянница коменданта, безприданница, давно пережившая годы опеки и попечительства, — посмотрите какъ онъ *интересенъ*, прямой жилецъ нездѣшняго міра, бездольный сынъ злополучія!... Не слыхать, сколько душъ за нимъ?...

Такъ то разсуждали о Валевичѣ, въ томъ углу комнаты, куда рѣдко доходили приглашенія разборчивыхъ кавалеровъ, и гдѣ зрѣлыя и созрѣвающія дѣвушки имѣли полный досугъ наблюдать и толковать вдоволь. Пригоженькія — а ихъ и въ губерніяхъ очень много, танцовали безъ отдыха, отъ всей души, но и онѣ мимоходомъ успѣвали замѣтить очарователя своихъ подругъ, и онѣ находили или выдумывали случай пропорхнуть передъ нимъ, надѣясь каждая про себя, что если общая велелость безсильна заманить каменнаго гостя въ вихорь танцовъ, то *ей* онъ

не можетъ противостать, и долженъ будетъ къ ея ногамъ принесть повинную голову съ приглашеніемъ. Однако-жъ всѣ были обмануты въ своихъ видахъ. Валевичъ не покидалъ своего мѣста во весь вечеръ.

Начался котиліонъ. Тутъ невинный предметъ всѣхъ тщеславій собранія не зналъ, куда уйти, и какъ отказаться отъ безпрерывныхъ набѣговъ выбирающихъ дамъ. То его приглашали *горѣть*, или по крайности *обмануть*; то его приглашали искать *симпатію*; то къ нему, потупя глаза, приближались *pensée* и *sensitive*, прося его избрать одну изъ нихъ. Вотще увѣрялъ онъ честью, что никогда не танцуетъ; гостепріимныя *патріотки** не отставали отъ него, и не давали ему ни отдыха, ни сроку.

Партія матушекъ между тѣмъ не зѣвала: вскорѣ были собраны всѣ свѣдѣнія о Валевичѣ, о его родствѣ, имѣніи и доходахъ, и кумушки (гдѣ-жъ ихъ не найти?) разнесли эти вѣсти по всѣмъ предсѣдательницамъ семействъ, могущихъ обнаружить притязанія на молодаго полковника. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ получилъ болѣе двадцати приглашеній къ помѣщикамъ въ городъ, за городъ, въ близкія и дальныя усадьбы,

* Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что патріотки!....

Горе отъ ума.

на имянины, и запросто откушать и погостить. Онъ принималъ учтивости матушекъ точно такъ же, какъ попытки дочекъ, отговаривался отъ нихъ невозможностію отлучиться отъ должности, и оставилъ балъ, не заглядѣвшись ни на одни глазки, не полюбовавшись ни одною ножкой, хотя часто свѣтлые глазки привѣтно къ нему обращались, и много стройныхъ, маленькихъ ножекъ мелькали около него.

Это былъ однако первый балъ, на которомъ онъ присутствовалъ, съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Петербурга. Давно самолюбію его не приносили столько жертвъ, столько упоительныхъ предпочтеній, давно не бывалъ онъ въ чаду свѣтскихъ успѣховъ, давно присутствіемъ своимъ не волновалъ красавицъ. Эти наслажденія его безпечной молодости должны-бъ были расшевелить и потрясти его воображеніе, если не сердце, и тѣ ощущенія, которыя слабѣютъ отъ частаго повторенія и освѣжаются послѣ долгаго сна, должны-бъ были могущественнѣе возстать въ груди и головѣ человѣка, долго невидавшаго свѣта въ праздничномъ нарядѣ .... Но ничего подобнаго не было.

IV.

> Cet homme est desséché par les passions; aucune fraîcheur de jeunesse ne colore plus ses traits pétrifiés, sa bouche ne sait plus sourire. Il parle, il merche, il agit par habitude, par souvenir....
>
> *Жоржъ Зандъ.*

И такъ вездѣ, въ уединеніи, въ толпѣ съ товарищами, въ присутствіи женщинъ, полковникъ Валевичъ сохранялъ свою непобѣдимую холодность, свое гордое отчужденіе. Ни участіе людей, готовыхъ стать ему вѣрными друзьями, ни завлеченіе женскихъ приманокъ не могли поколебать его закаленнаго безчувствія. Вѣрно, на душѣ его лежитъ какая нибудь тайна, вѣрно онъ несчастливъ несчастьемъ сердца, вѣрно будущее не въ состояніи исцѣлить его, а прошедшее унесло въ бездну лѣтъ роковое событіе, навѣки сокрушившее судьбу его?...

Но чтобы человѣкъ его характера рѣшился самому себѣ сознаться въ злополучіи неисключимомъ, чтобы онъ рѣшился не таить отъ свѣта разтерзанныхъ ранъ своихъ, это злополучіе, эти раны должны превосходить мѣру твердости человѣческой. Чтобы поработить, чтобы погнуть душу, столь сильную, столь непреклонную — го-

ре и несчастье должны быть глубоки, какъ море, какъ море всевластны и неукротимы.

Да, Валевичъ несчастливъ.

Но чѣмъ же больна его душа? Но какое чувство въ немъ страдаетъ?

Не женщина ли заворожила его? Не былъ-ли онъ коварно обманутъ ея предательствомъ, ея измѣною? Не смерть-ли похитила у него возлюбленную?... Ужъ вѣрно онъ не могъ найти въ любви препонъ, которыхъ не рушила бы его воля, ужъ вѣрно ни чья власть не дерзнула бы отнять у него того, что онъ любилъ! Одно непостоянство, одна смерть могли побѣдить его.

Не пресыщеніе-ли, не злоупотребленіе-ли всѣхъ благъ жизни привели его къ преждевременному безчувствію, къ горькому посвященію въ разувѣрительныя истины бытія? Можетъ статься, черная фата презрѣнія облекла для него цѣлый міръ и все, что онъ вмѣщаетъ? Можетъ быть, его бурная молодость погубила, оборвала заранѣе всѣ цвѣты жизни, и онъ теперь осужденъ платить недобровольнымъ, бѣдственнымъ равнодушіемъ за безразсудное расточеніе чувствъ и мыслей своихъ. Можетъ быть, несчастный, на зарѣ своей жизни истратилъ онъ весь небесный огонь, данный ему на длинный путь существованія — и полдень его безъ лучей и безъ свѣта, и вечеръ его будетъ холоденъ и мраченъ!

Не самолюбіе-ли въ немъ оскорблено? Не ру-

шились-ли надъ главой оглушеннаго создателя гордые замыслы, смѣлыя соображенія искателя почестей?... Вѣроятно, Валевича сокрушаетъ исключеніе изъ гвардіи, и онъ не можетъ забыть блистательнаго поприща, закрывшагося внезапно передъ нимъ? Вѣроятно, его снѣдаетъ обманутое честолюбіе, и старая рана не перестаетъ ныть въ его сердцѣ?

Нѣтъ, нѣтъ! все не то.

Нѣтъ! никогда женщина не была властительницею этого необузданнаго существа. Никогда ея прихотливыя превращенья не тревожили его сердца, руководимаго свѣтлымъ разсудкомъ. Онъ любилъ, но не тою чистою, пламенною, безкорыстною любовью, которую сулило благородство его души. Нѣтъ! онъ не зналъ, не испыталъ ничего подобнаго: онъ любилъ по-свѣтски, по молодежьему. Онъ не жегъ ладона, не сотворялъ себѣ кумира, но выбиралъ игрушку, и утѣшался ею, пока глаза были ослѣплены ея красою, пока голосъ ея могъ приносить ему сладкое волненіе. Онъ былъ повелителемъ, деспотомъ, судіею; онъ желѣзной волею переламывалъ причуды перемѣнчивой, и покорялъ безхарактерность слабой. Онъ не требовалъ идеальнаго совершенства, не искалъ всепреданнаго сердца — нѣтъ! онъ хотѣлъ положительнаго, обыкновеннаго, того, что встрѣчается легко и оставляется безъ усилій. Измѣны онъ не боялся, имѣя чудный талисманъ противъ нея и ея коз-

ней — онъ покидалъ первый, чтобы не быть покинутымъ. Смерть тоже не вооружалась противъ его мимолетныхъ связей: она сторожитъ любовь истинную, она грозитъ любви несчастной, она разрываетъ безщадно священные союзы, но, Боже мой! что дѣлать ей въ чинно-устроенныхъ сортировкахъ свѣта? Ей извѣстно, что онѣ и такъ непродолжительны. Ей извѣстно, что и безъ нея скоро рознятся разнокачественныя четы, собранныя случаемъ или прихотью, на единый мигъ, встрѣтившіяся безъ влеченья, расходящіяся безъ страданья. Нѣтъ! смерть ничего милаго не похищала у Валевича; онъ женщинамъ былъ обязанъ только красными минутами своей жизни; онъ не удостоилъ ихъ ни слезы, ни сожалѣнія!

Онъ не понималъ *разочарованья*, этой чумы нашихъ временъ, сообщенной бѣдному юношеству неосторожными исповѣдями нѣкоторыхъ страдальцевъ, людей, болѣе ожесточенныхъ противъ жизни, нежели полныхъ къ ней презрѣнія. Вѣрю, что эти ропотствующіе, большею частію поэты, сами себя обманывали неумышленно, утѣшались въ неудачахъ своихъ, облачаясь мантіей подложнаго стоицизма, и принимая поклонныя наущенія досады за презрѣніе отрезвившагося разсудка. Юнгъ, Руссо, Ламартинъ показали опасный примѣръ. Нѣтъ, они не были ни равнодушны къ измѣнившему счастью, ни разочарованы на счетъ истинныхъ благъ жизни; они опровер-

ѓали то, что судьба отняла у нихъ; они въ собственныхъ глазахъ старались умалить его цѣну, чтобы утишить свои сожалѣнія. Они роптали, и ихъ бунтующее горе выражалось словами сокрушенія. Это всегда бываетъ съ опасно больными; они не хотятъ признать своего недуга, и называютъ его другимъ именемъ. Видя опасность, съ принужденнымъ спокойствіемъ говорятъ они о смерти, но жизнь никогда не бываетъ имъ такъ мила и такъ дорога! Толпа не разсуждала. Толпа повѣрила отчаянью и безучастью; она дивилась имъ, и вотъ слѣпые послѣдователи и безсущественные повторители предстали со всѣхъ сторонъ, и такъ прокричали о ничтожности всего земнаго и о собственномъ величіи, что свѣтъ безъ осмотра согласился съ ними, принялъ ихъ рѣчи за истину, а ихъ за геніевъ, по ихъ же порукѣ! И великій поэтъ вѣка, Байронъ, Богъ знаетъ почему, безъ его вѣдома, произведенъ въ основатели этой школы, въ прототипы разочарованныхъ — онъ, всю жизнь страдавшій дѣйствительными несчастіями, и угнетенный тяжестью существенныхъ скорбей!... Его, непонятнаго оратора, брошеннаго супруга, рожденнаго съ органическимъ недостаткомъ, который мучилъ его самолюбіе, который проклиналъ онъ съ женскою суетностью, столь странною въ немъ, его обвинить въ безотчетной тоскѣ, въ болѣзни воображенія? — Но не имѣлъ ли онъ всѣхъ правъ пе-

нять жребію и людямъ? Когда онъ, въ черныя свои минуты, говорилъ языкомъ ироніи и сарказма, не была-ли то любовничья ссора между имъ и природою, между имъ и жизнью? Когда онъ, и ему подобные, презрительно отталкиваютъ отъ себя чашу радостей и надеждъ, это не потому, что они упились — нѣтъ! потому, что они страждутъ жаждою благъ, и знаютъ, что подносимая имъ чаша не довольна полна, не можетъ напоить ихъ до утоленія! Вотъ тайна душъ глубокострастныхъ! И добросовѣстный умъ Валевича рано постигъ эти истины, и онъ не вѣрилъ разочарованью — онъ называлъ сплиномъ и хандрой здоровую мрачность мнимо-болящихъ. Что касается до эпикурейскаго пресыщенія Чайльдъ-Гарольдовъ и Онѣгиныхъ, то онъ слишкомъ уважалъ себя самого, и потому не могъ поставить себя въ положеніе, въ которомъ можно было когда нибудь испытать его. Это казалось ему низко и ничтожно.

Валевичъ боготворилъ славу, особенно славу военную, его душа ликовала на полѣ брани, среди мечей, опасностей и натисковъ смерти, гдѣ мужество находитъ себѣ просторъ, гдѣ личная храбрость борется со всѣми соображеніями искуства, со всѣми преимуществами силы массъ. И онъ любилъ войну собственно для войны, не считалъ ея средствомъ возвышенія, не желалъ ни

власти, ни чиновъ. Но заслуженное отличіе, но выразительные клики солдатской правды, когда онъ, смѣлый и пылкій, стремился въ бой, но блистательныя хвалы, съ которыми молва сочетала его имя — вотъ что цѣнилъ Валевичъ, что питало его гордость, удовлетворяло его самолюбію. Его приближенные увѣряли, что онъ въ минуту сраженія становился совершенно другимъ человѣкомъ. Его обыкновенная безжизненность смѣнялась дѣятельною и зоркою рѣшимостью. Вѣчное облако печали исчезало съ чела его; глаза его горѣли молніей; голосъ его величественно и сильно повелѣвалъ подчиненными, и онъ самъ, сражаясь какъ разъяренный левъ, бросался опрометью въ чащу сѣчи, въ пылъ огня, приказывая своимъ слѣдовать за нимъ. Явно было, что Валевичъ искалъ смерти. Но жребій его не выпадалъ, и онъ выходилъ невредимъ изъ боя, исключая нѣсколько неопасныхъ ранъ и контузій, о которыхъ онъ не позволялъ себѣ и говорить. Послѣ перваго дѣла, гдѣ онъ отличился, начальники хотѣли представить его къ переводу въ гвардію; онъ не допустилъ исполненія ихъ намѣреній, и твердо объявилъ свое желаніе остаться на прежнемъ мѣстѣ. Онъ не захотѣлъ промѣнять на позолоченную суетность Петербурга, ни строгаго рода своей жизни, ни знаменъ, подъ коими надѣялся скорѣе достичь своей цѣли — желанной развязки существованія. Онъ радовался

преимуществу опереживать прежнихъ товарищей, когда голосъ родины сзывалъ на рубежъ битвъ; онъ съ восторгомъ разсчитывалъ, что въ рядахъ арміи, онъ ближе къ славѣ, ближе къ смерти; что кровь его прежде крови другихъ могла пролиться, когда отечество потребуетъ жертвы, которою укрѣпляется зданіе его величія. У каждаго свои мечты, свои надежды. Валевичу оставалось и тѣ и другія ограничить — сномъ могильнымъ.

Вы видите, что ни одно изъ предположеній нашихъ не оправдано, и что тайною Валевича не могло быть ни одно изъ тѣхъ страданій, которыя свойственны его годамъ, его положенію. Такъ чѣмъ же объяснить его?

Вотъ что восемь лѣтъ сряду спрашивали напрасно ф.....скіе гусары, и на что ни одинъ изъ нихъ не могъ отвѣчать. Ихъ странный товарищъ успѣлъ однакожъ снискать себѣ всю ихъ любовь и все уваженіе. Онъ при случаѣ доказывалъ какая бездна добра и великодушія скрывалась подъ его уныніемъ. Онъ не разъ совѣтами и попеченіями, спасалъ неопытность отъ гибели. Онъ не разъ сыпалъ золото, чтобы облегчить участь неимущихъ. Онъ не разъ входилъ въ дѣла семейныя, чтобы устроить счастіе своихъ сослуживцевъ, и не разъ нѣжнымъ участіемъ залечивалъ сердечныя раны. Но готовый на помощь и услугу другимъ, онъ самъ никому не довѣрял-

ся, и если кто нибудь хотѣлъ проникнуть въ его душу — холодомъ обдающая неприступность смѣняла тотчасъ его обычную обходительность.

IV.

Quel est celui qui est sur de ne se jamais trahir?

Зимній вечеръ созвалъ нѣсколько гусаровъ къ Горцеву, одному изъ тѣхъ, которымъ судьба отвела уголокъ почище и попросторнѣе въ деревушкѣ, ими занимаемой. Кромѣ удовольствія отдохнуть и потолковать вмѣстѣ, гусаровъ собрало побужденіе, всѣмъ имъ общее. У нихъ было заведено между собою поочередно посылать въ ближайшій городъ за письмами и журналами, и въ тотъ вечеръ былъ именно почтовой день съ очередью Горцева.

Кто, не выѣзжая изъ многолюдныхъ городовъ, всегда находилъ занятіе и пищу въ новостяхъ, когда у него нѣтъ ни собственнаго дѣла, ни прибѣжища въ себѣ самомъ, тому трудно понять всю значительность, всю занимательность почтоваго дня для жителей уединенныхъ деревень, или для военныхъ, брошенныхъ въ совершенно отдѣльный очеркъ существованія, и рѣдко имѣющихъ сообщеніе съ міромъ, кипящимъ такъ да-

леко отъ нихъ, гдѣ у многихъ остались связи и отношенія, дорогія ихъ сердцамъ. Какъ ждутъ, какъ жаждутъ вѣстей всѣ тѣ, которые знаютъ разлуку съ близкими себѣ, или испытали волненіе ума, требующаго новизны и развлеченія!...

Гости Горцева, конечно, были знакомы съ ощущеніями, приносимыми почтой, ибо всѣ они сошлись рано, молча раскуривали свои трубки, и нетерпѣливо посматривали на дверь и на часы, Разговоръ не завязывался. Каждый ожидалъ, и преданный собственному раздумью, забывалъ замѣчать или перерывать раздумье прочихъ. Всѣ желали пріѣзда посланцаго, но сколько разныхъ причинъ приводили въ дѣйствіе единодушное желаніе этого небольшаго собранія! Одинъ ожидалъ оброка съ разоренныхъ крестьянъ, съ отчетомъ прикащика, ежегодно бросаемымъ въ печь безъ прочтенія, Другой боялся родительскихъ увѣщаній, вмѣсто звонкаго прибавленія, испрашиваемаго къ прежнимъ милостямъ. *Безродный* и *бездушный* политикъ заботился единственно о Доннѣ Маріи Португальской, или Ибрагимъ-Пашѣ, еженедѣльно занимавшихъ два, три часа его far-niente. Молодой юнкеръ горѣлъ нетерпѣніемъ прочитать свое производство въ вожделѣнномъ Инвалидѣ, чтобы немедленно надѣть эполеты — эполеты, давно имъ припасенные, тщательно хранимые въ тайной шкатулкѣ, и навѣщаемые иногда, для поддержанія духа на стезяхъ службы, и ногъ въ стреме-

нахъ на манежныхъ упражненіяхъ. Кто готовился къ Іеремiевскому плачу нѣжной половины, оставленной въ деревнѣ; кто заранѣе грызъ ногти, предвидя курсивное посланіе заимодавца. Немногіе съ сладкою надеждою и тихою радостью мечтали о почтѣ, но тѣ никому не сообщали чувствъ своихъ. Они ждали . . . они ждали нѣсколькихъ тоненькихъ страничекъ, мелко исписанныхъ въ клѣтку миленькой ручкою, тайкомъ, при покровительномъ сіяніи кіотнаго ночника.

О, для такихъ писемъ слѣдовало бы учредить особенную почту! Какая жалость подумать, что ихъ взвѣшиваютъ съ прочими, и зашиваютъ въ общій чемоданъ, между поздравленіемъ съ именинами старой тетки и кредитною грамотою продавца сальныхъ свѣчъ! . . . Какое несчастіе, что ихъ разносятъ жесткія и грязныя лапы почтальона! . . . Непремѣнно подамъ правительству *проектъ*, объ учрежденіи новаго пути сообщенія для любовныхъ посланій, и увѣрена, что исполненіе его принесетъ казнѣ втрое больше дохода, чѣмъ всѣ почты Россіи вмѣстѣ — почти столько же, милостивыя государыни, сколько наши Парижскія *шали* и Ліонскіе гро-гро! . . . По моему плану, съ этихъ избранныхъ писемъ не должно получать вѣсовыхъ денегъ, ни за холодную бумагу, ни за мертвый сургучъ, но высчитывать проценты за огненныя выраженія страсти, за святые обѣты вѣрности. И сколько изъ моихъ зна-

комокъ, къ концу года, нашли бы въ щегольской расходной книжкѣ: »Столько-то за признаніе П ... у — столько-то за слово, данное Р. . . у— столько-то за клятву въ вѣчной любви Б—ву!«...

Не знаю, такимъ ли размышленіямъ, или другимъ, предавались гости Горцева, когда дальній звукъ колокольчика возвѣстилъ имъ желаннаго гонца. Но навѣрное знаю, что всѣ они вскочили съ своихъ мѣстъ, выбѣжали на улицу, схватили разные пакеты, передавали ихъ изъ рукъ въ руки, и суетились, пока каждый не взялъ того, что ему слѣдовало. Тутъ воцарилось молчаніе. Всѣ читали. Лишь изрѣдка тишина прерывалась восклицаніями удивленія, радости, или досады, но никто къ нимъ не прислушивался. Мало по малу, всѣ письма дочитались, всѣ умы успокоились; начались сообщенія новостей частныхъ и офиціяльныхъ. Въ эту минуту, дверь растворилъ Валевичъ, иногда посѣщавшій вечернія бесѣды своихъ товарищей, болѣе въ званіи начальника, для соблюденія порядка, нежели по расположенію къ ихъ обществу. Но онъ всегда былъ увѣренъ, что обрадуетъ своимъ появленіемъ, и такая увѣренность побѣждала его нелюдимость.

»А! Полковникъ . . . добро пожаловать — какъ вы меня обязали! Рѣдкій гость — садитесь?« . . И хозяинъ свѣтлицы засуетился. — »Денщикъ! трубку и чаю полковнику! Ступай проворнѣе!— Кстати, полковникъ, послушайте, сколько произ-

водствъ, сколько перемѣнъ. . , Сейчасъ почту получили. — У кого-жъ Инвалидъ? . . . А, Лосницкій, у тебя? . . . Пожалуйста, братецъ, читай вслухъ!« . . .

Лосницкій держалъ Инвалидъ, и пробѣгалъ его, отыскивая взоромъ занимательныя статьи, между тѣмъ, какъ маленькій юнкеръ, чрезъ плечо его, старался прочитать свое имя и производство!

»Господа, господа! сюда, слушайте! . . .« закричалъ вдругъ Лосницкій. — Вотъ дѣло не на шутку! Слушайте: »Военнымъ судомъ разжалованы, безъ выслуги, и лишены чиновъ и дворянства, поручикъ И . . . . въ и корнетъ Б . . . . къ.«

»Ахъ, какъ жаль!« сказали иные голоса.

— За что? Почему? — спросили другіе.

»Въ Инвалидѣ болѣе ничего не сказано.«

— Какъ досадно! — Непонятно — жаль мнѣ бѣднаго поручика! — Да, и тотъ былъ славный малый! . . .

»Постойте, господа — прервалъ Горцевъ, распечатывая еще одинъ огромный пакетъ — вотъ ко мнѣ пишутъ изъ Петербурга — моя кузина, старая дѣвушка — она знаетъ всѣ сплетни городскія, бывалое и небывалое, и бывшее и будущее, и вспомнивъ, что я знакомъ съ обоими бѣдняками, она, вѣрно разскажетъ мнѣ ихъ исторію! . . .«

Всѣ взоры, съ ожиданіемъ и безпокойствомъ устремились на Горцева. Онъ продолжалъ разби-

рать пространную эпистолу кузины. »Ахъ! да — такъ точно... Вотъ и объ этомъ!...

— Проклятыя бабы! Ничего прямикомъ сказать не умѣютъ: страсть ихъ терять даромъ слова и время! Да еще все по-Французски, чтобы каждую немного дѣльную мысль разболтать цѣлымъ моремъ водяныхъ фразъ! La nouvelle qui fait événement... ces pauvres jeunes gens... quelle imprudence... Наконецъ!... Какъ? Что? Они дрались... оба ранены... они разжалованы за поединокъ!!..«

— За поединокъ! — И всѣ лица ожквились, всѣ умы откликнулись общему чувству. *Обида* и *честь* — эти два сильные побѣдителя мужчины, ложное истолкованіе которыхъ породило звѣрское, губительное злоупотребленіе — обида и честь нашли громкій отвѣтъ въ сердцахъ, кипящихъ жизнью и молодостью... Всѣ сблизились внезапно, всѣ окружили Горцева, всѣ молчали, но страсти говорили въ нихъ, и понимая одинъ другаго, всѣ слѣдовали побужденію безпокойнаго любопытства.

Всѣ?... Нѣтъ! не всѣ. — Между тѣмъ, какъ слова: »за поединокъ« электризировали прочихъ, одинъ изъ присутствующихъ, будто громомъ пораженный, упалъ на свой стулъ, недвижимъ и полумертвъ. Чело его покрылось гробовою блѣдностью, и лицо покрылось мучительными судорогами. *Одного* голоса недоставало въ этомъ шу-

мѣ трепещущихъ голосовъ. *Одинъ*, какъ отверженный, не смѣлъ раздѣлить общаго увлеченія, не сочувствовалъ ему, и лишь только немного опомнился, какъ убѣжалъ торопливо, и весь разстроенный.

— Гдѣ-жъ полковникъ? Куда дѣвался Валевичъ?...

Вотъ что спросилъ каждый изъ офицеровъ, когда ихъ любопытство утомилось сообщеніемъ подробностей Петербургскаго поединка и его послѣдствій.

»Полковникъ изволили-съ уйти къ себѣ-съ. Имъ сдѣлалось дурно-съ,« отвѣчалъ денщикъ.

— Дурно? — переспросилъ кто-то.

»Да-съ, ваше благородіе-съ, дурно. Они даже помертвѣли, а какъ вышли на воздухъ, то изволили зашататься. Я хотѣлъ было проводить до квартиры, но ихъ высокоблагородіе не позволили.

— Странно — произнесъ Горцевъ, протяжно и задумавшись.

»Что странно?«

— А такъ, ничего. Вы, вѣрно, никто не замѣтили: онъ не можетъ слышать о поединкѣ?

»Кто? Валевичъ?«

— Ну, да кто-жъ другой? Вотъ это даетъ мнѣ поводъ предполагать.... Да! я ужъ не въ первый разъ наблюдаю, и думаю, что теперь знаю, почему онъ....

»Полно, полно, Горцевъ! Что за страсть у тебя отыскивать небывальщину и разгадывать малѣйшія движенія человѣка? Романистъ!

— Совсѣмъ не романистъ — возразилъ важно Горцевъ — но я хочу знать до основанія тѣхъ, кого называю друзьями, а Валевичъ, къ которому влечетъ меня всѣмъ сердцемъ, котораго я уважаю и цѣню высоко, онъ до сихъ поръ мнѣ неизвѣстенъ. Онъ, вѣрно, никогда самъ не разрѣшитъ моихъ сомнѣній. Онъ часто удивляетъ всѣхъ насъ, онъ непонятенъ, и я хочу его понять.«

»Но что-жъ ты заключаешь изъ его ухода?«

— Я заключаю, что разговоръ нашъ былъ ему непріятенъ, и припоминаю, что Валевичъ не терпитъ рѣчей о поединкахъ. Знаете-ли вы, что онъ едва не поссорился со мною, когда я въ Бессарабіи хотѣлъ проучить порядкомъ этого выскочку Красновидова? Знаете-ли вы, что онъ всю ночь провелъ у меня, уговаривая, убѣждая, упрашивая меня не вызывать Красновидова, и насильно удержалъ меня отъ дѣла съ нимъ? О, если бъ вы тогда посмотрѣли на Валевича, если бъ вы слышали его!... Какъ горячо говорилъ онъ противъ поединковъ, какъ возставалъ онъ на обычай играть своимъ спокойствіемъ и жизнью другаго!... Довольно вамъ того, что онъ, злодѣй! поставилъ на своемъ, и не далъ мнѣ драться, а вы всѣ знаете, друзья, какъ это было мнѣ по-сердцу!...

»Такъ точно,« подхватилъ Лосницкій. »Теперь и я вспоминаю, что меня неоднократно поражало въ Валевичѣ его отвращеніе отъ дуэлей и дуэлистовъ. Какъ человѣку, столь благородному и столь храброму, не быть приверженцомъ обычая, выставляющаго въ глазахъ свѣта храбрость и благородство?

— Онъ самъ не имѣлъ дѣла ни съ кѣмъ, и это не удивительно, потому что мудрено итти съ нимъ ссориться безъ причины въ его медвѣжью нору. Но почему не терпитъ онъ, чтобы другіе перевѣдывались иногда пулей, или шпагой. Почему онъ арестовалъ меня и маленькаго Звидова, когда мы пошумѣли за какой-то вздоръ, тому пять лѣтъ назадъ? Это, помните... Воля ваша, а я согласенъ съ Горцевымъ, что все это странно!... Не было-ли у него встарину какого нибудь поединка, очень жестокаго!

»Быть можетъ — это правдоподобно — возразили нѣкоторые, невольно увлеченные догадками двухъ наблюдателей.

— Но за что перевели его къ вамъ? — спросилъ юнкеръ.

»Вотъ этого именно никто не въ состояніи объяснить. Тогда мы напрасно старались развѣдать о жизни Валевича. Повѣсти объ ней никто намъ не сообщилъ. Говорятъ, будто начальники знали, но имъ не велѣно было разглашать.

VI.

....thou shalt hear
My tale, my purpose....

Байронъ. Абид. невѣста.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ протекло послѣ того вечера, который нечаяннымъ обстоятельствомъ показалъ товарищамъ Валевича путь къ открытію его тайны. Съ тѣхъ поръ, ихъ любопытство все болѣе и болѣе возрастало, и въ совершенной беззанимательности ихъ быта, вдали отъ всякой новизны, отъ всѣхъ развлеченій, они предавались этому чувству со всѣмъ усердіемъ молодости и бездѣйствія. Много разъ пытались они, то просто, то стороной, завесть съ Валевичемъ рѣчь о поединкахъ, но онъ обыкновенно заминалъ разговоръ, а не то уходилъ отъ нихъ. Между тѣмъ, онъ, по-прежнему, продолжалъ исполнять рачительно всѣ обязанности службы и проводить свое свободное время за чернымъ столомъ, передъ ликомъ мертвеца.

Онъ полюбилъ особенно того молодаго человѣка, который столь радостно ожидалъ права надѣть золотые эполеты. Савининъ — такъ назывался онъ — приходился дальнимъ родственникомъ Валевичу, и былъ отчасти порученъ ему своими родными. Добрый малый и съ умомъ, онъ былъ еще очень ребячливъ, довольно легкомы-

сленъ, и потому Валевичу надлежало заботливо и продолжительно имъ заниматься. Но это принесло разсѣяніе мрачнымъ думамъ полковника, и онъ вскорѣ привязался къ Савинину, когда увидѣлъ въ немъ благодарность и готовность отвѣчать стараніямъ. Казалось даже, что пылкость и радушіе молодаго человѣка немного согрѣли одикое сердце его покровителя.

Савининъ занемогъ. Валевичъ, жертвуя своими привычками, ни на минуту не покидалъ его изголовья. Товарищи навѣщали больнаго по вечерамъ. Полковникъ иногда мѣшался въ ихъ бесѣду. Однажды, она обратилась на военныя извѣстія, на Карлистовъ и Христиносовъ, на Сумалакареги и Родиля. Гусары наши единодушно скучали миромъ, и завидовали гидальгосамъ, въ случаѣ порубиться и прославиться на полѣ брани. Всѣхъ воспламененнѣе былъ Савининъ, не смотря на свою болѣзнь. Въ войнѣ, какъ въ любви, неопытные всегда нетерпѣливы и пылки? они готовы душу отдать первымъ глазкамъ, посулившимъ участіе; они готовы бросить жизнь свою первой пулѣ, просвиставшей надъ головою ихъ. Имъ сказали, что любовь и слава лучшіе дары существованія, и чтобы присвоить эти дары, чтобы насладиться ими, они стремятся на встрѣчу событіямъ, презирая неудачи и препоны. Какъ жаль, что этотъ жаръ не продолжителенъ; что обманъ разсѣваетъ чадъ любви, а вѣтеръ

уноситъ дымъ пороха; что отъ первой опохмѣляются, а отъ послѣдняго можно закоптѣть!.... Какъ жаль, что прекраснѣйшія чувства скорѣе прочихъ исчезаютъ, менѣе прочихъ не прибавляются въ груди человѣческой!... Но это общій законъ всего, искони царствующій порядокъ: прелестный изъ всѣхъ цвѣтовъ весны, цветъ сирени, живетъ только недѣлю, а сосны и ели не знаютъ увяданія....

Увлеченный въ тридесятый край своихъ любимыхъ мечтаній, рѣзвый Савининъ живо выражалъ свое горе, упрекалъ судьбу, что онъ не былъ еще обстрѣлянъ вражьимъ огнемъ.

»Вотъ господа, говорилъ онъ — вы всѣ счастливѣе меня: вы переходили за Балканы; вы брали Варшаву, нѣкоторые даже и въ Персію прошли побѣдительнымъ походомъ,... а я?.., Полтора года служу, и непріятеля въ глаза не видывалъ!... Вѣдь надобно же быть такой бѣдѣ, что я не умѣлъ родиться пятью годами прежде!

— Ну, Савининъ — отвѣчали ему — ты скоро вымолишь нашествіе Татаръ, чтобы было съ кѣмъ повоевать.

»А чѣмъ Татары не честные враги, достойные нашего оружія?... Удальцы, наѣздники, богатыри, стоятъ какого нибудь труса, хвастуна Француза, или пресмыкающагося полу-жида!...

— Савинину стоитъ только прибѣгнуть къ покровительницамъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ

перелюбилъ; ихъ наберется такъ много, что онѣ безъ хлопотъ устроятъ ему чудо. Какъ манна къ прадѣдамъ Израиля, къ намъ на голову, прямо сюда, въ село, съ облаковъ посыплются Татары съ новыми Мамаями, пофехтуютъ съ Савининымъ, и пропадутъ сквозь землю — а, не правда-ли?

»А онъ останется доволенъ и счастливъ.«

Савининъ нахмурился. »Шутите, шутите вдоволь! А мнѣ часто такая охота обновить затворницу саблю, что всѣмъ сердцемъ прошу я Бога — послать мнѣ хоть какой нибудь случай порубиться . . . хоть-бы одинъ поединокъ! . . .«

— Поединокъ . . . . Безумецъ! — проговорилъ отрывисто звучный голосъ — »На поединокъ? Ты? . . . Тебѣ пролить кровь товарища, кровь друга . . . потомъ . . . Знаете ли вы, что такое угрызеніе совѣсти, совѣсти неумолимой, неусыпной совѣсти? . . . Понимаешь ли ты, что можно цѣлые годы, цѣлую жизнь протомиться подъ бременемъ совѣсти, запятнанной преступленіемъ? . . .

Всѣ вздрогнули. Въ этихъ словахъ раздался крикъ души. Они были произнесены съ такимъ отзывомъ искренности и горести, что ни чья безпечность противъ нихъ не устояла. Самъ Савининъ остановился удивленный, и повѣса, за минуту прежде кичливый и своенравный до буйства, съ глубокимъ чувствомъ схватилъ руку Валевича:

»Полковникъ что съ вами?... Ради Бога успокойтесь...«

Но полковникъ былъ уже спокоенъ. Блѣдный и недвижный, онъ успѣлъ укротить неудержимый невольный порывъ свой. Онъ призвалъ на помощь всю силу своей воли, всю твердость своего характера. Онъ возвратился къ своей роли, заученной роли; онъ съ обычною гордостью хотѣлъ закрыть свою рану... Но было уже поздно — онъ проговорился не вотще — онъ былъ понятъ, и его рука, судорожно сжимавшая взбунтованное сердце, подтверждала только, что эта потаенная рана всегда ныла, всегда точилась кровью.

Его обступили. Его умоляли не скрывать долѣе своей мрачной повѣсти. Его постигли вдругъ, его постигли вполнѣ — и этотъ человѣкъ, молчавшій цѣлые годы, въ одну минуту открывшійся безвозвратно, овладѣлъ всѣмъ участіемъ, всѣмъ вниманіемъ предстоявшихъ. Среди всѣхъ этихъ молодыхъ людей, пораженныхъ появленіемъ необыкновеннаго харктера, съ необыкновеными страданіями, онъ являлся какъ царь, изъ устъ котораго каждый ждетъ своего приговора. Человѣкъ высшаго разряда вдругъ выдался изъ толпы — и толпа невольно заблагоговѣла. Полковникъ неумышленно поразилъ воображеніе, и съ того часа, онъ поднялся въ мнѣніи другихъ до степени величія.

Настоятельно, убѣдительно просили всѣ его разсказать о своемъ поединкѣ, ибо никто уже не сомнѣвался, что поединокъ былъ вѣчною тайною его жизни, тайною роковою и полною страшной занимательности. Савининъ былъ настойчивѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ. Долго еще защищался Валевичъ, долго содрогался онъ при мысли — одѣть въ слова демона, терзавшаго сердце его, отыскать на днѣ встревоженной памяти подробности, которыя онъ въ теченіе многихъ лѣтъ старался забыть навѣки , . . Наконецъ, взоры его уныло остановились на молодомъ питомцѣ. Новая мысль, казалось, возникла въ умѣ его.

»Въ урокъ тебѣ! сказалъ онъ, со вздохомъ. »Слушай, и пусть мой бѣдственный примѣръ удержитъ тебя на пути гибельнаго предразсудка. Я готовъ — извольте слушать! . . .

VII.

Il était de ce monde ou les plus belles choses
On le pire destin....
(Très-vieil adage.)

She speak'd not, she trac'd not, she breath'd not his name,
There was grief in the sound, there was guilt in the fame:
But the tear which now burns on her cheek myi art
The deep thoughts that dwell in that silence of heart!...

Байронъ, MISCELLANIES.

Не удивляйтесь мнѣ, не осуждайте меня законами нынѣшнихъ мнѣній, которыя далеки уже отъ мнѣній и понятій, господствовавшихъ во время моей молодости, тому лѣтъ съ десять. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, и новое поколѣніе не можетъ понять того, что сильно и глубоко дѣйствовало на насъ. Теперь поединки стали рѣдки. Они выходятъ изъ предѣловъ вседневнаго обычая; они поражаютъ общее вниманіе; объ нихъ говорятъ долго, съ ужасомъ и состраданіемъ, объ нихъ помнятъ съ чувствомъ скорби. Но въ мое время, они были случаемъ обыкновеннымъ, не исключительнымъ; они насчитывались десятками, и отнюдь не останавливали вниманія. Благодаря неоспоримому разлитію умѣренныхъ мыслей просвѣщенія, мало по малу изглаживаются послѣдніе,

упорные слѣды варварскихъ временъ и нравсвъ, и наслѣдіе Среднихъ Вѣковъ, жалкіе предразсудки, подъ игомъ которыхъ долго стенали всѣ народы, всѣ государства Европы, постепенно уступаютъ здравому смыслу. Не много старѣе я васъ, товарищи, но уже много пережилъ заблужденій, и мои глаза видѣли много усовершенствованій въ произвольныхъ сужденіяхъ общежитія.

Въ ту пору, язва Среднихъ Вѣковъ заражала еще умы ложными понятіями о чести, и во имя благороднѣйшаго, чистѣйшаго чувствованія, во имя чести, совершались дѣла, противныя всѣмъ уставамъ нравственности, и справедливости, и человѣколюбія. Поединокъ почитался безвиннымъ средствомъ доказать личную храбрость, благопріятнымъ случаемъ заслужить извѣстность, проучить друга и недруга, избавиться отъ соперника. Дуэлистъ былъ уважаемъ товарищами, и хорошо принятъ въ кругу женщинъ, особенно если дрался за женщину, или за то, чтобы обезславить женщину. И многіе изъ насъ за счастье вмѣняли себѣ быть героями, или, по крайней мѣрѣ, свидѣтелями поединка. Я помню человѣка, который три года носилъ черную повязку на лбу, послѣ знаменитаго поединка, гдѣ онъ былъ секундантомъ, хотя не былъ даже оцарапанъ. Большой краснобай, онъ разсказывалъ мастерски о своихъ мнимыхъ ранахъ, своемъ великодушномъ посредничествѣ, гоненіяхъ, которымъ подвергся, и жен-

щины, съ смѣшнымъ легковѣріемъ, воздвигли обелискъ славы искусному уловителю ихъ благосклонности! Спасительная строгость законовъ не удерживала новыхъ рыцарей, искателей приключеній — рубились и стрѣлялись безпрестанно, и когда дѣло кончалось худо, убитаго хоронили съ почестями, а осужденнаго осыпали участіемъ.

Теперь, когда годы и раскаяніе преобразили во мнѣ прежняго, стараго человѣка, теперь безъ ужаса не могу вспомнить, съ какимъ легкомысліемъ прославлялъ я дерзость, съ какою увѣренностью облекалъ убійство именемъ доблести! Поединокъ — это испытаніе, гдѣ сильный непремѣнно попираетъ слабаго, гдѣ виновный оправдывается кровью побѣжденнаго, гдѣ хладнокровіе бездушія одолѣваетъ неопытную пылкость, ослѣпленную страстью и заранѣе обезоруженную собственнымъ волненіемъ, поединокъ — это убійство дневное, руководствуемое правилами!... И на какихъ правилахъ, Боже мой! основанъ онъ, свирѣпый поединокъ!... Какая странная, какая чудовищная изысканность опредѣлила законы дѣлу беззаконному, разсчитала возможности смертоубійства, назначила случаи, позволяющіе человѣку безупречно мѣтить въ свою жертву, обезоруженную, если ему выпадетъ выигрышъ въ этой безнравственной лоттереѣ!... Врагъ можетъ вредить вамъ безотчетно, можетъ ограбить васъ, оторвать близкое вашему сердцу, подкосить у васъ

подъ ногами цвѣты надежды вашей, лишь бы все это дѣлалось учтиво, съ соблюденіемъ приличій, съ предательною улыбкою свѣта — и вы молчите, и онъ безопасенъ, и онъ проходитъ мимо васъ съ торжественнымъ взоромъ ненависти, а вы, снѣдая свое сердце, вы ждете часа и времени, чтобъ имѣть право отмстить ему. Вы велите стихнуть вашему негодованію, вы говорите: »Погоди«, кипящей враждѣ вашей, и ненужная сталь трепещетъ между тѣмъ въ своихъ ножнахъ, близъ вашего сердца... А! какъ вы добродѣтельны, какъ великодушны, какъ умѣете вы прощать обиду!.. Но незнакомый нечаянно толкнулъ васъ, или занялъ безъ вѣдома ваше мѣсто, но другъ, въ минуту забвенія и запальчивости, или обезумленный чашею веселья, оскорбилъ васъ единымъ словомъ, словомъ, отвергаемымъ его разсудкомъ и сердцемъ, опровергаемымъ годами преданности — и вы бѣжите на бой съ нимъ, и только кровь, только жизнь могутъ удовлетворить вашему самолюбію, вашей чести! Иногда вы сами виноваты, вы чувствуете это — совѣсть, или привязанность, вопіютъ въ васъ; отъ глубины души желали-бы вы возвратить гибельное слово, выкупить мгновенный проступокъ, но предразсудокъ тутъ, но онъ велитъ, но свѣтъ смотритъ на васъ, готовый замарать васъ своимъ презрѣніемъ, своими насмѣшками... Станутъ сомнѣваться въ вашей храбрости, въ вашей чести — *въ чести* — и вы предпо-

читаете пятно крови пятну охужденія, вы сражаетесь; вы убиваете — вы довольны! . . . Что за бѣда, если съ вами останется совѣсть, если раскаяніе захватитъ васъ въ свои зажигающіе когти... Вы спасли, вы застраховали вашу *честь*! . . .

Стыжусь сказать — я не отставалъ отъ своихъ сверстниковъ; не только раздѣлялъ я ихъ опасныя мнѣнія, но еще отличался между ними щекотливостью и надмѣнностью. Раза два случилось мнѣ проколоть руку, прострѣлить мундиръ пріятелю, и скоро прослылъ я героемъ въ гостиныхъ своихъ знакомыхъ, скоро сбраталась со мною шайка друзей, усердно прославлявшихъ меня, мои слова и поступки, и даже мою прическу. Они подражали мнѣ; я давалъ *тонъ*, былъ образцемъ ловкости, представлялъ въ свѣтъ моихъ приверженцевъ, покровительствовалъ однихъ, поддерживалъ другихъ — словомъ, меня такъ избаловалъ свѣтъ, успѣхи такъ вскружили мою голову, что я не могъ уже имѣть себѣ ни равнаго, ни подобнаго. Я окружилъ себя только тѣми, чье знакомство, по знатности или богатству ихъ, льстило моему тщеславію. Отрасли стариннѣйшихъ бояръ Россіи, и члены лучшихъ домовъ столицы стали *вседневными* моими *короткими*. Горе тогда было молодымъ людямъ, поступавшимъ въ нашъ полкъ, или являвшимся на сценѣ нашего круга! Они подвергались строжайшему разбору, и не разъ, тихомолкомъ, выживали мы новобран-

ца, или исключали изъ своего знакомства того, кто приходился намъ не по плечу. Я навлекъ на себя много недоброхотовъ, но былъ любимъ своими, былъ отличенъ женщинами — могли ли касаться меня невыгодные отзывы постороннихъ?.. Напротивъ, я повторялъ себѣ, что истинное достоинство не можетъ существовать безъ завистниковъ.

Самъ я, друзья, не таковъ былъ тогда, какимъ вы меня видите теперь! Молодъ, богатъ, безпеченъ, я не бѣгалъ отъ людей, не таилъ въ уединеніи грызущихъ мученій, неизгладимыхъ воспоминаній, но живо и весело предавался всѣмъ наслажденіямъ суеты и роскоши, всѣмъ удовольствіямъ избранныхъ этого свѣта, гдѣ сердца оставляютъ въ сторонѣ, чтобы жить однимъ воображеніемъ, чтобы вѣрнѣе веселиться, не опасаясь ни страданій, ни страстей. Впрочемъ, и тутъ не обойдется безъ исключеній, и тутъ, хотя рѣдко, попадаются души своеобразныя, которыя ни шутятъ ни жизнью, ни собою. Какъ знать, что̀ мишура и цвѣты скрываютъ подъ своимъ наружнымъ блескомъ? . . .

Мнѣ случилось пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ имѣніи. Въ это время опредѣлился къ намъ въ полкъ пріѣзжій изъ Москвы, который скоро сдѣлался предметомъ ненависти всѣхъ моихъ пріятелей. Новичокъ не принялъ ни доброжелательства, ни пренебреженія; онъ не искалъ ни

въ комъ расположенія и дружбы, ни у кого не просилъ знакомства, и съ первыхъ дней своего прибытія оскорбилъ всѣ самолюбія, возбудилъ всѣ неудовольствія своимъ безпримѣрнымъ поведеніемъ. Не только не дѣлалъ онъ первыхъ шаговъ къ сближенію съ новыми товарищами, не только не сводилъ онъ съ ними тѣсныхъ связей, но казался избѣгающимъ ихъ. Онъ не любилъ вольнаго общества молодежи; онъ не пилъ шампанскаго, не бралъ картъ въ руки, и всѣ покушенія *обратить* его или *вышколить*, оставались безуспѣшны. Онъ съ виду былъ робокъ и кротокъ, но на дѣлѣ упрямъ и непоколебимъ. Мои товарищи жаловались наперерывъ на недоступнаго пришлеца, бранили его жестоко въ своихъ письмахъ, и вызывали меня испытать надъ нимъ всевластіе моего краспорѣчія и моего вліянія.

Я возвратился, и нашелъ въ Алексѣѣ Дольскомъ совершенно противное тому, чего ожидалъ. Съ перваго взгляда открылось мнѣ, что его судили съ пристрастіемъ, и что блистательныя качества таились подъ его холодною оболочкою. Вмѣсто ребенка, котораго мнѣ надлежало пересоздать по нашему, я увидѣлъ человѣка самостоятельнаго, съ умомъ и душею, который заранѣе предначерталъ себѣ путь и слѣдовалъ по немъ, не заботясь о чужой цѣли и чужой дорогѣ. Я тотчасъ понялъ, что его не побѣдишь ни насмѣшкой, ни лаской. Я угадалъ, что если онъ чуждал-

ся насъ, то это было потому, что въ его существѣ было многое противорѣчное всѣмъ намъ. Онъ попалъ не въ свой міръ; его настоящая сфера была выше, свѣтлѣе, чистѣе нашей.

Однако-жъ самолюбіе было въ половинѣ, и я не отдалъ игры, не попытавшись на нее. Я рѣшился, или выманить довѣріе Дольскаго, и быть ему хорошимъ пріятелемъ, или преслѣдовать его булавочной войной, и заставить его избавить моихъ товарищей отъ своего присутствія.

Началось тактикой обольщенія. Отложивъ гордость до другаго случая, я упредилъ Дольскаго посѣщеніемъ, осыпалъ его вѣжливостями. Это его удивило, и, я могъ замѣтить, даже польстило ему. Онъ отвѣчалъ учтивостью за учтивость, былъ благодаренъ мнѣ, но — болѣе ничего, и онъ опять не выходилъ изъ предѣловъ своей уклончивости. Мы видались часто, встрѣчались съ удовольствіемъ, но наши отношенія не становились ни искреннѣе, ни короче, и мой Дольскій не сближался. Съ каждымъ днемъ чувствовалъ я себя все болѣе и болѣе увлеченнымъ его благородными свойствами и милою его странностью. Разговоръ его вознаграждалъ меня своею живою занимательностью за вялую безсмысленность моихъ *вседневныхъ*. Алексѣй былъ одаренъ блистательнымъ умомъ, игривымъ воображеніемъ. Онъ былъ еще въ первомъ цвѣтѣ молодости, и рѣчи его были столь же молоды, веселы и непринуж-

денны, какъ онъ самъ. Я не могъ дать себѣ отчета въ порывахъ, дотолѣ мнѣ вовсе неизвѣстныхъ, но понималъ, что въ душѣ моей что-то сильно говорило за Дольскаго, и что я былъ готовъ полюбить его, какъ брата. Я стыдился своихъ новыхъ впечатлѣній, издавна привыкнувъ не вѣрить безкорыстной дружбѣ. Шумное товарищество съ модными повѣсами заглушило во мнѣ потребность задушевной привязанности, основанной на взаимномъ уваженіи, и мнѣ было дивно, что во мнѣ проснулась мысль о возможности связи по сердцу, истиной, дружеской связи. И то именно мнѣ нравилось въ Алексѣѣ, что я отгадывалъ въ немъ совершенно иныя чувства, противоположный образъ мыслей. Онъ еще ничего не испыталъ, но обо всемъ намечтался. Онъ вѣрилъ, и высокой, безконечной дружбѣ, и самоотверженію, и добродѣтели безъ притязаній. Онъ вѣрилъ еще пламеннѣе женщинамъ, и любви святой и возвышенной. Онъ былъ съ *нами*, но *не изъ насъ*. Страсти его были новы, жарки, сильны; онъ понималъ свою душу, и хотѣлъ сберечь ее чистою голубицею между коршуновъ честолюбія и среди воробьевъ легкомыслія, его окружавшихъ.

И для того-то онъ убѣгалъ насъ, уже избалованныхъ дѣтей свѣта, и для того-то обвивался онъ тихимъ безмолвіемъ своимъ, спасаясь благочестивыми воспоминаніями дѣтства, чтобы не за-

разиться нашими заблужденіями. Онъ сказалъ себѣ, дитя съ горячимъ сердцемъ: »Не истощу ни одной мысли, не утрачу ни единаго чувства понапрасну — все, все къ ногамъ единой!« — сказалъ и ненарушимо хранилъ собственный завѣтъ, и съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣлъ издали на насъ, бросающихъ на вѣтеръ лучшія мгновенія молодости. Онъ долженъ былъ родиться поэтомъ. Онъ никогда не писалъ стиховъ, но я разобралъ въ немъ зародышъ свѣтлаго дара, ему самому не извѣстнаго; я слышалъ отголоски чудныхъ гимновъ въ порывахъ его неопытныхъ думъ. Онъ былъ прекрасенъ, прекрасенъ, не положительною красотою древнихъ мраморовъ, Антиноя, или Аполлона Бельведерскаго, но прекрасенъ всѣми идеальными прелестями, всѣми духовными оттѣнками новѣйшихъ твореній рѣзца Англійскихъ художниковъ — прекрасенъ, какъ фантастическая голова Вильгелма Міериса! Его черты были тонки и нѣжны, свѣтились умомъ и чувствомъ. Его лицо сіяло выраженіемъ, и яркая живость составляла главную его прелесть. Къ тому же, плавная пріятность его пріемовъ, изящность, точно женская, его вкуса и привычекъ, все въ немъ обнаруживало воспитаніе, полученное отъ женщины, все доказывало, что онъ долго былъ несмѣнною мечтою, первою и любимою заботою женщины, просвѣщенной и чувствительной.

Онъ возбуждалъ мое полное участіе, мое

удивленіе. Я смотрѣлъ на него, какъ на выселенца изъ лучшаго края, мнѣ невѣдомаго, какъ на свѣтлое видѣніе, мимоходомъ залетѣвшее въ омутъ житейской суетности. Я не могъ себѣ представить, что его ожидала участь, равная участи обыкновенныхъ, что онъ будетъ круговращаться тѣми же стезями — потанцуетъ, поволочится, женится, получитъ чинъ, постарѣетъ . . . все это казалось мнѣ неприличнымъ для него, несовмѣстнымъ ему. Я не могъ вообразить Дольскаго иначе, какъ молодымъ и по виду и по душѣ. Я наблюдалъ за нимъ, и находилъ невыразимое удовольствіе въ этомъ наблюденіи характера, столь новаго для меня, созданія вседобраго, всечастливаго. Сообщеніе съ нимъ освѣжало мою душу, опаленную зноемъ и сухостью свѣтскаго быта, или лучше сказать, при немъ начиналъ я чувствовать, что у меня есть душа, способная къ иному образу жизни и помышленій. Я былъ умиленъ, и — вѣкъ не забуду я, что обязанъ знакомству Дольскаго чувствами и понятіями, какихъ ни одна обворожительница позлащенныхъ хоровъ не внушала мнѣ притворствомъ души, которой у нея не бывало, и присвоиваньемъ мыслей, изученныхъ въ книгахъ.

Алексѣй не зналъ, не замѣчалъ моей перемѣны. Онъ не видалъ меня прежде, во всемъ сумасбродствѣ моей разсѣянности, и потому полагалъ меня точно такимъ всегда, какимъ стано-

вился я для него. Онъ началъ привыкать ко мнѣ. Я дорожилъ его уваженіемъ, боялся испугать его раждающееся довѣріе, и невольно доходилъ до лицемѣрія, чтобы не потерять его дружбы. Мы сближались, и прежній заговоръ далекъ былъ отъ моей памяти, и я не думалъ уже, что обѣщался подчинить его безусловно тому вихрю, въ которомъ жилъ самъ. Но другіе за меня помнили, другіе твердили мнѣ слова мои, смѣялись тщетности моихъ усилій, шутили надо мною и — проснувшись отъ непривычнаго расположенія, уязвленный колкостями прежнихъ единомышленниковъ, я не захотѣлъ придать себѣ *странности*, не хотѣлъ потерять выгодъ моего блестящаго положенія въ свѣтѣ, ославивъ свое вліяніе надъ товарищами . . . . Я повиновался самолюбію, и внезапно удалился отъ Дольскаго. Настала зима. Водоворотъ свѣта умчалъ меня во всѣ свои волненія, и вскорѣ потерялъ я изъ виду и Алексѣя, и минутное остепененіе моей головы.

Тогда на первыхъ ступеняхъ моды блистала красавица, за которою многіе ходили съ отверженнымъ ѳиміамомъ и пылающимъ сердцемъ. Она года три прожила, протанцовала во всѣхъ залахъ высшаго круга, и оставалась незамѣченною въ толпѣ красотъ всякаго разбора и всякаго рода. Но однажды, на большомъ раутѣ, ей случилось явиться въ какомъ-то новоизобрѣтенномъ

нарядѣ, который былъ ей очень къ лицу — она произвела впечатлѣніе; съ той поры зависть женщинъ выказала ее вниманію мужчинъ. Одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые успѣхами и притязаніями укрѣпили за собою право рѣшать судьбу женщинъ, быть судьями ихъ красоты, ума и пріятностей, одинъ изъ нихъ только что поссорился тогда съ знатною дамою, признанною царицею прекрасныхъ, и царствовавшею безъ соперницъ въ котильонной области. Ему вздумалось взбѣсить свой развѣнчанный кумиръ и всколебать расколомъ ея владычество. Онъ обратился къ созвѣздію, едва мерцавшему на небосклонѣ извѣстности; на двухъ, или трехъ вечерахъ являлся чичизбеемъ новой красавицы, и объявилъ потомъ, что она очень *миленькое* существо. Этого приговора достаточно было упрочить молву о красотѣ, нечаянно открытой, и всѣ незанятые, всѣ неопредѣленные къ мѣсту, принялись ухаживать за свѣтлорусою Юліею. Такъ часто основываются всѣ славы большаго свѣта! Достоинства и красота, какъ необрѣтенные еще острова Океана, долго, долго остаются въ незамѣтности, въ забытіи; приходитъ наконецъ одинъ, которому они бросаются въ глаза, или который дѣлаетъ изъ нихъ орудіе собственнымъ видамъ; новый Колумбъ передаетъ ихъ имя молвѣ, и стадо подражателей несетъ дань удивленія тѣмъ, на кого дотолѣ взоръ ихъ упадалъ только ненарокомъ или

какъ милостыня! И вотъ чѣмъ началась слава женщины, которую я назвалъ Юліею — не могу, не хочу, не смѣю сказать вамъ настоящаго ея имени . . . Наканунѣ потерянная въ толпѣ, она вдругъ увидѣла себя окруженною, обожаемою, превознесенною, и съ этой минуты она осталась на первомъ планѣ вѣчно движимой картины свѣта. Кто была она, эта Юлія? спросите вы. Юлія была жена человѣка извѣстнаго — не по личнымъ заслугамъ, а по чину и богатству — она благородно носила имя почетное и если долго оставалась забытою отъ молвы, то не заключайте изъ этого, чтобы виною тому была ея непривлекательность. То правда, что она не была изъ сіяющихъ, роскошныхъ красотъ, которыя тотчасъ овладѣваютъ вниманіемъ, какъ должнымъ оброкомъ, на которыхъ взоры останавливаются противовольно — она не поражала, ни правильностью въ чертахъ, ни румяною свѣжестью цвѣтущаго лица; но кому однажды удавалось заглянуть пристально въ ея голубые глаза, кто уловилъ, кто понялъ томную выразительность ея, тотъ уже не забывалъ ея вовѣкъ, даже въ присутствіи лучезарнѣйшихъ свѣтилъ прелести. Мнѣ кажется, она не была рождена, внушить огненную, мятежную страсть, но ее можно, ее должно было любить тихою, неизмѣнною дружбою. Я думалъ такъ не о многихъ. . .

Но поклонники, преслѣдовавшіе Юлію, не спра-

шивали, какими свойствами ума и души была она достойна ихъ всесожженій. Иные обожали въ ней модную женщину, ту, которая возбуждала досаду въ соперницахъ, которую окружали люди извѣстные, ту, въ чьей короткости можно быть замѣчену, ту, на кого устремлено любопытство всей этой части общества, почти не дѣйствующей, которая живетъ и дышитъ заботою, узнать: »что дѣлаетъ такой-то — что говорятъ, и гдѣ бываютъ такія-то?« Другіе искали въ Юліи добычи, льстившей ихъ самолюбію, безпорочности, которую можно было обезславить, имени добраго и звонкаго, къ которому могли они прибить, какъ обвинительное клеймо, свое собственное имя, будто червемъ тлетворнымъ, обвивающее своимъ позорнымъ воспоминаніемъ все, къ чему оно коснется — вѣчный, неомываемый позоръ жертвы раздается въ ушахъ такихъ людей пѣснью торжества. О, если бы женщины, беззащитныя созданія, знали замыслы, тайную причину искушеній, имъ подготовленныхъ — какъ многія изъ нихъ остались бы безукоризненными, какъ легко бы имъ стало сохранять ненарушимое спокойство сердца! . . .

Не знаю, проницательность ли спасла Юлію, или истинныя правила были ей защитою, но она осталась холодна и недоступна всѣмъ. Конечно, какъ женщина, какъ всѣ женщины, она должна была радоваться въ тиши и въ тайнѣ чувствъ

своихъ, видя свои побѣды и успѣхи, но она не позволяла этой радости перелетѣть за предѣлы уборнаго столика, или уединеннаго камина; она соблюдала строго наружность равнодушія совершеннаго; двѣ зимы сряду, злѣйшіе языки и лорнеты тщетно старались подстеречь въ ней хоть искру склонности, хоть минуту слабости.

Не думайте, чтобы подъ хвалами моими таилась тѣнь минувшаго пристрастія; не думайте, чтобы я былъ въ счету поклонниковъ той, о которой говорю съ такимъ уваженіемъ — нѣтъ, друзья, завѣряю васъ честью, что никогда не влюблялся я въ Юлію, и потому, можетъ быть, остаюсь теперь къ ней справедливымъ. Но бывши издавна охотникомъ до соблазнительныхъ эпизодовъ бальныхъ залъ, часто улучалъ я свободный часъ между ужиномъ и собственнымъ занятіемъ, чтобы наблюдать за другими. Бывало, притворившись ревнивымъ или отчаяннымъ, чтобы лучше быть приняту назавтра, я покидалъ мою двухъ-дневную богиню, уходилъ въ уголокъ, гдѣ меня полагали страдающимъ и несчастнымъ, а самъ отъ души забавлялся всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ, слышалъ и замѣчалъ вокругъ себя. И въ такія минуты макіавелисма и отдыха, долго слѣдуя взорами за Юліей, изъ любопытства, я имѣлъ время узнать ее такою, какъ описалъ вамъ. Прибавлю даже, я не записался въ служенье ей точно потому, что она казалась мнѣ выше преходя-

щаго развлеченія, а я не хотѣлъ запутать, заковать себя страстью продолжительною и постоянною. Я всегда держался мнѣнія, что подобныя страсти приносятъ мало радости, много хлопотъ, и затрудняютъ сложное существованіе человѣка, счастливаго въ женщинахъ. Для одной, къ которой привяжешься, должно пожертвовать десятью, которыя нравятся и забавляютъ. И потомъ, эти души *любящія* и *мечтательныя* — съ ними горе, когда дойдетъ до развязки! Польются слезы, возстанутъ пени — онѣ преслѣдуютъ, онѣ ревнуютъ — нѣтъ! Богъ съ ними! . . . То ли дѣло съ вертушкой? — думалъ я — принимаетъ благосклонно, а растанешься такъ мило и весело, какъ будто никогда и рѣчи не бывало ни о чемъ, кромѣ вчерашняго дождя и завтрашняго гулянья! . . Скажу вамъ болѣе: я имѣлъ такое жалкое понятіе о женщинахъ вообще, что, для чести ихъ пола, хотѣлъ остаться далеко отъ той, которую уважалъ. Я желалъ сохранить всегда пріятное объ ней воспоминаніе, и потому боялся подвергнуть ее разочаровательному опыту любовныхъ отношеній. Я могъ насчитать уже такъ много утраченныхъ призраковъ, такъ много разрушенныхъ заблужденій. . . . Я такъ часто находилъ гусеницу, которую приходилось раздавить, тамъ, куда заманивала меня бабочка, ослѣпительная и радужная! . . .

Такимъ образомъ, я былъ знакомъ съ Юліею,

но издалека, когда замѣтилъ въ ней, къ изумленію, всѣ признаки, всѣ примѣты раждающейся любви, но любви робкой, обуреваемой невольной. Она страдала, она была безпокойна и разсѣяна, взволнована и увлечена. Она не находила уже въ себѣ той гордости, которою такъ долго украшалась. Она не имѣла привычной сноровки въ пріемахъ и поступи, въ рѣчахъ и взорахъ; она забывала самоувѣренность хладнокровія. Я могъ видѣть, какъ она нѣсколько мѣсяцевъ истощала всѣ силы свои въ неровномъ бою разсудка противъ сердца, переходила медленно и постепенно чрезъ всѣ періоды страсти, уступала, примирялась съ новыми чувствами своими, наконецъ, отбросила сопротивленіе и покорилась судьбѣ, сердцу и любви. Она была любима — это не подлежало сомнѣнію, это объясняли мнѣ всѣ ея движенія, хотя напрасно искалъ я между нами счастливаго разрушителя ея покоя. Никто изъ чадъ суеты, около нея вертѣвшихся, не былъ предметомъ даже помысла о предпочтеніи; ни чье приближеніе ее не смущало, ни чей взоръ не заставлялъ ея краснѣть и трепетать, а это сбивало всѣ мои догадки. Но для кого же, стала она изобрѣтать наряды, въ которыхъ господствовало часто, и тайная мысль, и условное значеніе оттѣнковъ и цвѣтовъ! . . . Но для кого же противообычно, пріѣзжала она такъ рано, и оставалась такъ поздно, вездѣ, гдѣ можно было встрѣтиться

и свидѣться?... Зачѣмъ выбирала она всегда мѣсто у дверей, у окна; тамъ, гдѣ ее скорѣе можно было отыскать, гдѣ легче было къ ней подойти? Зачѣмъ впадала она въ тревожное раздумье, нетерпѣливо слушала говорящихъ, и въ ту же минуту громко смѣялась, быстро сыпала рѣчами, иногда безъ связи, и притворнымъ участіемъ старалась скрыть отъ нихъ свое отвращеніе, свою скуку? Она становилась искательнѣе, привѣтливѣе ко всѣмъ; она ласково и свободно обращалась съ тѣми, кого держала прежде въ почтительномъ отдаленіи. Она угождала, она льстила самолюбію женщинъ, прослывшихъ опасными своею зоркостью и смѣтливостью. Почтительностью и вниманіемъ задабривала она старухъ, предводительницъ общаго мнѣнія. Какъ будто хотѣла она умилостивить свѣтъ, какъ будто ей нужно было снисхожденіе, расточалась въ наружныхъ потворствахъ, она истощала для толпы весь свой умъ, всю свою любезность. Чувствуя, что ей день ото дня обязанности общежитія становились постылѣе и тягостнѣе, она тѣмъ строже и точнѣе ихъ выполняла. Жертвуя собою, она хотѣла загладить передъ свѣтомъ свое невольное къ нему презрѣніе. Она метала ему подъ ноги свою жизнь внѣшнюю, для того, чтобы онъ не мѣшалъ ей уходить въ недосягаемую глубь души своей, и жить въ ней жизнію страсти, жизнію упоительною и сокровенною. Я первый, и я одинъ

разгадалъ ея глубоко-схороненную тайну, и то не вполнѣ, и долго еще не могъ узнать я, къ кому склонилось ея сердце. Незначащій случай благопріятствовалъ моему любопытству—я узналъ любимаго ею — въ Алексѣѣ Дольскомъ!

Алексѣй Дольскій!... Странное, но понятное сближеніе двухъ сердецъ, созданныхъ другъ другу вѣсть подавать!... И если я былъ удивленъ, если меня поразило нечаянное открытіе взаимности между Юліею и Дольскимъ, это потому только, что я не зналъ даже объ ихъ знакомствѣ, не замѣчалъ даже появленія Дольскаго въ мірѣ гостиныхъ и залъ. Однако-жъ, онъ былъ уже вездѣ представленъ и вездѣ принятъ, и казалось, онъ скоро и совершенно примѣнился къ этому міру. Мой мечтатель явился мнѣ въ новомъ видѣ: онъ былъ столько же развязанъ, ловокъ и милъ въ обществѣ женщинъ, сколько знавалъ я его дикимъ и чуждающимся въ нашемъ кругу. Онъ успѣлъ уже попасть въ число избранныхъ; его отличали, его любили за умъ, за молодость, за красоту. Удачи придали ему смѣлость счастливцевъ, и онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, чувствовалъ, что быстрое развитіе блистательныхъ дарованій будетъ приносить ему успѣхи и удовольствіе. Онъ былъ еще въ полномъ восторгѣ отъ чаръ свѣта, во всемъ пылу неопытности, просящей наслажденій и ощущеній у всего, что встрѣчается съ нею на пути. Онъ предавался

всѣмъ приманкамъ шума и забавы. Но между тѣмъ, не имъ отдалъ онъ первыя трепетанія сердца — онъ видѣлъ въ нихъ только торжественный поѣздъ, только пышную оправу истиннаго счастія, и счастье это — онъ испилъ его въ откровеніи любви къ Юліи.

Увидѣвъ Дольскаго на паркетномъ поприщѣ, близь Юліи, я понялъ, что двѣ участи совершились, что нашедши однажды одинъ другаго, ни Юлія, ни онъ не могли разрозниться, не могли разойтись безъ чрезвычайнаго перелома въ судьбѣ и сердцахъ обоихъ. Они были предназначенные одинъ другому, всѣми сходствами, всѣми сочувствіями. Мнѣ показалось чуднымъ, что два существа, явившіяся мнѣ, каждое съ своей стороны, какъ воплощенное оправданіе своего пола, сошлись на стезяхъ жизни, такъ же, какъ и въ мечтахъ моихъ. Я задумался о тайнахъ предопредѣленія и судьбы. А онъ — какъ счастливъ былъ онъ, въ какомъ раю, въ какомъ очарованіи забывался онъ, упоенный первыми тревогами, первыми восторгами любви, и любви взаимной, раздѣленной!!!... Стократъ блаженный, онъ тотчасъ нашелъ то, о чемъ мечталъ, чего просилъ; онъ не пробилъ себѣ пути до желанной цѣли черезъ повторяемые обманы и долгія неудачи, онъ не купилъ себѣ полныхъ радостей мгновенными обнадеживаніями и частымъ отчаяніемъ,

которыя почти всегда падаютъ на долю пламенныхъ мечтателей, искателей невозможнаго и чудеснаго въ очеркѣ обычайности, въ быту существенности положительной, гдѣ мы, ясновидящіе, довольствуемся чувствами и благополучіемъ, для нихъ и слабыми и презрѣнными. Судьба его была, какъ высокосный годъ, внѣ порядка общаго; онъ достигъ, онъ пришелъ, не начинавши ни странствованія, ни испытанія. Первая женщина, встрѣтившаяся ему, была именно та, которую онъ могъ боготворить, согласно со всѣми требованіями, со всѣми причудами своей надмѣнной и пылкой души, та, которая одна, быть можетъ, одна изъ многихъ, одна изъ всѣхъ, могла понять его вполнѣ, и теплымъ сердцемъ оцѣнить его теплое сердце. Съ кокеткой, съ легкомысленной, суетливой, онъ пропалъ бы совсѣмъ; онъ утратилъ бы невозвратную свѣжесть мечтаній чувствовѣрца, и все очарованіе, всю прелесть первоначальныхъ и живыхъ ощущеній молодости, святой и непорочной. Другія измяли бы его сердце, а эта приняла его, какъ даръ небесный! Другія истерзали бы его нравъ, раздражительный и страстный, а эта берегла и голубила его, какъ мать бережетъ и голубитъ своего первенца. Другія разрушили бы воздушный міръ его сновидѣній, его вѣрованій, а эта, утомленная существенностью, познавшая свѣтъ и жильцовъ его, эта увивалась съ нимъ въ его заоблачныхъ созерца-

ніяхъ, и спасала его отъ хладовѣйныхъ уроковъ жизни и опытности. . .

Когда Юлія перестала внимать страшилищамъ воображенія, съ-измала напуганнаго преступленьемъ и позоромъ, когда она поняла возможность сочетать задушевныя радости любви съ собственнымъ уваженіемъ и строгостію добродѣтели, она предалась влеченію сердца со всею стремительностью утопающаго, находящаго нечуемую половину избавленія. Она не стала болѣе терзать своихъ чувствъ; она уже не искала силъ отвергнуться навѣки отъ завидѣннаго рая, и возвратиться на землю, вкусивъ блага неба. Но, позволивъ любить себя искренно, пламенно, всепреданно, но отдавъ всю душу свою, всѣ помыслы и мысли, она осталась вѣрна своему долгу, безукоризненно повиновалась совѣсти и закону. Она не заглушила голоса страсти, но умѣла сладить его съ голосомъ обязанностей, и любовь ея, сберегаемая въ тиши и въ тайнѣ, какъ пламя святилища, ублажила ихъ обоихъ, и пребыла недоступною и непроницаемою тысячеокому свѣту.

Только такая страсть, возвышенная и нѣжная, признанная и тайная, страсть, полная увлеченія, и вмѣстѣ строго подчиненная приличію, могла удовлетворить поэтическаго Дольскаго, и познакомить его со всѣми радостями земными, не отравляя ихъ простудительною примѣсью сухой и вялой прозы, спокойнаго и безцвѣтнаго счастія.

Любовь его была рыцарское служеніе красотѣ, уму и душѣ, и поощряемый ею, онъ могъ предпринять и выполнить много высокаго, много благороднаго. Самая тайна, окружавшая любовь его, самая предусмотрительность осторожной Юліи, придавали болѣе цѣны, болѣе отзыва его счастью. Продолжительное, безсмѣнное благополучіе утомительно. Оно обращается въ привычку, идетъ только святости домашней жизни, взаимному довѣрію супружества, но въ сердечныхъ отношеніяхъ между любовниками — оно убійственнѣе разлуки, разочаровательнѣе измѣны. Горе, когда одна минута скуки вкрадется въ часы свиданія, когда эти свиданія достаются дешево, и проходятъ безмятежно — горе!... Тогда близко, тогда неминуемо время, когда холодъ смѣнитъ скуку, когда горесть и отвращеніе спросятъ отчета въ прежнемъ блаженствѣ! И горе, стократъ горе, когда страсть становится связью, когда союзъ звучитъ цѣпью!.. Можно любить женщину, когда она падаетъ — должно презирать ее, если она упорствуетъ въ паденіи!... Увлеченіе минутное украшаетъ ее какимъ то лучемъ отъ вѣнца отверженнаго демона, долго еще блестѣвшаго и прелестнаго послѣ паденія, но этотъ лучъ — мимолетное зарево!... Спѣшите подивиться ему — онъ исчезнетъ, онъ потухнетъ — грѣшница ваша, какъ духъ тмы, все болѣе, все глубже утонетъ во миракѣ и позорѣ. Въ изступленіи страсти, она жалка, но —

плѣнительна; отдыхая въ своемъ порокѣ — она безобразна!... Жребій спасъ Дольскаго отъ подобнаго зрѣлища. Ему было суждено найти женщину, близъ которой онъ не долженъ былъ ожидать, что увидитъ изнанку своего счастья — вторую страницу листа любви.

Ихъ участь занимала меня. Невольно чувствовалъ я себя привлеченнымъ къ наблюденію этого сочетанія двухъ созданій, столь различествующихъ со всѣми, роившимися около нихъ. Мнѣ любо было думать, что я, одинъ я раздѣляю ихъ тайну, что я одинъ свидѣтель между ними. Я считалъ себя лучшимъ, съ тѣхъ поръ, когда понялъ ихъ. Какъ часто, непризванный участникъ, неподозрѣваемый повѣренный, издали смотрѣлъ я на нихъ, среди волненія и шума многолюдныхъ праздниковъ! Какъ часто, мой лорнетъ, руководимый взорами одного изъ нихъ, терялся въ отвѣтномъ взорѣ другаго! Какъ я забавлялся ихъ смятеніемъ, когда они встрѣчались, ихъ досадою, когда ихъ раздѣляли непроходимыя волны толпы, и какъ ловилъ я всѣ оттѣнки, всѣ перевороты ихъ сердечной повѣсти....

И признаться ли?... Мнѣ закоренѣлому скептику въ любви, мнѣ, вѣчному сообщнику мнѣній Мугаммеда и приговоровъ его, мнѣ не разъ случалось позавидовать восторженному и пылкому, Алексѣю! Я видѣлъ его жизнь столь полною, столь прекрасною — его жребій былъ столь оча-

рователенъ, что я прельстился.имъ противовольно. Я проклиналъ печальный даръ здраваго разсудка, не допустившій меня насладиться юными заблужденіями. Я проклиналъ прежнія наблюденія мои, такъ рано лишившія меня возможности *вѣрить* и *любить*. Я готовъ былъ промѣнять мою мрачную опытность на одно мгновеніе безпечнаго благополучія Алексѣя. Я желалъ ослѣпнуть душою, забыться умомъ, и заснуть неизвѣданнымъ сномъ этой легковѣрной любви. Я желалъ, чтобы сладкій голосъ женщины убаюкалъ мое неразлучное сомнѣніе, чтобы ея обѣтные взоры зажглись для меня метеоромъ, и помрачили свѣтильникъ докучливой истины... И мало по малу, досада овладѣвала мною, бѣсовское искушеніе западало мнѣ въ мысли, и наконецъ — змѣй зависти явственно шепнулъ мнѣ — разрушить это чужое блаженство, дразнившее мои взоры, опалявшее мое воображеніе!...

Я не сказалъ еще вамъ, что былъ тщеславенъ до крайности; что избалованный безславными побѣдами надъ кокетствомъ и суетностью, я увѣрилъ себя, будто ни какая женщина не противостанетъ моему завлеченію. Это сознаніе нейдетъ теперь ко мнѣ; оно дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но я давно убилъ все самолюбіе, всѣ минувшія притязанія, и приношу ихъ теперь на закланіе, чтобы искупить прежнія ошибки — говорю о себѣ, какъ о давно усопшемъ....

Со всею самонадежностію человѣка, увѣреннаго въ успѣхѣ, сблизился я съ Юліею, сталъ заниматься ею, смѣло и произвольно явился возлѣ нея съ кокетствомъ обожателя. Принося ей мое поклоненіе, я долженъ былъ отстать отъ другихъ *короткостей,* и я спѣшилъ это сдѣлать, но съ шумомъ и огласкою, чтобы съ самаго начала угодить ея самолюбію блестящею жертвою. Я испыталъ, что женщины охотно принимаютъ такія жертвы, и любятъ покореннаго, завѣряющаго имъ торжество. Къ тому же тѣ, которыхъ я оставилъ для Юліи, были, и саномъ и красотою, лестными трофеями ея торжества, и я предвидѣлъ, что негодованіе ихъ скоро и громко донесетъ до ея слуха пріятно-звучную вѣсть о новой ея побѣдѣ. Я не ошибся. Чрезъ недѣлю, ручаюсь, что Юлія не могла ступить, не внимая моего имени, жужжавшаго на всѣхъ языкахъ. Такъ гласно обнародовалъ я свои измѣны и новую страсть къ ней. Потомъ я ей самой сталъ намѣкать объ этой страсти, и скоро дошелъ до полнаго признанія.

Признаніе!... Какъ старъ, какъ изношенъ этотъ вѣковѣчный обычай, какъ онъ смѣшонъ и пересмѣянъ, и какъ все еще служитъ онъ коварству, даже въ наше время, когда все старое переведось!... Но, замѣтьте, истинная любовь не употребляетъ этого пошлаго средства. Она открывается, она сообщается собственнымъ, безсловнымъ краснорѣчіемъ, краснорѣчіемъ преры-

вистаго голоса и скрытаго взора, краснорѣчіемъ непритворныхъ, неподкупныхъ примѣтъ ея. Признается обдуманное исканье, признается равнодушное волокитство, безсильные дать себя понять иначе. Повторю вамъ: какъ-же это женщины вѣрять еще признаніямъ?

И я *признался*, желая быстро нанести послѣдній ударъ молодому сопернику. Я забылъ, постарался забыть, что Юлія не изъ числа обыкновенныхъ свѣтскихъ женщинъ. Я думалъ по крайней мѣрѣ, что она, изъ соблюденія приличій, поступитъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ. Я надѣялся, что меня не промѣняютъ на Алексѣя, что его отправятъ, какъ новичка, съ доброю проповѣдью, а меня предпочтутъ, хоть для того, чтобы подразнить нѣсколько пріятельницъ, и показать свѣту первенство надъ ними. Но вмѣсто того на первыхъ словахъ Юлія остановила меня сухимъ и непреклоннымъ отрицаніемъ, скрывающимся подъ уничтожительнымъ »не понимаю«, которое выражается вдругъ, и пренебрежительными устами, и зеркальною прозрачностью спокойнаго взора, и едва замѣтнымъ движеніемъ гордыхъ плечъ — »не понимаю«, которое значитъ, что не удостоиваютъ васъ даже тратою на васъ не много догадливости. Правда, есть другое »не понимаю« обворожительное и безцѣнное, сопровождаемое улыбкою и слезою, вопросомъ и трепетомъ . . . О, спѣшите, спѣшите отвѣчать, когда

услышите его. Знайте — это »не понимаю«, оно значитъ: »боюсь и желаю понять — убѣдите — успокойте«! Я слишкомъ часто слыхалъ его, и не могъ-бы ошибиться въ такомъ случаѣ! Но я думалъ, что презрѣніе Юліи есть утонченное кокетство; что она испытываетъ меня; что жалость о Дольскомъ еще борется въ ея мысли съ искушеніями самолюбія — я думалъ многое, все, исключая обидной истины! Тщетно ласкалъ я себя утѣшеніемъ и надеждой — грезы мои уступили очевидности; я долженъ былъ удостовѣрить себя, что я отринутъ безвозвратно...

Извѣстно-ли вамъ, что такое подобная неудача для надмѣннаго, не встрѣчавшаго дотолѣ ни единаго преткновенья на пути легкихъ успѣховъ и веселыхъ приключеній? Извѣстно-ли вамъ, какъ больно первое презрѣніе тому, кого окружали, кого отыскивали приманки и милости? Это такое сатаническое страданье, что оно вдругъ затмѣваетъ всѣ отрады прошедшаго, всѣ воспоминанія самодовольствія. Это почти паденіе съ престола — почти Ватерлоо, истребляющее цѣлое поприще славы и счастья! И теперь еще не забылъ я нестерпимой пытки этого вечера, хотя съ тѣхъ поръ много тяжкаго горя, много истинныхъ скорбей перебывало въ моей душѣ...

Я не любилъ Юлію — видно, я созданъ съ неполнымъ сердцемъ! Но есть страсти кромѣ любви, и тѣ всѣ кипѣли во мнѣ, грозныя, неукро-

тимыя. Душа моя была потрясена до основы — ее терзало оскорбленное самолюбіе; ее волновала сокрушенная мечта; ее язвило жало шипящей зависти! Я приподнялъ униженную голову, и поклялся отмстить этой Юліи, отмстить и ея Дольскому, чье одно имя обливало теперь отравой знойное пламя моей ярости, ему кого возненавидѣлъ я всею враждою гордеца, ради его попраннаго ногами женщины...

Мнѣ стоило одного слова, одного знака, чтобы открыть ихъ согласіе моимъ приверженцамъ, и возставить противъ Дольскаго всю прежнюю непріязнь ихъ, мною самимъ усиленную. Но я подумалъ и разсудилъ, что такая неосторожная выходка разскажетъ мою собственную тайну, неожиданный урокъ моему высокомѣрію. Я зналъ лучшее средство наказать ихъ, не разглашая презрѣнія Юліи ко мнѣ, и вскорѣ предначерталъ себѣ ходъ къ двойной цѣли: рѣшился мстить, вмѣстѣ и за себя, и за общее неудовольствіе моихъ товарищей. Я воспользовался орудіемъ, которое дано было мнѣ короткимъ изученьемъ положенія и чувствъ Юліи. Я употребилъ самую неограниченную власть, которая только существуетъ, власть глубокой ненависти, знающей всѣ изгибы сердца своей жертвы, всѣ недостатки брони, защищающей ее. При первомъ свиданіи, съ притворнымъ равнодушіемъ, далъ я почувствовать Юліи, что отъ проницательности моей не

упили ни любовь Дольскаго, ни ея взаимность. Ужасъ объялъ ее; блѣдность покрыла ея лицо; глаза ея потупились; она задрожала — я былъ доволенъ. Того-то я и хотѣлъ!..,

Если бы она, какъ другія, какъ тѣ, кому ужъ не въ новость такіе смѣлые намѣки, кто привыкъ возбуждать и переносить злыя догадки, издѣвчивыя замѣчанія — если бы она, подобно имъ, заплатила мнѣ за дерзость величественнымъ видомъ и взоромъ свысока — если бы она, съ спокойною усмѣшкою, стала доказывать мнѣ заблужденіе мое, въ опроверженіяхъ, полныхъ утвердительности — если бы она успѣла подъ мѣднымъ лбомъ, задушить неумолимый голосъ совѣсти — если бы сердитые и гордые упреки посыпались изъ устъ ея — мнѣ пришлось бы тогда удалиться закусивъ губу. Но она была неопытна въ наукѣ наглости; она была нова на стезяхъ порока: она смутилась, испугалась, и я торжествовалъ. Я видѣлъ, что участь ея въ моихъ рукахъ!...

Этотъ первый опытъ удостовѣрилъ меня въ выгодахъ моего положенія; онъ показалъ мнѣ, какъ легко будетъ мое мщеніе. Съ того дня, какъ привидѣніе, какъ пугало, преслѣдовалъ я всюду несчастную чету. Тотчасъ убѣдился я по виду Дольскаго, что ему было сообщено о моей догадкѣ. — Онъ дрожалъ за свою тайну, но еще болѣе за Юлію, за эту Юлію, до него безукориз-

ненную, какъ ангелъ, безпечную, какъ младенецъ въ колыбели, которую любовь его могла лишить уваженія свѣта и домашняго спокойствія! Дольскій намѣренъ былъ, привѣтливостью и ласкательствомъ, склонить меня къ молчанію и снисхожденію. Онъ ошибся. Въ свою очередь, я показался холоднымъ и оттолкнулъ его отъ себя. Сношенія взаимныхъ посѣщеній давно уже не существовали между нами; теперь пресѣклись простыя сношенія знакомства. Все вниманіе мое было направлено на Юлію. Я дѣйствовалъ на нее и страхомъ и стыдомъ. Мой инквизиторствующій взоръ, какъ магнетисмъ, покорялъ мнѣ ея волю, ея движенія. Моя злобная улыбка, какъ наговоръ, изводила ее. Издали трепетала она, услышавъ вытверженный шумъ моей походки. О, ей дорога была ея женская слава, блестящая непорочною бѣлизною, ей дороги были честное имя и всеобщее почтеніе, ей дорого было это подножіе, куда вознесли ее добродѣтели — можетъ быть, еще дороже были ей чарующая любовь Алексѣя, и взаимное, глубоко чувствуемое счастіе, а она вѣдала, что отъ меня зависѣло разбить счастье ея въ дребезги, очернить ея славу, сокрушить ея судьбу! Она видѣла, что для этого стоило мнѣ только шепнуть одно имя на ухо товарищу, выронить одно слово на колѣни къ другой женщинѣ, возродить одно сомнѣніе въ воображеніи ея завистницъ . . . Потому она боялась меня, бѣдная

женщина, какъ ласточка боится бури, грозящей ея родимому гнѣзду, какъ горлица боится кругоплавающаго коршуна, а я, какъ буря, шумѣлъ ей бѣдою въ уши, какъ коршунъ, обвивалъ ее пристальными, зловѣщими взорами. . .

Увижу-ли я, что Дольскій, долго выжидавши случая, наконецъ прокрался къ *ней* черезъ толпу, что они наслаждаются минутнымъ разговоромъ, сердечнымъ откликомъ, перерывающимъ длинное молчаніе осторожности — я тихо прохожу мимо ихъ, не сводя очей съ Юліи, и — тотчасъ судорожная дрожь перебиваетъ слова на устахъ ея, и тотчасъ она уходитъ далѣе! Прійдетъ ли мнѣ на мысль, что Алексѣю обѣщанъ рѣдкій коттильонъ — я отправляюсь къ Юліи съ моимъ приглашеніемъ, и всегда нѣсколько словъ, хитро вплетенныхъ въ пустую форму приглашенія, заставляютъ ее отвѣчать: »Съ удовольствіемъ,« и отказывать огорченному любовнику. Изъ глубины партера, я подстерегалъ приходъ Дольскаго къ ней въ ложу, наводилъ на ихъ свой лорнетъ, и Алексѣя отсылало прочь умоляющее и грустное движеніе головы, никому непримѣтное, исключая меня — меня, ихъ неумолимаго и вѣчнаго разлучителя. Потеряннаго въ неисчислимости нулей и ничтожностей, я отыскалъ мужа Юліи, свелъ съ нимъ знакомство, и часто, и долго прогуливался съ нимъ объ руку по бальнымъ заламъ, разсказывая ему всякія пошлости, съ такимъ радуш-

нымъ видомъ дружелюбія, что насъ скоро стали почитать друзьями неразлучными. А она — смотрѣвшая на насъ издали, старалась угадать по лицу мужа предметъ нашего разговора... Но трудъ былъ излишній: какъ затертая обвертка записной книги, устарѣвшей безъ употребленія, пустые листы которой не бѣлы отъ залежанья, не исписаны за ихъ неспособностью, лицо моего спутника ничего не выражало въ своей бездушной окаменѣлости. И какъ торжествовалъ я, какъ упивался я своимъ всемогуществомъ надъ этимъ обожаемымъ кумиромъ общества, надъ гордѣйшею изъ гордыхъ нашей знати! Не знаю, уступилъ ли бы я тогда мое фантастическое вліяніе надъ Юліею за самую любовь ея, нѣсколько дней польстившую моей избалованной причудливости! Что въ любви, даже искренней, когда сердце въ ней не нуждается, и ея не проситъ? Но странность и таинственность моихъ отношеній къ Юліи приносили мнѣ неизвѣданныя, неприскучившія наслажденія, и сверхъ того, я пользовался явнымъ предпочтеніемъ моей мученицы. Она оказывала мнѣ большое вниманіе и много доброжелательства, она ненавидѣла меня, но, принужденная лицемѣрить, бросила свою женскую гордость въ пищу моему жестокому и безпощадному самолюбію; она покупала у меня цѣною смиренія каждый проблескъ своего тревожнаго, невѣрнаго счастія. И чѣмъ далѣе заходила эта трехъ-личная,

безмолвная драма — драма безъ отзвука, безъ шума, тѣмъ болѣе запутывала она всѣхъ насъ въ сѣти, все болѣе и болѣе стѣсняющіяся. — Какія сильныя страсти перегарали среди свѣта, въ глазахъ его! И онъ, слѣпой и равнодушный, онъ не понималъ ихъ, онъ не проникалъ въ чудную тайну трехъ существованій, такъ сцѣпленныхъ враждою и любовью, что имъ разойтись можно было только, какъ концамъ Гордіева узла, разсѣченнымъ разрушительнымъ остреемъ меча! Никто не отгадывалъ взаимности Юліи и Дольскаго, никто не подозрѣвалъ, какъ дороги они были другъ другу, а я молчалъ, молчалъ, зная и чувствуя, что они *мои*, исключительно мои, пока имъ есть что скрывать, беречь, пока толпа не указала на нихъ съ насмѣшливымъ участіемъ. Скажите: придумаете ли вы месть крови и огня, месть полуденную, внезапную и неистовую, которая могла-бъ быть ужаснѣе и свирѣпѣе моей безмолвной, отрицательной мести?

Что было между тѣмъ съ бѣднымъ Дольскимъ? Онъ ревновалъ, онъ ревновалъ со всею болѣзненною стремительностію своего характера, со всѣмъ ожесточеніемъ первой страсти, взыскательной и боязливой. Я не кралъ у него счастья, но положилъ на него запретъ и опалу. Онъ мучился обхожденіемъ Юліи со мною, онъ страдалъ за каждое слово, за каждое мгновеніе, похищенное у него моимъ коварствомъ, но пре-

былъ твердъ въ намѣреніи своемъ — защитить до конца Юлію отъ моихъ подозрѣній и намѣковъ. Они хотѣли меня разувѣрить, отыграться отъ меня. Но отъ глазъ моихъ ничто не укрывалось — и Дольскій былъ такъ пылокъ, такъ влюбленъ — ему ли было не изобличать себя стократно борьбою чувствъ своихъ! Я увѣренъ былъ, что онъ свято охранитъ имя Юліи отъ непріятнаго отгула, но я ожидалъ, что въ порывѣ отчаянія, онъ найдетъ, или придумаетъ случай вызвать меня на поединокъ, не упоминая объ Юліи. Я уже высматривалъ вблизи роковое мгновеніе, которое умчитъ его за предѣлы долготерпѣнія. Я чуялъ желанную развязку, и радовался этому дикою радостью...

Но время шло, но дни бѣжали, и развязка не наступала. Дольскій обманулъ мои ожиданія своимъ постоянствомъ. Онъ страдалъ, выносилъ, молчалъ. Онъ уходилъ отъ моей ненависти, какъ нѣкогда отъ моей дружбы. Непреклончивость не измѣняла ему; ревность не вывлекла его изъ очерка непостижимаго самовладѣнія.

Я началъ думать, что малодушіе виною этого срадания безъ гнѣва — я обвинилъ Дольскаго въ отсутствіи благородной храбрости — я готовъ былъ подписать ему пятнающій приговоръ презрѣнія. Случай оправдалъ его, и обнаружилъ мнѣ новую грань его нрава. Мы жили оба на одной улицѣ, и въ сосѣдствѣ нашемъ вспыхнулъ одна-

жды сильный пожаръ. Въ нѣсколько секундъ, пламя обхватило огромный домъ, съ яростью, не давшею срока приспѣть на помощь. Когда изумленные жильцы бросились спасаться, внутреннія лѣстницы уже занялись огнемъ. Каждый бѣжалъ, унося малую часть своего достоянія — все вышло, все выползло, дѣти и старики, исключая одного больнаго, одержимаго бѣлою горячкою. Его никакъ не могли уговорить слѣдовать за другими. Пытались было употребить силу, но жаръ горячки подкрѣплялъ его, не могли сладить съ нимъ, — онъ одолѣлъ своихъ избавителей. Смятеніе ихъ возрастало съ опасностью, а несчастный безсмысленнымъ смѣхомъ встрѣчалъ гибельное пламя и утѣшался необычайнымъ свѣтомъ. Его упрямство продолжалось; неминуемая гибель грозила — не было средствъ его вывести — страхъ и чувство самосохраненія побѣдили — всѣ разбѣжались — больной остался — неискупимая жертва мучительной смерти!

Сначала его видѣли у окна, смѣющагося этимъ пронзительнымъ хохотомъ безумія, который такъ болѣзненно отдается въ ушахъ мыслящаго. Странными кривляньями, онъ дразнилъ объятую ужасомъ толпу; онъ снялъ повязки съ головы своей, и весело кидая ихъ на воздухъ, ловилъ обѣими руками. Потомъ видно было, что жаръ и дымъ, проникнувъ въ комнату, стали

его безпокоить. Наконецъ живѣйшее страданіе исказило его лице, страданіе безобразное, нестерпимое на видъ, страданіе твари, чувствующей погибель, безъ точнаго объ ней понятія. Онъ задыхался. Онъ сталъ плакать, кричать, ломать себѣ руки. Его жалостные вопли раздавались безотвѣтно — всѣ сострадали, но никто не могъ, не смѣлъ подать спасенія! Тщетно родные несчастнаго вызывали избавителя, тщетно золотомъ старались внушить отважность корыстолюбивымъ или нуждающимся — никто не рѣшился итти на явную смерть! Да притомъ, разсуждая, что если и удастся дойти до него, то какъ спасти человѣка, который не только не пойметъ, что ему дѣлать, но можетъ еще внезапной блажью погубить самаго пришедшаго избавить? Зрѣлище съ каждымъ мгновеніемъ становилось раздирательнѣе. Вдругъ Алексѣй Дольскій, ѣхавшій мимо въ щегольской коляскѣ, выскакиваетъ изъ нея, разсѣкаетъ толпу, быстро бѣжитъ къ огненному дому, выхватываетъ лѣстницу у пожарныхъ служителей, и при громкихъ кликахъ удивленія, похвалы, страха, приставляетъ ее къ стѣнѣ, и смѣло подымается съ ней къ окну больнаго, уже бѣснующагося отъ муки! Мы видѣли, какъ Дольскій впрыгнулъ въ комнату; мы стояли въ трепетномъ ожиданіи, но вдругъ черный дымъ клубами вырвался изъ окна, и заслонилъ всю часть зданія густымъ покрываломъ своихъ прибываю-

щихъ потоковъ. Всѣ сердца замерли; оглушительный трескъ всколебалъ воздухъ; мостовая застонала; всѣ умы постигнули страшное, но ни одинъ голосъ не сообщилъ своихъ мыслей; полъ бѣдовой комнаты обрушился! Народъ завопилъ единодушно слово состраданія, но смѣнилъ его тотчасъ своимъ восторженнымъ: »Ура!«.. Алексѣй, крѣпко держа за собою обезпамятѣвшаго больнаго, показался на ступеняхъ лѣстницы, и сталъ спускаться, замедленный въ своихъ движеніяхъ омертвѣлою ношею своею. Казалось, оба внѣ опасности, но вотъ — окно, вслѣдъ за ними, изъвергло глыбу огня, и ихъ слабая подпора загорѣлась. Все замерло снова на кипящей улицѣ; одинъ Дольскій не терялъ духа . . . »Держите!« вскричалъ онъ повелительно предстоящимъ, и сотни рукъ приняли на простыняхъ брошеннаго имъ безумнаго, между тѣмъ, какъ самъ спаситель смѣло и ловко, спрыгнулъ съ значительной высоты. Рукоплесканія, слезы, громкія благословенія народа встрѣтили Дольскаго, а онъ спокойный, безпечный, онъ, по видимому, даже не подозрѣвалъ ничего сверхъ-обычнаго въ своемъ самоотверженіи, ничего ужаснаго въ опасностяхъ, которымъ подвергался. Только лицо его сіяло радостью ангела, только взоры его одушевлялись вдохновеніемъ бодрости и отваги.

Свидѣтель всего, я долженъ былъ убѣдиться, что ни одно блистательное качество не оставило

украсить моего соперника. Онъ разительно опровергнулъ мои подозрѣнія, смылъ съ себя поклепъ въ малодушіи, и доказавъ еще неизвѣстную мнѣ доблесть, только болѣе раздразнилъ мою ненависть. Мнѣ не оставалось ни одного повода отказать ему въ уваженіи, а признавшись себѣ въ неоспоримомъ его превосходствѣ надо мною, я еще пламеннѣе предался адскому удовольствію — язвить его въ чувствительнѣйшую часть его сердца! Мое гоненіе обвело вокругъ Дольскаго и Юліи заколдованный очеркъ, черезъ который они не смѣли переступить, который я зачеркивалъ все тѣснѣе и тѣснѣе, по произволу моей прихоти. Преслѣдовать ихъ — стало моею жизнію и цѣлью моего бытія въ приторномъ однообразіи свѣтской толчеи.

Наступилъ Великій Постъ — эта безцвѣтная чреда дней безъ значенія въ большомъ свѣтѣ, послѣ полныхъ и шумныхъ часовъ сумасшедшей зимы. Сообщенія стали рѣже, встрѣчи знакомыхъ затруднительнѣе. Вы знаете, что въ эту пору всѣ исчезаютъ, всѣ прячутся подъ защиту домашняго камина, и волею или неволею, привыкаютъ вновь къ его опустѣвшему, оставленному рубежу. Красавицы, утомленныя продолжительностью баловъ и можетъ быть, волненіемъ сердечныхъ эпизодовъ, зѣваютъ, полнѣютъ, разцвѣтаютъ новою красотою. Ничто столько не полезно для здоровья, какъ скука и сонъ. Такое

леченье необходимо отъ времени до времени поэтамъ и женщинамъ. Скука въ головахъ и сонъ въ сердцѣ истребляютъ печальные слѣды усталости вещественной и душевной, готовятъ женщинѣ новыя торжества, а поэту новыя, свѣжія вдохновенія. Одна, лежа по цѣлымъ вечерамъ на мягкой софѣ, пріобрѣтаетъ опять розовые оттѣнки свои, утраченные на балахъ. Другой, измучивъ мысль творческими безсонницами, а душу жаркими страстями, впадаетъ въ безчувственную лѣнь, убаюкивается на изголовьѣ ея, и возставши снова, воспаритъ далѣе и выше смѣлымъ полетомъ обновленнаго духа. Это точно какъ сурки, которые потому такъ живы и веселы лѣтнею порою, что всю череду непогодъ проводятъ незамѣтно въ богатырскомъ снѣ Ильи Муромца, въ сладкомъ самозабвеніи околдованной царевны старинныхъ сказокъ. Но что дѣлать въ это время намъ, у кого нѣтъ ни красоты въ линяньѣ, ни поэзіи въ пару? Для насъ Великій Постъ самое плохое время въ подсолнечной сторонѣ, и мы не знаемъ какъ убить безконечность этого времени. За то, какъ жадно ловятъ всякое событіе, прерывающее тоску уединенія! Какъ радуются самые строгіе ханжи, когда неумолимые уставы общественныхъ обязанностей приневоливаютъ ихъ оставить кое-когда домашнюю Ѳиваиду, и заплатить долгъ дружбѣ или учтивости!

Молодая хозяйка блестящаго и гостепріимнаго

дома, утомленная покоемъ, затѣяла для своихъ избранныхъ увеселеніе въ новомъ и совершенно постномъ вкусѣ. По волѣ ея, на дачѣ у ней устроены были ледяныя горы, и она пригласила насъ на завтракъ и катанье. Надлежало общему сбору быть въ ея городскомъ домѣ; каждому изъ мужчинъ привести бѣговые санки, и отправляться на дачу съ одною изъ дамъ. На дачѣ ожидали гостей горы, обѣдъ, и потомъ концертъ. Поcтъскриптумъ программы говорилъ, что дамы во весь день не выберутъ другихъ кавалеровъ, и останутся на горахъ и за столомъ спутницами и сосѣдками своихъ катальщиковъ. Вѣрно, изобрѣтательная хозяйка имѣла свои виды. Въ числѣ приглашенныхъ были Дольскій и Юлія. Всѣ прихлынули въ домъ веселія, всѣ съѣхались рано, а Юлія изъ первыхъ, чрезвычайно милая, окутанная лебяжимъ пухомъ и серебристыми блондами. Но тайное безпокойство туманило ея черты, и я прочиталъ въ нихъ отсутствіе Алексѣя. Я присосѣдился къ ней, выбралъ для разговора самый распространительный предметъ, и разсыпалъ все свое краснорѣчіе. Она не слушала меня, но я этого ждалъ. Ея ужимки укоряли мою докучливость; она отвѣчала не въ попадъ; проворные пальцы, съ досадой, мяли роскошный боа, глаза не разставались съ дверью, и при каждомъ шорохѣ, она вздрагивала трепетомъ ожиданія и надежды. Хитро распросилъ я, какъ провела она

вчерашній день, передпослѣдній, и сообразилъ изъ отвѣтовъ, что она двое сутокъ не встрѣчалась съ Дольскимъ. Слѣдственно, они не успѣли сговориться ѣхать вмѣстѣ; слѣдственно, забота о расположеніи этого дня причиною ея тревогъ! Я не предложилъ себя въ кавалеры; у меня была на это причина — мнѣ хотѣлось ихъ вдвое мучить. . .

Наконецъ, нѣсколько шпоръ вмѣстѣ зазвенѣло въ дальнихъ комнатахъ; слухъ любви тотчасъ узналъ любимую походку изъ всѣхъ прочихъ. Юлія покраснѣла до ушей подъ своей шляпкой. Дольскій вошелъ. Онъ былъ пасмуренъ; онъ чопорно поклонился издали моей сосѣдкѣ, завелъ рѣчь съ другими женщинами, не смотря на Юлію. Я понялъ, что они въ размолвкѣ, всталъ и освободилъ Юлію отъ моей бесѣды. Дольскій оставался при своей досадѣ, но она дрожала при одной мысли — погубить въ ссорѣ день, который могъ быть такъ красенъ въ ихъ сердечной лѣтописи! Она старалась умолить, привлечь его. Полные просьбы, покорности и ласки, ея голубые глаза долго не находили всегдашняго привѣта въ безвзорныхъ глазахъ Дольскаго. Мнѣ почти хотѣлось пожалѣть о ней - такъ болѣзненна становилась вся осанка ея. Но она скорбѣла чинно, благопристойно, тихомолкомъ; она ни на минуту не забывала, что ей надлежало безусловно покорить свои страданія утѣснительнымъ пра-

виламъ приличія; она понимала, что сердцу ея позволено разбиться въ ноющей груди, но не измѣнить себѣ при свидѣтеляхъ. Нельзя было не удивиться этой силѣ воли въ столь слабомъ созданіи! Наконецъ она побѣдила Дольскаго: сердитый холодъ слетѣлъ съ просвѣтлѣвшаго чела; улыбка сказала красавицѣ, что разладъ забытъ, и молодой человѣкъ, лавируя межъ креселъ и дамъ, пришелъ занять покинутое мною мѣсто.

Небосклонъ ихъ воспламенился богатыми цвѣтами встающаго солнца радости, и мнѣ пришлось быть зрителемъ ихъ встрѣчи, ихъ примиренія. Оно свершилось безъ объясненій, безъ полугнѣва, почти безъ словъ. Одни лица говорили; одни глаза взаимно переводили задушевныя мысли, между тѣмъ, какъ уста, рабы приличія, безсвязно лепетали суетныя рѣчи учтивости. И вотъ онъ поклонился, говоря что-то вслухъ, и вотъ, она отвѣчаетъ едва примѣтнымъ движеніемъ головки, и вотъ удовольствіе все живѣе и живѣе разыгрывается въ ихъ взорахъ... Я понялъ приглашеніе, согласіе, воздушные замки сердца, всѣ обѣщанія безоблачнаго дня....

Тутъ приблизился я, и попросилъ Юлію сдѣлать мнѣ честь, ѣхать со мною. Надобно было посмотрѣть на ихъ смятеніе, ихъ нерѣшимость... Она подумала, и отвѣчала запинаясь, что дала слово другому. »Въ такомъ случаѣ, сударыня, не осмѣлюсь пожелать вамъ веселаго пути —же-

ланіе было-бы лишнее!« И говоря это, я бросилъ взоръ на Дольскаго, и сокрушилъ оробѣвшую Юлію усмѣшкою, въ которой вылилъ все, что только было на сердцѣ моемъ яда и сарказмовъ Юлія спохватилась. „Вы меня не поняли," возразила она поспѣшно, „и помѣшали договорить, г-нъ Валевичъ — я дала слово, но если вамъ угодно . . . чтобы имѣть удовольствіе . . . я могу сказать моему родственнику . . . чтобы онъ искалъ другой дамы!" Она ожидала, что я отступлюсь отъ своего приглашенія. „Благодарю покорно," отвѣчалъ я, „и надѣюсь, что вы не забудете милостиваго вашего обѣщанія."

Слезы навернулись на длинныхъ рѣсницахъ Юліи. Она просила Дольскаг опозвать ея родственника, который, вѣрно, и не подозрѣвалъ, что его имя служило громовымъ отводомъ.

Она поѣхала со мною, но приговоренные къ смерти такъ-же охотно ѣздятъ на казнь. Тоска сгустилась томными сгибами надъ ея сближенными бровями; тоска нависла тучею надъ потухшею лазурью ея очей. — Разсѣяніе отвлекало ея мысли. Онѣ неслись впередъ, онѣ увивались вокругъ быстрыхъ санокъ, мчавшихъ вихремъ Дольскаго съ другою спутницею. . . Я былъ неумолимо веселъ, шутилъ, любезничалъ, не давалъ Юліи задуматься, не давалъ ей засмотрѣться на длинный рядъ саней, предшествовавшихъ нашимъ. . . Сначала она страдала, и покорялась, но

вскорѣ потеряла все терпѣніе. Женская досада возбудила, надоумила ее, вдохнула ей тѣ неисчетныя хитрости, которыми женщины такъ славно умѣютъ прикрывать свои настоящія чувства. Въ порывѣ отчаяннаго гнѣва, она рѣшилась не дать торжествовать моей ненависти, рѣшилась бороться со мною, играть на тонкость; она думала усыпить мой надзоръ, изобличить меня въ ложныхъ предположеніяхъ, и вдругъ принялась всѣмъ остроуміемъ своимъ оживлять нашъ разговоръ, стала мила, весела, развязна. Она принимала мои шутки, сама шутила, ласково и колко. Я понялъ ее, и притворился, будто принимаю все за правду, будто не сомнѣваюсь въ ея новой благосклонности. Я хотѣлъ убѣдить ее, что она кокетничала, хотѣлъ, чтобы она почитала себя виноватою предо мною, и завлеченный самъ, предавался безотчетно удовольствію ее слушать. Она была изумительна въ этотъ день, и болѣе чѣмъ когда нибудь понималъ я, что ея любовь могла-бы пересоздать меня и все бытіе мое. Это чувство не располагало меня благопріятнѣе къ Дольскому. Я вспоминалъ, что безъ него какъ отгадать, что бы могло случиться, если бы они никогда не свидѣлись, никогда не сошлись?

На горахъ, Юлія сначала отказалась послѣдовать общему примѣру рѣшимости дамъ. Онѣ болѣе приневолили ее, чѣмъ уговорили, скатиться по зеркальному льду. Раза два свезъ я ее

благополучно съ искуственной крутизны. Немного ободрившись, она согласилась на третье путешествіе въ легкихъ салазкахъ. Но лишь только мы стали спускаться, сильный порывъ сѣвернаго вѣтра разстроилъ эфирныя букли Юліи. Освободивъ бѣленькую ручьку изъ гласированной перчатки, Юлія поправляла свои волосы, нагнувши голову, когда пронзительные вопли со всѣхъ сторонъ заставили обоихъ насъ вздрогнуть. Я увидѣлъ, что какой-то неосторожный, бѣгомъ, поднимался на гору прямо на встрѣчу намъ. . . Остановить стремленіе салазокъ было невозможно — я обмеръ отъ страха за бѣгущаго, но, быстрѣе молніи, однимъ скачкомъ въ сторону, онъ очутился на боковой дорожкѣ, и сидѣлъ уже на перилахъ, прежде нежели могъ я разсмотрѣть и узнать его. Все это совершилось въ одно мгновеніе, менѣе чѣмъ въ секунду. Помню только, что изъ груди Юліи вырвался странный звукъ — не ропотъ, не крикъ — скорѣе стонъ, и этотъ стонъ назвалъ мнѣ того, кому грозила смерть! Когда мы съѣхали, Дольскій принималъ поздравленія за ловкость и присутствіе духа, которыми онъ спасъ себя, а Юлія лежала безъ памяти возлѣ меня. Ее окружили и унесли. Дамы приписали испугъ раздражительности нервовъ, и никому въ голову не пришло противорѣчить имъ другимъ заключеніемъ. Я нашелъ въ салазкахъ перчатку и платокъ, вѣроятно выпавшіе изъ руки, когда Юлія

лишалась чувствъ. Она явилась черезъ нѣсколько времени, но была такъ слаба, такъ разстроена, что немедленно уѣхала домой съ своимъ мужемъ. Какъ грустно кончился для нея день, которому мечты сулили быть такимъ благополучнымъ...

Послѣ роскошнаго обѣда и длиннаго концерта, все общество разъѣхалось. Насъ, молодыхъ людей, пригласилъ къ себѣ одинъ общій товарищъ, и мы цѣлымъ роемъ отправились погрѣться у него. Дольскій былъ съ нами.

Насъ было много; намъ было привольно и весело. Вечеръ прошелъ въ шумныхъ разговорахъ и непринужденномъ пированьѣ. Только двоимъ было не до разгулья. Дольскій безпокоился о здоровьѣ Юліи, а я негодовалъ на нее за участіе къ нему, на себя за впечатлѣнія, сохраненныя отъ утра, на него за всѣхъ и за все. Общее броженіе головъ и языковъ усиливало мое неудовольствіе. Я выжидалъ случая открыть ему просторъ. Какъ водится на братскихъ сборищахъ молодежи, разговоръ обратился на женщинъ, и каждый, какъ тоже водится между благородными людьми, каждый сталъ исповѣдывать громко и подробно свои удачи прошлой недѣли, свои надежды для слѣдующей. Какъ много именъ, облеченныхъ чистою непорочностью, выходитъ изъ такихъ бесѣдъ чернѣе грязи, въ которой ихъ попрали легкомысліе, неблагодарность и хвастовство этихъ флюгеровъ, которымъ женщины ввѣ-

ряются со всею неосторожностью любящихъ сердецъ! Въ этотъ разъ я молчалъ. Давно посвятивъ себя на мстительное лазутничество, давно занятый чужими тайнами, я запустилъ свои собственныя дѣла, и мнѣ нечего было пересказать... Моя необычайная скромность изумила собесѣдниковъ. Они приступили ко мнѣ съ вопросами, начали шутить, и—не знаю какой демонъ внушилъ мнѣ мысль: заодно спасти предъ друзьями моими молву непреодолимости, и нанести послѣдній ударъ предмету неугасимаго отвращенія! Я вспомнилъ платокъ, вспомнилъ перчатку, и они мигомъ полетѣли на столъ. »Вотъ вамъ и отвѣтъ и разсказъ мой. Смотрите!« То и другое схватили жадно; обѣ вещи пошли переходить около стола изъ рукъ въ руки. Перчатка первая пришла къ Дольскому. Я наблюдалъ. Онъ готовился было отдать ее безъ замѣчанія, какъ вдругъ, казалось, пораженъ былъ противовольнымъ любопытствомъ — ему бросился въ глаза оттискъ кольца, слишкомъ извѣстнаго, оставшійся на гибкой лайкѣ... Онъ пристально осмотрѣлъ перчатку, поднесъ ее къ лицу; я видѣлъ, какъ онъ узналъ ее по запаху любимыхъ духовъ Юліи, которыми перчатка напиталась на ея рукѣ. Дольскій вырвалъ платокъ у сосѣда, быстро отыскалъ мѣтку, и все лицо его взволновалось, когда онъ прочиталъ знакомыя буквы J. L., вышитыя по тонкому батисту, и окруженныя кабалистическимъ словомъ

Абракадабра, тоже вышитымъ крупными буквами... Юлія выбрала въ символы это Арабское слово, извѣстное въ лѣтописяхъ магіи, какъ сильный талисманъ. Написанное кругообразно, оно не имѣетъ ни начала, ни конца, и потому означаетъ *вѣчность*.

Блѣдный, какъ полотно, стиснувши зубы, Дольскій бросилъ на меня взоръ, который уничтожилъ бы меня своей выразительностью, если бы я не былъ укрѣпленъ ненавистью и завистью. »И такъ, Г-нъ Валевичъ, эти залоги говорятъ, что васъ должно поздравить съ новою побѣдою?« сказалъ онъ. Голосъ его былъ отголоскомъ ужасной бури. „Да,“ отвѣчалъ я, съ двусмысленной улыбкой, „но поздравляйте умѣренно — побѣда не много хлопотъ мнѣ стоила. Дама, подарившая меня этимъ на память, довольно нѣжна, и такъ легкомысленна, что уступки ей не въ диковинку. Но, только, право, она миленькое и пламенное существо, и стоитъ, чтобы осушить бокалъ въ честь ея плутовскихъ глазокъ!« Я выпилъ и предложилъ Дольскому выпить со мною. Онъ молчалъ. Онъ хотѣлъ отвратить всякое объясненіе, предосудительное для Юліи. Я продолжалъ: »Знаете-ли, что эта пріятельница моя долго кокетничала, долго ловила меня? Она влюблена въ меня по уши, но я былъ жестокъ. И какъ она мастерски притворяется! Какъ чинно морочитъ она добрыхъ людей! Глядя на нее, никто не по-

вѣрилъ-бы, что она сущая вертушка — посудите сами — я ее назову . .

Меня прервала чья-то рука, свинцомъ палящимъ упавшая мнѣ на плечо. Дольскій, весь трепещущій, съ сверкающими глазами, уже возлѣ меня. »Довольно« шепнулъ онъ мнѣ на ухо — »довольно. Если въ васъ есть еще хоть немного чести и совѣсти — замолчите! Не порочьте имени ангела, не оскверняйте языка вашего ложью! Да, слышите-ли, М. Г., ложью! ! Благодарите моей рукѣ, что она еще повинуется разсудку, а не мщенію! Берегу ее, не васъ. Завтра, чѣмъ свѣтъ, прошу васъ требовать удовлетворенія, должнаго вамъ за мои слова. Стрѣляться, рѣзаться — что хотите — я на все согласенъ — только скорѣе, скорѣе и безъ шуму!“ Его пальцы такъ крѣпко, такъ судорожно сжались около моего локтя, что я готовъ былъ кричать отъ боли. Не успѣлъ я произнести: »Да!« какъ онъ уже выбѣжалъ, пропалъ, исчезъ. Бѣдовая перчатка лежала у меня на колѣняхъ — платокъ онъ унесъ. Его любовь среди неистоваго гнѣва напомнила мнѣ, что должно спасти отъ клеветы всякое свидѣтельство противъ Юліи. Я оглянулся. Занятые своимъ веселымъ разговоромъ, оглушенные безумнымъ хохотомъ, собесѣдники наши не замѣчали ни волненія Дольскаго, ни его мгновеннаго разговора со мною, ни бѣгства его; они продолжали заба-

вляться, и уже забыли о моей хвастливой исповѣди.

Я оставилъ ихъ вскорѣ, увѣряя, что мы условились съ Дольскимъ ѣхать вмѣстѣ. Имъ некогда было разбирать правду моихъ словъ. Я спѣшилъ къ одному, не присутствовавшему тутъ другу, звать его въ секунданты . . .

На другой день мы встрѣтились. Я былъ еще подъ властью наканунныхъ впечатлѣній, подъ властью неудачнаго покушенія и тщетнаго совмѣстничества, слѣдственно, былъ ожесточенъ и встревоженъ. Дольскій, напротивъ, явился спокойный, рѣшительный. Онъ изумилъ меня хладнокровіемъ, съ которымъ входилъ во всѣ распоряженія, во всѣ подробности. Онъ отвелъ меня въ сторону. „Г-нъ Валевичъ! прежде зналъ я васъ за благороднаго человѣка, и надѣюсь, что вы почувствуете, какъ недостойно, какъ низко было-бы безъ нужды вмѣшать въ наше дѣло имя женщины, которую мы оба, которую всѣ, обязаны уважать, почитать и цѣнить такъ какъ она заслуживаетъ. Чѣмъ наша встрѣча ни кончится, объ *ней* упоминать не слѣдуетъ, и не зачѣмъ. Дайте мнѣ честное слово ваше, дайте мнѣ его!“ Я обѣщалъ. „Пойдемте-же теперь!“—И онъ возвратился къ свидѣтелямъ.

Насъ поставили. Шаги отмѣрены. Оружіе готово, курки взведены, выстрѣлы раздались — мы

оба были ранены слегка. »Еще — мы вѣдь не шутимъ!‘ сказалъ Дольскій.

Снова зарядили — снова знакъ, снова выстрѣлы... Чувствую пулю въ рукѣ, и вижу Дольскаго на землѣ, въ крови.

Въ одно мгновеніе, вся гнусность моего поступка, моего обмана, моего умышленнаго, постояннаго наступанья — весь ужасъ *убійства*, все предстало моей мысли. Досада, зависть, ненависть, самолюбіе, все сгинуло, все рушилось — жгучій укоръ, жестокое раскаяніе пронзили мою душу Совѣсть воскресла, застонала — она ропщетъ и теперь, теперь, когда девять лѣтъ прошли надъ роковымъ событіемъ...

Я вспомнилъ — зачѣмъ такъ поздно? — я вспомнилъ мои прежнія, заглушенныя чувства къ моей жертвѣ, вспомнилъ, какъ сердце мое открывалось для него — его молодость, его душа, качество дарованія все возстало вопія на убійцу, все, что небо вложило добраго въ него и въ меня, вооружилось на мою казнь, на мое вѣчное страданье!

Онъ еще дышалъ. Я подошелъ къ нему. Слова раскаянія жгли уста мои. Онъ взялъ меня за руку... Валевичъ! прощаю! прощаю все! Но, ради смерти, скажите: *то была клевета*? Я не сомнѣваюсь въ ней, но вы должны отречься — я хочу слышать отъ васъ — я купилъ теперь ея оправданье — скажите, она вѣрна, она чиста!...

И глаза его жадно смотрѣли на мои взоры. „Чиста, какъ душа твоя!“ вскричалъ я, не помня себя. Онъ хотѣлъ кинуться ко мнѣ на шею, и въ объятіяхъ моихъ испустилъ духъ. . .

Полковникъ остановился, закрылъ лицо руками, и отвернулся. Онъ плакалъ, какъ женщина. Нѣсколько разъ, во время разсказа своего, боролся онъ съ собственными чувствами, чтобы продолжать разсказъ, но при концѣ, голосъ его былъ едва внятенъ, и часто прерывался въ тяжелодышащей груди. Когда онъ умолкъ, то не имѣлъ уже силъ скрывать свои ощущенія, и скорбь его вырвалась на свободу. Всѣ слушатели хранили безмолвіе. Пылкій Савининъ, стыдившійся показать умиленіе, удерживая дыханіе, думалъ удержать слезы живѣйшаго участія и жалости. Нѣсколько минутъ прошло. Кто-то хотѣлъ встать. Полковникъ протянулъ руку. »Постойте — я еще не кончилъ. Вы слышали развязку, но мнѣ остается досказать вамъ послѣдствія, чтобы вы могли постигнуть — легко-ли моей душѣ“. . .

Онъ превозмогъ себя, и продолжалъ: „Меня привезли домой безъ чувствъ. Мнѣ вынули пулю изъ руки. Рана моя была неопасна, и скоро пришелъ я въ память. Тотчасъ пріѣхалъ свидѣтель Дольскаго, и отдалъ мнѣ письмо отъ него. Вотъ оно — съ тѣхъ поръ не покидало оно меня ни на мгновеніе! Возьми, Савининъ — прочитай его

— я усталъ, и не могу!" Савнинъ молча отказался отрицательнымъ движенiемъ головы. Полковникъ передалъ письмо Горскому, и тотъ прочиталъ его въ слухъ.

„Жаль мнѣ васъ, Валевичъ, видитъ Богъ — отъ души жаль. Судьба готовитъ вамъ нестерпимое раскаянiе. Въ васъ есть душа, въ васъ трепещутъ чувства, и вы поступили вопреки себѣ самому, но видно такъ суждено, видно такъ опредѣлено.

„Я васъ прощаю — прощаю, и здѣсь и на будущую жизнь; прощаю вамъ сердцемъ, и всѣми помыслами. . . .

„Вотъ, что я хотѣлъ сказать прежде всего, предвидя, что оно будетъ вамъ отрадно и дорого. Знайте, помните, повторяйте себѣ часто, что я васъ *простилъ*. Эта мысль пусть будетъ вашею опорою, вашимъ утѣшенiемъ!

„Валевичъ! открыть ли вамъ! Я знаю васъ коротко, я оцѣнилъ васъ безпристрастно, и видѣлъ, какъ вы различны отъ того, чѣмъ вы кажетесь, чѣмъ вы хотите себя показывать! Я могъ бы васъ любить, Валевичъ, васъ однихъ изъ среды всѣхъ вашихъ. И потому, на краю гроба, хочу примириться съ вами, быть вамъ извѣстнымъ до глубины моей души. Хочу, чтобы вы поняли

меня наконецъ, чтобы вы забыли ваши невыгодныя заключенія обо мнѣ, чтобы вы не чернили моей памяти тѣми подозрѣніями, которыя такъ долго дѣлали мнѣ адъ изъ моей жизни. Эти подозрѣнія, всѣ до одного угадалъ я; переносилъ ихъ, какъ жесточайшее испытаніе, могъ, но не долженъ былъ ихъ разрушать. Незаслуженное презрѣніе — адская сокрушительная тяжесть! Оно томило меня вживѣ — не возьму его съ собою за предѣлы гроба, чтобы оно не разрушило гробницы надо мной... Гробницы, говорю я, потому что знаю, твердо знаю, что буду убитъ вами завтра. Для меня нѣтъ удачи, или неудачи — мнѣ ужъ назначенъ мигъ судьбы моей, въ игрѣ на жизнь и смерть, намъ предстоящей. Случай ничего не можетъ для меня сдѣлать. Рокъ заранѣе бросилъ кости — вы будете только слѣпымъ орудіемъ его, Валевичъ, и потому, еще разъ прошу, не упрекайте себя никогда въ моей смерти. Мой жребій опредѣлилъ мнѣ погибнуть. Почему-же не подумать, не повѣрить обоимъ намъ, что вамъ опредѣлено меня сразить? Я вѣрю — а вы? Вы меня еще не понимаете, вамъ еще страненъ долженъ быть смыслъ моихъ рѣчей; но чтобы сдѣлаться понятнымъ, мнѣ должно начать издалека. Нынѣ въ послѣдній разъ, мнѣ надобно чужое терпѣніе — не откажите въ вашемъ моему разсказу!

„Прочитайте его, и вы можете потомъ ска-

зать вашимъ товарищамъ и друзьямъ, что презираемый ими Дольскій не былъ ни трусомъ, ни подлецомъ, какимъ многіе его считали. Вы будете моимъ третьимъ, моимъ добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, а первые два — Богъ и моя мать!

„У меня есть мать, Валевичъ, мать, въ которой моралистъ и христіанинъ равно признаютъ ту, кого они поставили-бы идеальнымъ примѣромъ всѣмъ другимъ матерямъ, мать, которой не отплатилъ бы я за любовь, пробывши цѣлую вѣчность въ благоговѣніи у ногъ ея — мать, которая явилась на земли, чтобы искупить своими материнскими чувствами, своими подвигами и совершенствами всѣ грѣхи другихъ матерей. Хотѣть описать вамъ ея попеченія безъ счета, ея неутомимую заботливость, ея самоотвергающую любовь, значило-бы начать съ минуты моего рожденія и продолжать до настоящей, приводя ежедневные, ежечасные примѣры. Быть можетъ, вы оцѣните ее, когда узнаете, какія жертвы могло ей приносить двадцати-лѣтнее сердце, бившееся сильными страстями, полное кипучею кровью....

„Оставшись сиротою въ малолѣтствѣ, обвѣнчавшись съ старикомъ, чтобы обезпечить себѣ кровъ, кусокъ хлѣба и честное имя, она не знала ни радостей, ни взаимности даже дружбы — она никого не любила, кромѣ меня: конечно, потому что небо хотѣло хоть единожды почти чу

домъ, сберечь въ цѣлости всегда расточаемое сокровище женскаго сердца, чтобы посмотрѣть, какая мать выйдетъ изъ этой женщины съ необновленными чувствами, съ душою, непочатою иной любовью. Другія познаютъ нѣжность материнскую послѣ страстей и пламеннѣе и сильнѣе, а можно ли сосредоточить сердце въ чувствѣ спокойномъ и безкорыстномъ, когда оно уже перегорѣло въ чувствахъ огненныхъ и мятежныхъ, въ себялюбивомъ счастіи страстной взаимности? Велите-ли бурному водопаду задремать тихимъ озеромъ? И потому, перелюбивши *многое* и *многихъ*, пылкія чувствительныя женщины рѣдко бываютъ хорошими, нѣжными матерями. Ихъ душа обѣднѣла, ихъ сердце излюбилось. Чадолюбива лишь та, которая приноситъ къ семейственному очагу душу свѣжую и юную, сердце чистое и свѣтлое. Правда есть еще женщины, способныя страстно, единственно и всею душею возлюбить своего младенца: это тѣ, которыя не были счастливы въ другихъ привязанностяхъ, сочувствіе которыхъ осмѣяно, кому дружба измѣнила, кто въ любви нашелъ одну блестящую ложь, одно краткое заблужденіе, одно требованіе безъ отвѣта. Но въ материнской, *послѣдней* любви ихъ, есть отголосокъ отчаянія, есть тайная пеня и вѣчный страхъ. Прижимая младенца къ груди, онѣ говорятъ: „Не обмани! все другое меня обмануло!“ Нѣтъ, не такъ любила меня мать, не это могла

говорить та, чье сердце миновали бури и пламя страстей, кому моя первая улыбка принесла первое волненіе радости. Моя мать вѣдала только одно призваніе въ здѣшнемъ мірѣ — за то, какъ исполнила она его...

„Я былъ четвертый ребенокъ у моихъ родителей; трое, прежде рожденныхъ, не дождались окончанія перваго года своего, а потому и меня взростили при неизмѣнной боязни потерять. Отца не помню я вовсе. Онъ кончилъ вѣкъ свой, когда я былъ еще у кормилицы, то есть, когда мать моя еще кормила меня, ибо она сама исполнила первый долгъ матери, и не уступила своихъ правъ чужой. Въ послѣдствіи, когда я пришелъ въ возрастъ, и долженъ былъ получить образованіе, я не имѣлъ никакого учителя, кромѣ моей матери. Она пріобрѣла всѣ познанія, всѣ свѣдѣнія, необходимыя воспитателю, она предалась изученію всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ юношеству, и всегда наканунѣ сама вытверживала урокъ, который объясняла мнѣ на слѣдующій день. До опредѣленія моего въ университетъ, она одна была мнѣ наставникомъ, была моимъ профессоромъ. Ея женское сердце успѣло пріучить умъ ея къ строгой, сухой отвлеченности высшихъ знаній и наукъ. Она сдѣлалась ученою по чадолюбію.

„Когда я былъ на десятомъ году моемъ, у насъ въ домѣ случилось происшествіе, малозна-

чащее въ сущности, но имѣвшее, съ той поры до нынѣшней, неограниченное вліяніе на всѣ дни моей жизни.

„Мы жили обыкновенно въ подмосковной, и лѣтомъ и зимою. Мать моя не ѣздила въ Москву, не имѣя знакомства тамъ, ни желанія быть въ свѣтѣ, котораго она никогда не видала, и посвятивъ совершенно всю свою молодость одному мнѣ. Дыша свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, и лелѣемый привольемъ деревенскимъ, я былъ силенъ, рѣзовъ и смѣлъ. Меня не стѣсняли робкія привычки и уставы, какимъ съ колыбели подчиняютъ другихъ дѣтей. И потому, началъ я мыслить, вопрошать и помнить гораздо ранѣе обыкновеннаго. Мать не принуждала меня, не вырабатывала моего нрава: она только помогала ему развиваться, совершенствовала его кроткимъ руководствомъ своимъ. Я весь былъ отвѣтомъ ея душѣ, ея сердцу.

„Однажды, на святкахъ, дряхлая нищая, шедшая большею дорогою, подошла къ окну просить милостыни. Подаянія и гостепріимство были святы въ нашемъ домѣ; ее приняли, ее наградили. Она разсказала слугамъ, что она Цыганка, и слѣдственно ворожитъ мастерски. Обрадованныя горничныя, поочередно, прибѣгали къ ея искуству, и каждая прикрашивала потомъ чудеса, разсказываемыя предъидущею о старой колдуньѣ. Все это слышалъ я только мелькомъ, потому, что ме-

ня никогда не пускали ни въ дѣвичью, ни въ переднія, и мнѣ возбранены были всякіе разговоры съ прислугой. На этотъ разъ, я ловилъ всѣ ихъ толки, былъ пораженъ новымъ явленіемъ Восточнаго лица и полудикаго наряда Цыганки.

„Она мнѣ казалась чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ, и я не безъ удовольствія узналъ, что ей позволили переночевать у насъ. Я услышалъ также, что вечеромъ она должна совершить главное гаданье — смотрѣть въ зеркало. — Смотрѣть въ зеркало — что это значитъ? думалъ я, смотрѣвшій во всѣ зеркала и невидавшій ничего особеннаго, ни въ нихъ, ни на нихъ. Цѣлый день былъ я занятъ рѣшеніемъ этой загадки, и всѣмъ тѣмъ, что было не понятно для меня въ слухахъ о нашей гостьѣ. Вечеромъ, когда мать заготовляла наши уроки, я тайкомъ ушелъ изъ гостиной, и отправился въ запретную дѣвичью.

„Мое дѣтское воображеніе изумилось и взволновалось при входѣ туда: одинъ видъ комнаты, вовсе мнѣ незнакомой, былъ достаточенъ для того, чтобы произвесть впечатлѣніе, но еще болѣе удивился я всѣмъ волшебнымъ запасамъ, которыми она была полна. Эти два зеркала, одно противъ другаго, эти двѣ свѣчи на столѣ, которыя отражались въ зеркалахъ до безконечности, рисуя блестящія, магическія перспективы свѣчь и рамъ, постепенно уменьшающихся, необрѣзныя глыбы топленаго воска и олова, разметанныя по

всѣмъ угламъ, и сверхъ всего Цыганка, Цыганка съ сѣдыми, распущенными волосами, сидящая у стола — все это обдало меня какимъ-то страхомъ, какимъ-то волненіемъ, дотолѣ мнѣ неизвѣстными, но не безъ сладости. Мысль о судьбѣ, о будущности, не ясно мелькнула въ умѣ моемъ; впервые захотѣлъ я узнать, что могло быть послѣ завтрашнаго дня. —,,Погадай мнѣ, Цыганка — я дамъ тебѣ вотъ это!« и я показалъ серебряную пряжку, удерживающую на мнѣ широкій поясъ моего дѣтскаго наряда. И теперь помню, какъ чудно засверкали впалые глаза старухи, какъ алчно сухія, черныя руки протянулись къ блестящему металлу. Она согласилась, сѣла предъ зеркаломъ, выслала всѣхъ вонъ, и мы остались вдвоемъ — мы, непонимающіе своего счастья, которое ввѣрялось корыстью нищеты безвластной ничтожности, невѣдомо себѣ рѣшавшей въ этотъ урочный часъ участь чужой жизни, одаренной всѣми благами земными, но испорченной и осужденной съ того часа, съ того мгновенія. . .

,,Цыганка вперила глаза въ зеркало, приказывая мнѣ молчать и не шевелиться.

,,Я сталъ за нею какъ вкопаный, сложа руки, удерживая дыханіе, испытывая въ первый разъ въ жизни всѣ муки неизвѣстности, всѣ прелести запрещеннаго наслажденія.

,,Не знаю долго-ли продолжалось это положеніе; напряженіе всѣхъ силъ и всѣхъ чувствъ

моихъ скоро лишало меня и тѣхъ и другихъ. Я былъ уже какъ сонный, когда легкій шорохъ заставилъ меня встрепенуться. Матушка вошла съ строгимъ лицомъ. Я понялъ опасность, близость упрека, который былъ мнѣ больнѣе всѣхъ наказаній, и какъ будто присутствіе ворожеи моей сообщило мнѣ хитрость ея единоплеменцевъ, я преклонилъ колѣно, послалъ матушкѣ умоляющій взоръ, и показалъ на зеркало, прошептавъ: „Чудесно!" Матушка хотѣла увести меня, но въ этотъ мигъ чутье женщины заговорило неодолимо; любопытство взяло верхъ надъ осторожностью и разсудкомъ; она подошла, изъ за плеча Цыганки бросила взоръ въ роковое зеркало.... удивленіе изобразилось во всей особѣ ея — она осталась и смотрѣла... Вдругъ двойной вопль раздался въ комнатѣ, и я увидѣлъ матушку на полу. Ее вынесли безъ чувствъ — я побѣжалъ за нею. Цыганку оставили одну, но когда потомъ вспомнили объ ней, ея нигдѣ не отыскали, и никто не могъ сказать, куда она дѣвалась.

„Матушка опомнилась, но только для того, чтобы тотчасъ впасть въ нервическую горячку, подвергшую ее продолжительной опасности. Меня хотѣли удалить, но моленіями и слезами купилъ я себѣ право не покидать больной, и всѣ дни ея недуга провелъ подлѣ нея, сидя у ногъ ея на скамейкѣ. Она безпрестанно бредила, и все

обо мнѣ. „Отнимите пистолетъ у Алеши! Не пускайте Алешу на дуэль! Не давайте имъ убить Алеши!“... Вотъ что слышалъ я ежеминутно отъ матушки, во все время трехъ-недѣльнаго ея безпамятства.

„Богъ оставилъ ее мнѣ, и когда она выздоровѣла, никогда не отвѣчала она на частые вопросы мои о зеркалѣ, Цыганкѣ, причинѣ ея крика и ея обморока. Нашъ бытъ пошелъ прежнимъ чередомъ, только мало по малу, одна за другою, всѣ военныя игрушки, мои любимыя, стали исчезать изъ дѣтской; пропало ружье, потомъ пропала сабля, потомъ пропалъ мой драгоцѣнный киверъ, и наконецъ, сама невинная ташка моя, такъ завидно вышитая золотомъ руками матушки! Ни жалобы, ни просьбы мои, не выманили возобновленія моего арсенала. Еще произошло нѣсколько перемѣнъ въ порядкѣ моихъ уроковъ: меня меньше занимали математикою, и старались внушить мнѣ охоту къ изученію иностранныхъ языковъ и словестностей. Только позднѣе, гораздо позднѣе понялъ я эти всѣ подробности материнской дальновидности.

„Спустя нѣсколько лѣтъ, мы переѣхали въ Москву: мнѣ надлежало окончить мое воспитаніе. Я сталъ посѣщать лекціи университета, и потомъ поступилъ въ студенты.

„Когда упоминалъ я о будущей моей службѣ, матушка всегда говорила мнѣ объ иностранной коллегіи, о министерствахъ, о камеръ-юн

керствѣ, а я перебивалъ рѣчь ея распросами о разныхъ мундирахъ гвардіи, и прошеніемъ о позволеніи мнѣ посѣщать манежъ и школы фехтованья. У матушки на эти просьбы былъ одинъ отвѣтъ: „Она имѣла причины не желать, чтобы я былъ военнымъ, и надѣялась, что я не пойду ей наперекоръ.“ Къ тому-жъ, она обыкновенно перерывала всѣ подобные разговоры. А между тѣмъ, задушевныя мечты мои упорно блестѣли богатыми эполетами, приманчиво звенѣли гремящими шпорами, и часто во снѣ видалъ я себя на запретномъ полѣ шумной битвы, куда наяву меня не допускали. Наконецъ, послѣдній экзаменъ мой приближался; слѣдовало рѣшить мою участъ, и мы съ матушкой все еще не были согласны. Прекословіе пламеннымъ желаніямъ такъ огорчило меня, что я наконецъ занемогъ, и раздраженіе умственныхъ силъ, ежеминутно усиливаясь, ввергло меня въ большую опасность. Не опишу вамъ отчаянія матушки, ея попеченій, ея безпокойства — вамъ можно вообразить ихъ. Врачи объявили ей страшный приговоръ: они грозили чахоткою, если скоро нельзя будетъ помочь сердечной горести моей, какъ они единогласно называли болѣзнь, меня угнетавшую. Матушка, въ ужасѣ, осыпала меня вопросами, и я долженъ былъ признаться. Она была поражена, много плакала, много думала, и сама открыла мнѣ свою тайну. Она противилась моему призва-

нію, потому что бѣдовое зеркало Цыганки показало ей меня погибающимъ отъ пули, и потому что вторичное гаданье обо мнѣ предрекло мнѣ смерть на поединкѣ. . . Матушка, со всѣмъ благочестіемъ своимъ, съ рѣдкимъ образованіемъ и свѣтлымъ разумомъ, не могла отвергнуть суевѣрнаго страха, томившаго ей душу съ той поры, и она увѣряла меня, что не разъ мрачныя предчувствія подтверждали ея загадочное видѣніе.

„Я употребилъ всѣ способы разувѣрить, успокоить ее; она казалась уступчивѣе, но не была убѣждена; дала наконецъ свое согласіе, но въ замѣну того взяла съ меня клятву — помните Валевичъ, страшную клятву, что *никогда не буду я драться на поединкѣ*. Сраженіе ея не пугало: она вѣрила, что Провидѣніе не захочетъ отнять у нея единственной любви ея жизни, тамъ, гдѣ жребій можетъ выбирать свои жертвы между тысячами; она боялась только этихъ кровавыхъ лоттерей, коими кичливость наша искушаетъ власть небесную. На крестѣ, надѣтомъ на меня при купѣли, я произнесъ матери торжественный обѣтъ, ею требуемый.

„Выздоровленіе мое вскорѣ заплатило ей за жертву всѣхъ ея опасеній; я возвратился къ жизни, съ сердцемъ налегкѣ, съ душою, полною отваги и смѣлости, и былъ вполнѣ счастливъ до самаго дня моего отъѣзда. Но, прощаясь съ бѣдною матерью, съ этимъ единственнымъ другомъ

моего дѣтства, я отдалъ искреннюю дань скорби и сожалѣнія ей и всему, что оставлялъ за собою въ родительскомъ домѣ. Другіе, уѣзжая на службу, переступаютъ за очеркъ тяжелаго повиновенія и продолжительнаго рабства, освобождаются отъ ига взыскательной семьи, рвутся на давно желанный просторъ, и кто не пойметъ, что слеза сыновней любви легко можетъ уступить въ сердцѣ ихъ первой улыбкѣ самобытности, первому жадному вдыханію вольнаго воздуха? Мой удѣлъ не походилъ на долю прочихъ. Никогда не былъ я стѣсненъ, ни строгостью, ни себялюбіемъ старшихъ; въ домѣ матери моей ни одна непріятность не пала на меня съ ея участіемъ; я шагнулъ за порогъ роднаго крова съ неподдѣльною горестію, съ слезами глубокаго, живаго чувства. Миръ и радость родителямъ, которые заслужили благодарность и довѣріе своихъ дѣтей! Они одни въ правѣ ожидать отъ сына сожалѣнія, когда онъ отрываетъ отъ ихъ осѣдлой жизни свою кипучую молодую судьбу...

„Напутныя слова матери были благословеніемъ, и мольба—быть осторожнымъ, беречь себя для нея. Узнаетъ ли она, чего мнѣ стоило соблюденіе ея заповѣди!

„Золотыя мечты мои о военной жизни скоро разсыпались передъ тусклою существенностью. Валевичъ! это не укоръ, но я долженъ признаться, что *вы* и *товарищи ваши* наперерывъ стара-

лись разочаровать меня, бѣднаго неопытнаго нововерца. Съ первыхъ дней моего искуса, я узналъ свои заблужденія, измѣрилъ паденіе игривыхъ мечтаній, меня завербовавшихъ. Безумный! я задумалъ о рыцарствѣ, а ударился лбомъ объ ваши сердца! Я ожидалъ радушнаго собратства и теплыхъ рукожатій, а нашелъ ложное товарищество, съ тайнымъ недоброжелательствомъ, съ чиннымъ равнодушіемъ, подъ личиной свѣтской развязанности. Холодный разборъ, которому подвергли меня съ первой минуты знакомства, смутилъ и облилъ холодомъ мою пылкую откровенность. Взоры, окинувшіе меня со всѣхъ сторонъ, были такъ горды, такъ насмѣшливы, такъ наступательны, что я оробѣлъ предъ ними, я, привыкшій видѣть себя предметомъ любви, вниманія, одобрѣній своихъ домашнихъ. Тщетно высматривалъ я привѣта въ глазахъ кого нибудь изъ васъ. Я страдалъ въ душѣ, понявши свое одиночество, но скоро понялъ еще болѣе, понялъ, что мнѣ необходимо было тщательно скрывать отъ васъ подлиннаго *себя*, если не хочу пасть добычею вашихъ колкостей, если не хочу стать посмѣшищемъ вашего злорѣчія. Усиліе было велико, но я побѣдилъ себя, заточилъ въ недосягаемую глубь сердца все свѣтлое, все пріязненное, все довѣрчивое моего нрава; я облекся корою недоступности, чтобы спасти *себя* отъ *васъ*, и не измѣнить самому себѣ подъ властью примѣра и завлекающихъ обычаевъ.

„Я вамъ не нравился, — говорю *вамъ*, то есть, всему обществу вашему. Не ищите язвительной личности въ моихъ словахъ — я помирился съ вами теперь чистосердечно. Я вамъ не нравился, и могло-ли быть иначе? Воспитанный женщиною, и напитавшійся около нея этой нѣжности, этой мягкости обращенія, которая вмѣняется въ недостатокъ мужчинѣ, невидавшій свѣта, жившій дотолѣ съ матерью, съ любимыми книгами и дѣвственными мечтами, я былъ страненъ, неловокъ и дикъ на похмѣльныхъ и шумныхъ бесѣдахъ вашихъ. Въ глазахъ вашихъ у меня былъ непростительный порокъ: я судилъ, чувствовалъ и мыслилъ своеобразно. И вы *осудили* меня въ одинъ голосъ, и я сталъ между вами отверженцемъ, Паріею, чѣмъ-то въ родѣ этихъ опальныхъ, которыхъ встарину, объявляли на ряду съ птицами небесными, вольною цѣлью стрѣлка. Только вы сначала не жизни моей хотѣли, не чести, а самолюбія и покоя моего; только вы меня оскорбляли не довольно явно, не такъ, чтобы я могъ требовать мщенія, но довольно ощутительно для того, чтобы возбудить во мнѣ все бѣшенство непризнаннаго человѣка.

„И такъ, первый сонъ моей жизни измѣнилъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ, и ремесло оружія было для меня разочаровано. Но молодость упряма и настойчива; она не вдругъ отвыкаетъ отъ любимой думы, и когда мнѣ пришлось ска-

зать *прости* веселой чредѣ моего званія, я перенесъ всѣ надежды, всѣ порывы на чреду строгихъ обязанностей, войны и славы; я утѣшился мыслью, что поле брани когда нибудь откроется моей пламенной отвагѣ; я посвятилъ честолюбію и удальству пристрастіе, обманутое днями міра. Я сказалъ себѣ: *дойду*! — и теплая вѣра въ себя самого обѣщала мнѣ, что подвиги и храбрость изобличатъ несправедливость сослуживцевъ, и водворятъ меня съ честью въ ихъ рядахъ.

„Я узналъ васъ, Валевичъ, и съ первой минуты нашего знакомства вы внушили мнѣ непонятное чувство. Теперь я называю его *предчувствіемъ*, но тогда оно было безотчетно для моего разсудка. Не знаю, съ какой цѣлью, но вы обошлись со мной совсѣмъ не такъ, какъ другіе, какъ друзья ваши, и мнѣ пріятна была ласковость вашего пріема. Умъ, образованность, пріязненность, все въ васъ привлекало меня — я чувствовалъ желаніе сблизиться съ вами, готовность просить дружбы у вашего сердца. Но въ то же время, что то вдругъ отталкивало меня отъ васъ, и мнѣ становилось душно и тоскливо при васъ. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «Этотъ человѣкъ тебя погубитъ! . . .“

„Вскорѣ вы перемѣнились ко мнѣ. Это меня удивило столько же, сколько ваше недолгое недоброжелательство, и я не понялъ ни того, ни другаго. Но когда, вмѣсто прежней привѣтливо-

сти, я встрѣтилъ вашу холодную улыбку, эту улыбку, которая вмѣщала въ себѣ бездны ироніи и отдаленія, мнѣ стало легче и свободнѣе; я радовался, что былъ избавленъ отъ признательности къ вамъ; я былъ согласнѣе съ самимъ собою, съ тѣхъ поръ, какъ не видя себя обязаннымъ васъ любить, я могъ—бояться васъ, сколько мнѣ угодно.

„Между тѣмъ, каждый день, каждый часъ моей необновленной жизни приносилъ мнѣ испытаніе и искушеніе, подвергалъ меня, или невыразимой пыткѣ — подавлять оскорбленное самолюбіе, или горькой крайности невольно нарушить святую клятву. Я не могъ показаться среди товарищей, не бывши осыпанъ непріятностями всякаго рода. То на меня бросали взоры, за которые все сердце рвалось поплатиться мщеніемъ и обидой. То до ушей моихъ доходили рѣчи, которыя всю кровь мою зажигали во мнѣ. И болѣе всего язвила меня эта жалостная, насмѣшливая снисходительность, которую иные вздумали оказывать мнѣ, какъ безсловесной, беззащитной жертвѣ, видя мое чудесное незлобіе. О Боже! Если бы они могли разгадать это *мнимое незлобіе*, если бы имъ можно было взвѣсить, какою тяжестью оно лежало на борющейся съ собою душѣ! Если бы я могъ сказать имъ мою мучительную тайну.... Нѣтъ, нѣтъ! Эти люди легкомысленны, вѣтренны, безучастны, но они не вовсе испорче-

ны; — имъ понятны еще и чувство чести, и самопожертвованіе; они устыдились бы пытки, такъ жестоко совершаемой ими надъ человѣкомъ, обезоруженнымъ невозвратнымъ словомъ; надъ человѣкомъ, скованнымъ примѣрнымъ, единственнымъ жребіемъ! И что я вытерпѣлъ, какъ я страдалъ, какъ сѣдѣла моя душа въ этомъ ужасномъ бою съ самимъ собою! Съ какимъ содроганіемъ гнѣва хваталась иногда рука моя за нетерпѣливую саблю! Съ какимъ воплемъ изступленія слово смерти стократно прилетало на трепетный языкъ? Но образъ матери становился между мною и врагами — я все переносилъ — я молчалъ! Ваши товарищи, вы сами, всѣ презирали, всѣ хулили меня, всѣ почитали меня малодушнымъ .... Адъ и смерть! Гдѣ же взялъ я силу и волю пережить эту мысль? Въ неизсякаемой благодарности къ несравненной матери!

„Да! для нея побѣдилъ я себя и васъ, и пребылъ твердъ несчастному обѣту. Это было первою моей жертвою — я убилъ свое самолюбіе, позволилъ запятнать свою честь...

„Я разстался съ вашимъ обществомъ, и бросился въ тревоги свѣта, чтобы разсѣять убитый умъ, чтобы освѣжить воображеніе, омраченное вседневными тучами. Я приказалъ себѣ быть глухимъ и слѣпымъ для нападеній и преслѣдователей, и вскорѣ новизна и разнообразіе моего

шумнаго быта заглушили во мнѣ полковыя воспоминанія. Алчно пилъ я изъ позлащенной чаши пировъ, пламенно наслаждался ихъ блескомъ, ихъ удовольствіями, ихъ кипящимъ обаяніемъ, и, признаюсь, на краю гроба, признаюсь — да! я благодаренъ свѣту, я любилъ свѣтъ, я былъ счастливъ и доволенъ его угощеніемъ! Не мнѣ было судить, обманчивъ-ли пріемъ толпы, измѣнчиво-ли ея радушіе; не мнѣ доискиваться, что таится подъ ея праздничными розами, подъ ея сообщительнымъ весельемъ! Мнѣ достаточно было безотчетно наслаждаться. Я не имѣлъ ни нужды, ни охоты отуманивать себя напрасно печальною наукою строгаго разбора, этою отрадой старожиловъ. Потому прощаюсь я съ свѣтомъ, какъ съ пріятелемъ, безъ клеветы, безъ укоризнъ; покидаю его, не какъ взыскательный странникъ, всему бросившій свой надменный приговоръ, все видѣвшій сквозь отливъ собственной хандры, но какъ очарованный гость, твердящій на порогѣ радостные мотивы бальной музыки. Пусть черная фата отчаянія и безцвѣтный покровъ пресыщенія служитъ подкладкою розовой одеждѣ шумнаго свѣта, его роскоши и пировъ! Не подъ моей рукою распадется эта свѣтлая одежда;—нѣтъ, она переживетъ меня долго, и—хоть она непрочна, но я еще непрочнѣе ея, еще скорѣе увяну, истлѣю. Вскорѣ мое веселье смѣнилось счастіемъ, моя суета обратилась въ

жизнь, и безсмысленный блескъ роскошныхъ освѣщеній сталъ скуденъ и теменъ передъ лучезарнымъ явленіемъ, пролившимъ въ мою душу теплоту, сіяніе и чувство Я узналъ благо возвышеннѣе и дороже безпричинной свѣтской радости; я испыталъ волненіе страсти и прелесть первыхъ тревогъ любви — встрѣтилъ, узналъ ее... вы знаете *кого*, и вторично понялъ я, что если небо хочетъ показать человѣку всѣ восторги своего рая, оно посылаетъ ему женщину съ любящимъ сердцемъ. Да, послѣ безпредѣльной нѣжности моей матери, всякая привязанность женщины показалась бы мнѣ слабою и недостаточною, если бы я не нашелъ именно той, которая любила съ такимъ же самозабвеніемъ, но еще пламеннѣе, еще живѣе. Вамъ ли могу я передать всю повѣсть моей страсти; вамъ-ли, не вѣрующему ни въ женщинъ, ни въ любовь? Вамъ-ли, слѣпорожденному, опишу я солнце небесъ и радугу Божію? Скажу вамъ только, что если избытокъ чувствъ не разорвалъ моего сердца, то это единственно потому, что судьба берегла меня, зная, что этому сердцу и такъ уже не долго биться жизнью!...

„Мое счастіе затмилось съ того дня, когда вы его *отгадали*, съ того часа, когда недобровѣщій взоръ вашъ сглазилъ его. Я встрѣтилъ васъ на пути моемъ, какъ духа злобы, какъ гонителя,

прикованнаго къ стопамъ моимъ, и вашимъ бѣдовымъ вліяніемъ на сдвойнившуюся участь нашу обьяснилось мнѣ то странное чувство, которое при первой встрѣчѣ предостерегало меня отъ васъ. Дайте сказать вамъ, что поведеніе ваше противъ насъ было недостойно благороднаго человѣка, и спросите потомъ у собственнаго правосудія, не подтвердитъ ли оно моего упрека. Если бы вы точно *любили* ее, любили ту, которую вы преслѣдовали такъ упорно, я понялъ-бы васъ, и, ревнуя, былъ-бы долженъ уважать въ васъ чувство и выборъ, общіе намъ обоимъ. Но какъ далеки были вы отъ святой страсти, когда безъ жалости и безъ совѣсти играли спокойствіемъ и гордостью достойнѣйшей изъ всѣхъ женщинъ! Сначала я не проникнулъ въ мысли ваши, не отгадалъ васъ — безумецъ! я доставилъ вамъ восхитительное наслажденіе, обнаруживъ предъ вашею врачебною зоркостью всѣ страданія, всѣ мученія моей ревности . . . . Нѣсколько дней я почиталъ васъ предпочитаемымъ, нѣсколько дней удавалось вамъ терзать меня убійственными сомнѣніями. Теперь еще, въ этотъ предсмертный часъ, при воспоминаніи объ этихъ черныхъ дняхъ, все сердце мое вздрагиваетъ бѣшенымъ волненіемъ. Минутная недовѣрчивость была единственною моей виною противъ нее. Сердце мое не помнитъ, чтобы я чѣмъ нибудь другимъ оскорбилъ ее, и, благодаря нашей взаим-

ной искренности, я не долго грѣшилъ даже и своими подозрѣніями.

«Но страданіе не кончилось съ сомнѣніемъ. Вы умѣли изобрѣсти терзанія иначе, и я не стану пересказывать вамъ всего, что чувствовалъ я, когда изъ неудачнаго поклонника, вдругъ сдѣлались вы обвинителемъ и судьбою отвергнувшей васъ. Увѣренъ, что вы умѣли читать въ душѣ моей, что ни одна минута досадъ моихъ не ушла отъ вашего вниманія. Все ясно было, къ чему клонилось ваше намѣреніе; я видѣлъ, что мое счастіе вамъ кололо глаза, что вы хотѣли разрознить насъ страхомъ, когда исканія ваши остались безъ успѣха, что главною цѣлью вашею было — задѣть мое сердце, такъ больно, чтобы вырвать у меня слово мести и знакъ гнѣва. Вы помните мое нѣмое терпѣніе; помните, какъ я переносилъ всѣ испытанія, какими вашей прихоти угодно было томить меня? Да, вы часто должны были въ душѣ вашей смѣяться надо мною, надъ тѣмъ, что вамъ казалось недостойнымъ малодушіемъ! Валевичъ! безпрекословно давалъ я вамъ язвить колкими навѣтами женщину, которую долженъ былъ защищать и беречь, подвергая за нее опасности тысячу жизней. Я дозволилъ вамъ отнимать у меня всѣ радости ея присутствія, похищать передъ свѣтомъ всѣ признаки ея благосклонности, и — несчастная клятва моя не была нарушена! Второю моею жертвою сыновнему

долгу были ревность, любовь и счастіе, закланныя желѣзной волею, въ тиши измученнаго сердца.

«Но судьбы не обойдешъ! Не миновать ея, когда непреклонное предопредѣленіе вписало свой приговоръ на скрижаляхъ рока. Она рѣшила, и какъ вѣрныя струны, слишкомъ долго натягиваемыя неискусною рукою, всѣ усилія мои, вся власть моя надъ собою сокрушились вчера передъ словами вашими! Вы превозмогли. Послѣднее испытаніе истощило мои силы — буря вырвалась на просторъ, изъ глубины кипящей души. Видѣть позоръ, позоръ незаслуженный, угрожающій боготворимому предмету всѣхъ поклоненій, всего благовѣйнаго пристрастія своего, видѣть женщину, для служенія которой не находимъ довольно чистоты въ сердцѣ, довольно восторговъ души въ чистѣйшихъ и восторженнѣйшихъ порывахъ дѣвственнаго бытія, видѣтъ ее униженною дерзкой клеветой, охуленною безстыднымъ хвастовствомъ легкомысленнаго злословія? — Вотъ чего немогъ я перенесть, вотъ что заставило меня забыть мою мать, и мое слово, и цѣлый міръ! Я видѣлъ, чье имя готово было сорваться съ языка вашего, чье имя было-бы предано неизгладимому запятнанію — изступленіе одолѣло меня, мнѣ едва осталось столько присутствія духа, чтобы образумить васъ, не измѣняя себѣ, и только одна мысль уцѣлѣла въ помраченномъ разсудкѣ. Я вспом-

нилъ, что защитить *ее* въ этотъ мигъ было бы убить ее непремѣнно . . . вы знаете остальное. . .

«И теперь я не раскаиваюсь въ моемъ вызовѣ, не раскаиваюсь въ нарушеніи клятвы, столь долго завѣтной, хотя знаю, какъ много слезъ буду я стоить бѣдной матери . . . Меня успокоиваетъ твердая увѣренность, что ея страданіе не продлится — она меня не переживетъ. . . . Думаю, что безукоризненно исполнилъ я долгъ свой противъ перваго друга моей жизни; — мнѣ оставался долгъ противъ иной — и его надлежало исполнить. Я счастливъ мыслью, что погибну за боготворимое существо. Съ невыразимою гордостью чувствую, что смертію моею выкуплю я ее отъ поношенія. Эти двѣ женщины, мать и милая, раздѣляли между собою всѣ помыслы, всѣ чувства мои — ихъ однѣхъ успѣлъ я узнать и любить въ мірѣ. Но какъ различно могъ я доказать имъ мою любовь! . . Одна требовала моей жизни, а для спокойствія, для чести другой смерть моя необходима. Да! я убѣжденъ въ этой печальной истинѣ — *ей* безъ меня будетъ лучше, безопаснѣе. Живой, я могъ излишнею пылкостью подвергнуть ее величайшимъ огорченіямъ, могъ разстроить навѣки всю участь ея. Наша тайна, рано или поздно, должна была открыться, и диво даже, что она до сихъ поръ сохранялась невредима. Какъ, любить и быть любимымъ такъ страстно, живучи среди свѣта, привыкшаго требовать

отъ каждаго строгаго отчета въ малѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ его мнѣніяхъ и дѣяніяхъ? И я, я могъ-бы привлечь сокрушительную грозу на ея возлюбленную невинную голову, могъ быть виною ея неисцѣлимыхъ скорбей, зрителемъ невозвратимой гибели ея существованія, домашняго и общественнаго, и, уничтоженная, попранная, въ прахѣ, въ пыли, она должна-бы видѣть во мнѣ ужъ не блаженство, а злополучіе свое.... О, нѣтъ, нѣтъ! Стократъ лучше умереть въ утѣшительной вѣрѣ, что я спасаю ее отъ людей и отъ себя, отъ вражды и любви, — умереть съ мыслью, что я схороню въ моемъ тѣсномъ гробѣ единственный укоръ ея чистой жизни! Усопшій, больше буду съ нею, нежели теперь: воспоминаніе и поминовеніе обо мнѣ не опасны, не грѣшны, и строгій долгъ не станетъ болѣе между ею и мною. . . . Валевичъ! вы не измѣните намъ; вы не предадите судилищу злорѣчія и предразсудковъ нашу любовь, глубокую, истинную, задушевную! Вы поймете насъ, вы будете вѣрнымъ и безмолвнымъ наперсникомъ моей могилы! Полагаюсь на васъ, на честь, и раскаяніе ваше. Вы почитали себя въ правѣ ненавидѣть ту, которая васъ отринула. Вы были въ заблужденіи; но какъ бы то ни было, моя тѣнь примиритъ васъ съ нею, моя кровь измѣнитъ взаимныя отношенія, и не вы будете обиженнымъ! Она сдѣлается предметомъ вашего состраданія,

вашей жалости. Валевичъ, поручаю, завѣщеваю ее вамъ; *ее*, причину нашей распри — *вамъ*, несчастному побѣдителю! Вотъ вамъ *послѣдняя* моя воля, залогъ мира между нами. Берегите ее, защитите ее отъ клеветы, если будетъ нужно, отдалите отъ нея все, похожее на подозрѣніе, и чтобы никогда, нигдѣ, уста ваши не произносили ея и моего имени вмѣстѣ!...

«Обо мнѣ не жалѣйте. Я кончаю свой минутный вѣкъ, покорный и спокойный. Моя судьба завидна. Немного пожилъ я, но много, но искренно *былъ любимъ*. Два сердца обязаны мнѣ своимъ земнымъ счастіемъ, своей надеждой въ мірѣ лучшемъ—двѣ женщины соединили на мнѣ, на *мнѣ одномъ*, всю свою преданность, всю заботливость и нѣжность свою — я былъ душею двухъ возвышенныхъ и великихъ душъ.

»Меня украдкою искушаютъ мысли о жизни. Мнѣ будто жаль ее, кажется... я узналъ не всѣ ея радости, но разумъ мой говоритъ мнѣ противное, и я повторяю съ нимъ: хорошо, хорошо, что все *теперь* для меня кончается! Какъ предузнать, что было бы *послѣ*! Какъ угадать, что готовило мнѣ будущее, и чѣмъ *завтра* могло смѣнить *вчера*! Статься можетъ, мое счастье было, что я не изъ долголѣтнихъ? Лучше, лучше унести съ собою сердце полное очарованія, свѣта, теплоты, еще неотравленное ни обманомъ, ни утратою, ни разувѣреніемъ. И къ тому-же,

какъ сладко, какъ освѣжительно думать, что не исчезну я изъ міра незамѣченный, что не пропаду я въ нѣмомъ забвеніи. О, если меня не напутствуютъ прощанія и благословенія, то они потомъ отыщутъ мой прахъ, и тризны по мнѣ будутъ правиться ежедневно въ сокровенной тиши одного оставшагося на землѣ сердца. Никогда не былъ я себялюбцемъ, но нынѣ, въ послѣдній день моей жизни, я упиваюсь слезами, которыя прольются въ память мнѣ.

»Валевичъ, я сказалъ вамъ, что не жалѣю о жизни, но я не сказалъ, не могъ сказать, что мнѣ не жаль *ея*, что мнѣ не больно ее оставить...

»Пишу къ ней. Хочу самъ объявить ей разлуку. Отъ меня ударъ будетъ сноснѣе. Но я не скажу ни слова о несчастномъ платкѣ, о перчаткѣ. Зачѣмъ ей знать, что она была вмѣшана въ нашу ссору? Вчера я взялъ съ собою ложное свидѣтельство вашей коварной шутки; оно сожжено со всѣмъ, что могло быть найдено послѣ меня. Всѣ предосторожности приняты, чтобы я былъ послѣднимъ слѣдомъ ея привязанности, а мнѣ не долго ждать истребленія. Я пыль и тѣнь на ея жизни — сметите меня скорѣе! Изъ ея сердца меня ничто не изженетъ.

»Валевичъ, вы единственный участникъ нашей тайны; вы силой вторглись въ это наперсничество, и вы не откажетесь отъ долга, призваннаго вами на свою голову. Вручите, доставьте ей

мои прощальныя строки! Я увѣренъ, что вы примете на себя эту *первую* и *единственную* услугу, о которой я васъ прошу. Случай и средство вы найдете. Вы исполните все съ осторожностью, чтобы ни одна живая душа, кромѣ ее и васъ, не знала ничего. Но, ради Бога, нельзя-ли чтобы *она* была увѣдомлена немедленно послѣ событія, прежде чѣмъ молва успѣетъ разойтись по городу? Боюсь, чтобы внезапная вѣсть не постигла ея при свидѣтеляхъ, чтобы людское безжалостное болтанье равнодушныхъ не было ей погребальнымъ моимъ колоколомъ. Кто знаетъ, до чего можетъ довести ее отчаяніе? Я, погибающій для того, чтобы упрочить ей безопасность и покой, я вправѣ хотѣть, чтобы смерть моя не разстроила моихъ разсчетовъ, а мнѣ извѣстно, какъ умѣютъ толковать и блѣдность женщины, и малѣйшій признакъ ея волненія.

»Вамъ, Валевичъ, не стану говорить, какъ *она* выше всякаго осужденія, выше всякаго упрека. Вы сами въ томъ увѣрены — вы слѣдили нашу чистую взаимность, шагъ за шагомъ и отъ одной ступени до другой. Вы знаете, что она меня любила непорочною любовью ангеловъ, и что она отдала мнѣ всю свою душу, но ни единаго чувства, ни единаго трепета болѣе! Вы знаете, что нашу привязанность, мы оба, смѣло можемъ исповѣдать предъ небомъ, и что если я боюсь людей, то это потому только, что ихъ испорченное

воображеніе вездѣ ищетъ соблазна и зла. Но передъ вами мнѣ нѣтъ нужды защищать ту, которую вы знаете не хуже меня.....

„Вотъ и утро. Мы скоро увидимся. Я встрѣчу васъ безъ вражды—будьте въ томъ увѣрены.„

Горскій возвратилъ письмо полковнику. Тотъ продолжалъ свой разсказъ:

»Въ пакетѣ, привезенномъ секундантомъ, была еще бумага, подписанная Дольскимъ, и въ ней онъ объявлялъ, что самъ причиною своей смерти по *неосторожности.* Онъ хотѣлъ спасти меня отъ всякихъ непріятелей, но я не имѣлъ ни желанія, ни возможности скрыть истину. Бумага была изорвана, а я принужденъ оставить Петербургъ. Но я успѣлъ исполнить волю Алексѣя — выдумалъ сказку, и увѣрилъ своихъ товарищей, что мы дрались въ слѣдствіе жаркаго спора, случившагося въ то время, когда мы вмѣстѣ возвращались съ веселаго ужина. Никто не могъ опровергнуть словъ моихъ, ибо никто не зналъ, гдѣ и какъ былъ сдѣланъ вызовъ. — Любопытство и злословіе не занялись поединкомъ, не сопутствуемымъ романомъ, и вскорѣ Дольскій и я равно были забыты большимъ свѣтомъ, куда ни тотъ, ни другой не возвратились.

— А Юлія? Что сталось съ Юліей? — вскричало все, что было въ комнатѣ.

„Такъ какъ и ее давно забыли, то я могъ разсказать эту быль, не нарушая обѣта, даннаго памяти Дольскаго; ибо назвалъ его возлюбленную вымышленнымъ именемъ, и конечно, никто изъ васъ не отгадаетъ ея названія. Впрочемъ, *теперь* и она не должна опасаться пересудовъ молвы.—

— Какъ? Она умерла?...

„Нѣтъ! я недавно слышалъ объ ней: она живетъ въ своей деревнѣ, воспитываетъ своихъ дѣтей, и ухаживаетъ за подагрикомъ мужемъ.

— Но какъ приняла она извѣстіе о смерти бѣднаго Алексѣя!

„Какъ перенесла она свое горе?"

— Она? — Въ чужой душѣ кто-жъ прочитаетъ? Но я сужу по наружности. Вечеромъ того бѣдоваго дня — я еще былъ свободенъ, а поединокъ не разглашенъ — я собрался съ духомъ, чтобы отвезти ей письмо, увѣряя, что хочу просить ея ходатайства за секундантовъ, знавши обширныя связи ея мужа, по родству и знакомствамъ. Я засталъ ее съ гостями въ пріемной, спокойную, привѣтливую, какъ всегда. Я просилъ разговора наединѣ. Она вышла со мною въ свой кабинетъ, и тамъ, когда я объяснился, когда вручилъ завѣтную посылку замогильнаго жильца, она смѣшалась, но только на минуту, и скоро пришла въ себя, распросила обо всѣхъ подробностяхъ вызова, поединка, несчастной ихъ раз-

вязкѣ. Потомъ молча поклонилась и отпустила меня. Съ тѣхъ поръ мы больше не встрѣчались.

„Но вы вѣрно что нибудь объ ней слыхали? Вы, конечно, знаете, какъ она вынесла свою потерю?....“

— Она? — отвѣчалъ Валевичъ, пожимая плечами — она осталась чѣмъ была прежде — знатною дамою, въ вихрѣ моды; она не переставала принимать; въ ея гостиной, какъ мнѣ сказывали, я имѣлъ много доброжелателей — она говорила о поединкѣ, и съ участіемъ обо мнѣ. Она выѣзжала, танцовала, была прекрасна, какъ прежде.

„Какъ! Возможно-ли? Такъ она не любила Дольскаго? Такъ бѣдный былъ игрушкою кокетки? Такъ она и не потужила объ немъ? Не была въ горячкѣ? Не впала въ чахотку?

— Не сошла съ ума? Не сдѣлалась ханжей?

„Ея не возили въ чужіе края? Не лечили минеральными водами и Парижскими модными лавками?“

— Ни сколько. Но, случай жестоко прервалъ блестящій ходъ ея жизни. На пятомъ, или на шестомъ балѣ послѣ смерти Алексѣя, она, видно слишкомъ отъ души танцовала, оступилась, упала, вывихнула себѣ ногу, и осталась храмою на весь свой вѣкъ. Весь медицинскій факультетъ лечилъ ее, но ничто не помогло. Это происшествіе такъ ее огорчило, что она не захотѣла

оставаться въ свѣтѣ, гдѣ преждевременно попала въ *обойное лице*, въ число нетанцующихъ. — Она уѣхала въ деревню...

»И по дѣломъ ей! Бездушная тварь! Пустая вертушка! она заслужила свою участь!«

— Спасибо ногѣ, что подвернулась и отмстила за Дольскаго! Хоть отъ нея пришлось не выплясывать контраданса надъ его прахомъ!

»Всѣ эти кокетки таковы. Кажется, душу за тебя отдадутъ, а умри — такъ и слезинкой не помянутъ! Хороши!«

»Ошибаетесь, господа, ей Богу, вы всѣ ошибаетесь!« сказалъ, внезапно вставая полковой докторъ, дотолѣ безмолствовавшій во весь вечеръ. Человѣкъ въ лѣтахъ, съ истиннымъ познаніемъ своей науки и прекрасною душею, онъ былъ всѣми уважаемъ и любимъ, всегда хранилъ кроткую важность во всѣхъ своихъ пріемахъ, думалъ много, говорилъ мало; его рѣдкія слова имѣли вѣсъ и значеніе передъ каждымъ, кто зналъ его.

Въ эту минуту, обычная недвижность лица его исчезла. Его глаза оживились, его черты показывали внутреннее волненіе, душевный взрывъ чувствительности. »Хотите-ли, господа, я доскажу вамъ быль полковника, доскажу вамъ то, чего ни онъ, и никто въ мірѣ, кромѣ меня не подозрѣваетъ? Полковникъ! я узналъ ту, кого

вы описали подъ вымышленнымъ именемъ Юліи; я не могъ не узнать ея, бывши близкимъ, ежечаснымъ свидѣтелемъ этого періода ея жизни. Я былъ домашнимъ врачемъ Юліи, лечилъ ее, когда всѣ почитали ее хромою, и могу присягнуть, что ноги ея обѣ цѣлы, что ни одна изъ нихъ не была ни вывихнута, ни даже сколько нибудь повреждена!

— Какъ? Но, что-жъ значитъ ея болѣзнь, ея отъѣздъ?

»Значитъ то, что женщину, какъ гіероглифъ, не скоро разгадаешъ, что свѣтъ судитъ по наружности, и что его, этого мудреца, легко обмануть! Юлія одарена душею твердою, волею всемогущею. Опытъ научилъ ее обладать собою, скрывать себя подъ неприступными покровами общепринятаго двуличія, и она сумѣла, смогла притвориться — вотъ и все! Она поняла, что малѣйшій признакъ тревоги и грусти, малѣйшее отступленіе отъ привычекъ, измѣнятъ ей, изобличатъ тѣ чувства, которыя такъ долго, такъ тщательно она таила. Въ минуту ужаснѣйшаго перелома ея судьбы, она вспомнила, что есть *свѣтъ*, есть *общество*, и ихъ неумолимые толки. Она вспомнила, что ей должно беречь себя, свое имя, и сердце ея покорилось разсудку — скорбь уступила чистой гордости души возвышенной. — Юлія побѣдила себя, подавила въ себѣ всѣ со-

жалѣнія, всѣ терзанія, назначила себѣ роль, и выполнила ее, чего это ей ни стоило. Ея трауромъ была жестокая необходимость пышныхъ нарядовъ; ея терновымъ вѣнцомъ были цвѣты и алмазы, тяготившіе ея голову, и вмѣсто рыданій надгробныхъ, она принудила слухъ свой внимать аккордамъ бальной музыки. Она опредѣлила себѣ пытку, назначила ей срокъ, казнила себя, пока жизнь и смерть Дольскаго не погрузились въ общій токъ забвенія, куда свѣтъ такъ скоро выбрасываетъ все то, что ему не нужно, все то, что перестаетъ занимать его праздное любопытство. Тогда Юлія выбрала самый блистательный праздникъ, балъ многолюдный и шумный, гдѣ весь городъ былъ свидѣтелемъ; она нарочно упала, прикинулась изуродованною, слегла въ постелю, и нѣсколько мѣсяцевъ переносила муки леченья, обременительное участье и докучливость всеобщаго состраданія. Меня не могла она обмануть, и она отчасти открывалась мнѣ, призналась, что ей нуженъ былъ предлогъ для вѣчнаго разрыва съ большимъ свѣтомъ. Я понялъ ее, помогъ ей въ безгрѣшномъ обманѣ, произнесъ надъ нею приговоръ неизлечимости. И сопровождаемая сожалѣніями толпы, она оставила навсегда прежнее свое поприще, но оставила его какъ торжествующая царица, подъ защитою имени блестящаго, съ незапятнанностью красоты, ума и достоинства. Она удалилась въ деревню,

куда я самъ проводилъ ее. Тамъ воспитываетъ она своихъ дѣтей, ходитъ за устарѣвшимъ, хилымъ мужемъ, какъ вамъ уже сказалъ полковникъ — тамъ она живеть жизнью души, жизнью таинственною, невысказанною. — Я и теперь въ перепискѣ съ нею. Она все та-же....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
INFORMATION
CONSERVATION, INC
MAY-JUNE 1988